

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

Женщины и феминизм в глобальной политике

2022 Том 24 № 1

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория – доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта – доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин – доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр – доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола – доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич – доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна – доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашар Свати – доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фидеева Любовь Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Microsoft Academic, Research4Life

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20827.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* – периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. Научный журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются: политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследование социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНПИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: polity@rudn.ru

Литературный редактор: И.Л. Панкратова

Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: +7 (495) 936-85-28;

e-mail: polity@rudn.ru

Подписано в печать 24.02.2022. Выход в свет 28.02.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,4. Тираж 500 экз. Заказ № 9. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

Women and Feminism in Global Politics

2022 VOLUME 24 No. 1

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy,
Full Professor of the Department of Comparative
Politics, Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department
of Comparative Politics, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova – Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina – PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell – PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska – Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy – PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz – Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada – Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France
Boris G. Kapustin – Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova – Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova – Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar – PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Lyubov A. Fadeeva – Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and postgraduates students in the fields of political science and international relations.

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Review editor *I.L. Pankratova*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10a Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Parashar S., Kazarinova D.B. Introducing the Special Issue: Interview with Swati Parashar about Women and Feminism in Global Politics (Парашар С., Казаринова Д.Б. Женщины и феминизм в глобальной политике: интервью со Свати Парашар (вместо предисловия))	7
---	---

ФЕМИНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИКИ

Кутелева А.В. Множественность феминизма: синтезы локальности и универсальности	16
---	----

Успенская В.И., Козлова Н.Н. Феминистская внешняя политика: концептуализация и имплементация понятия	25
---	----

Abbasov N.A. Feminist Foreign Policy and Gender Justice on the International Agenda (Аббасов Г.А. Феминистская внешняя политика и гендерная справедливость в международной повестке)	42
---	----

Leenders A.M.R. How Can UN Digital Policy Enable the Rights of Women? (Линдерс А.М.Р. Как цифровая политика ООН может способствовать реализации прав женщин)	53
---	----

Гнедаш А.А. Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер	64
--	----

Брехов Г.С. Женщины и анархизм: анархо-феминистическое движение в странах Европы и Соединенных Штатах Америки	90
--	----

ЖЕНЩИНЫ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: УЧАСТИЕ И КВОТИРОВАНИЕ

Колесник Н.В. «Хрупкое представительство», или Женщины в большой политике: случай административной элиты	107
---	-----

Волкова А.В., Лукьянова Г.В., Кулакова Т.А. Гендерное измерение цифрового вигилантизма в России	120
--	-----

Amiantova I.S., Bitsadze N. Gender Quotas for Political Participation and the Case of Georgia (Амиантова И.С., Бицадзе Н. Гендерное квотирование политического участия на примере Грузии)	136
--	-----

Прокопенко Л.Я. Гендерное равенство в политическом пространстве стран Юга Африки: успехи и проблемы становления	148
--	-----

Utkina V.V., Efimova A.V. Career Barriers in Ghana: Evidence from Female Civil Servants (Уткина В.В., Ефимова А.В. Карьерные ограничения для женщин на государственной службе в Гане)	166
--	-----

CONTENTS

Parashar S., Kazarinova D.B. Introducing the Special Issue: Interview with Swati Parashar about Women and Feminism in Global Politics	7
--	---

FEMINISM AS AN IDEOLOGY AND CONCEPTUAL BASE FOR POLITICS

Kuteleva A.V. The Multiplicity of Feminism: Syntheses of the Local and the Universal	16
Uspenskaya V.I., Kozlova N.N. Feminist Foreign Policy: Selected Issues of Conceptualization and Implementation	25
Abbasov H.A. Feminist Foreign Policy and Gender Justice on the International Agenda	42
Leenders A.M.R. How Can UN Digital Policy Enable the Rights of Women?	53
Gnedash A.A. The Fourth Wave of Feminism: Political Discourse and Opinion Leaders in Twitter	64
Brekhov G.S. Women and Anarchism: The Anarcha-Feminism Movement in Europe and the United States	90

WOMEN IN PUBLIC POLICY: REPRESENTATION AND QUOTAS

Kolesnik N.V. “Fragile Representation” or Women in Big Politics: The Case of the Administrative Elite	107
Volkova A.V., Lukyanova G.V., Kulakova T.A. Gender Dimension of Digital Vigilantism in Russia	120
Amiantova I.S., Bitsadze N. Gender Quotas for Political Participation and the Case of Georgia	136
Prokopenko L.Ya. Gender Equality in the Political Landscape of Southern African Countries: Progress and Problems of Evolvment	148
Utkina V.V., Efimova A.V. Career Barriers in Ghana: Evidence from Female Civil Servants	166

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-7-15

Editorial article / Редакционная статья

Introducing the Special Issue: Interview with Swati Parashar about Women and Feminism in Global Politics

Swati Parashar¹, Daria B. Kazarinova²✉¹University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden²RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉kazarinova-db@rudn.ru

Abstract. Gender issues and feminist studies are rare in Russian Political Science. This gap is surprising given the increasing international recognition of women's rights, as well as growing interest in mainstreaming gender equality norms and removing key obstacles to women's advancement. This special issue addresses this gap by bringing together studies that use feminist optics to examine a variety of political spaces, including those where feminism has not yet become an ideological mainstream. Presenting the contributions and the core ideas that unite them, we discussed with Professor Swati Parashar non-Western feminisms and problematic legacies of Western feminisms. Guiding our conversation were questions such as: What is feminism today? What is feminist foreign policy and what is its potential? In what ways can gender equality quotas contribute to the political empowerment of women? How can international organizations encourage diversity in women's representations from the Global South?

Keywords: Feminism, gender studies, women representation, gender quotas, non-Western feminism, feminist theory of International Relations, Feminist foreign policy, Women, Peace and Security agenda, Russian feminism, power of silence

For citation: Parashar, S., & Kazarinova, D.B. (2022). Introducing the special issue: Interview with Swati Parashar about women and feminism in global politics. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 7–15. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-7-15>

Женщины и феминизм в глобальной политике: интервью со Свати Парашар (вместо предисловия)

С. Парашар¹, Д.Б. Казаринова²✉¹Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉kazarinova-db@rudn.ru

Аннотация. Гендерные проблемы и феминистские исследования редко встречаются в российской политической науке. Этот разрыв вызывает удивление, учитывая растущее международное признание прав женщин, а также растущий интерес к актуализации норм гендерного

© Parashar S., Kazarinova D.B., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

равенства и устранению основных препятствий на пути улучшения положения женщин. Данный специальный выпуск восполняет этот пробел, объединяя исследования, использующие феминистскую оптику для изучения различных политических пространств, в том числе тех, где феминизм еще не стал идеологическим мейнстримом. Представляя вклад и основные идеи, которые их объединяют, мы обсудили с профессором Свати Парашар незападный феминизм и проблемное наследие западного феминизма. Направлением нашего разговора были такие вопросы, как: Что такое феминизм сегодня? Что такое феминистская внешняя политика и каков ее потенциал? Каким образом квоты на гендерное равенство могут способствовать расширению политических прав и возможностей женщин? Как международные организации могут поощрять разнообразие в женском представительстве?

Ключевые слова: феминизм, гендерные исследования, женское политическое представительство, квоты, незападный феминизм, феминистская теория международных отношений, феминистская внешняя политика, повестка дня в области мира и безопасности для женщин, российский феминизм, сила молчания

Для цитирования: Parashar S., Kazarinova D.B. Introducing the special issue: Interview with Swati Parashar about women and feminism in global politics // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 7–15. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-7-15>

Today, the international recognition of women's rights is increasing and the interest in mainstreaming gender equality norms and removing key obstacles to women's advancement is growing. However, gender issues and feminist studies are rare in Russian Political Science. While Russian civil society is alive with diverse ideas of gender equality and feminisms, Russian Political Scientists pay little – if any – attention to gender(ed) politics and their intellectual contribution to the development of non-Western feminisms is minor.

The idea that the Soviet project solved the so-called “women's issue” together with the major feminist concerns prevails in both public and academic discussions. Many believe that Soviet women and, accordingly, women of post-Soviet Russia do not need to fight for political rights, demand access to education and labor market, protect women's reproductive rights, and do not encounter racialized problems. Indeed, the experiences of Russian women differ significantly from the experiences of women in the Global North or post-colonial societies of the Global South. Queer, body- and sex-positive, intersectional, and radical feminisms are far from the Russian mainstream and outside of the core political agenda. However, these feminist discourses attract young people and enter popular culture (especially via women's stand-up comedy). A brief survey of RUDN University students who took an elective course *Feminism in politics and culture* shows that we need to include gender issues and feminist theories in the curriculum.¹

Today, Russian feminism challenges the discourse of “traditional values” promoted by the state, yet its discursive strategies do not merge with the Western

---

¹ Online survey N=59 among RUDN students: 81% female students, 70% study humanities and social sciences, more than 51% consider gender and feminism issues important for themselves, more than 80% often or occasionally face the gender inequalities, more than 72% require more gender and feminist focus in their curriculum.

agenda. These strategies focus on acute social problems of Russian society, including domestic violence, reproductive pressure, pay gap, restrictions for women's NGOs, and normalized sexism in all public spaces. However, only a few female politicians include these topics in their political programs. Those who risk doing so face rather harsh criticism from both their colleagues and the broad conservative community (*Anna Volkova, Galina Lukyanova, and Tatiana Kulakova* examine a case of gender-oriented digital vigilante communities). We decided to discuss key ideas of our special issue with Swati Parashar who is our editorial board member. She is also the current co-editor of the *International Feminist Journal of Politics*, co-editor of the recent "Routledge Handbook of Feminist Peace Research" [Väyrynen, Parashar et al. 2021] and other volumes [Parashar et al. 2018, Parpart, Parashar 2019], and is Professor in Peace and Development at the School of Global Studies, University of Gothenburg in Sweden.

– ***Does Russian feminism sound weird in the context of how Russia presents itself in the international arena, responding aggressively to “wokeism”?***²

– Russian feminism does not sound weird at all. In these times, feminism could be understood from two perspectives. The first aspect is the regime or state versions of feminism. Most past and current regimes have different connotations and understandings of the idea of feminism. They have different ways of interpreting what feminists do, how radical feminists act and how perhaps feminism destroys the basic traditional values of society. These regimes (in Turkey, Poland, Hungary, for example) in the name of preserving traditional values have taken tough measures against gender equality and gender justice, and the Russian regime has also led this backlash against progressive feminist values. Most of these regimes have their own ways of addressing gender roles and what men and women should do in their societies. Their backlash against feminism and gender studies cuts across different spheres of society, polity, academic institutions, and labor market conditions. Despite the regime backlash, Russian feminism has had an impact on present day gender discourse and practice in the country. The second point is the definition of the term, feminism. Feminism is not a popular word and most communities, societies and states define it to suit their agenda. The terminology has generated debate in different parts of the world as to what constitutes feminism and how it should shape the gender discourse. This is an unresolved issue. Several societies use feminist approaches to address various aspects of women's rights and gender equality, including human rights, abortion control, social reforms, women's education, and women's right to owning properties. All these might deploy feminist thinking and approaches, but there may be resistance to defining it as such. Feminism must be understood within specific historical contexts, challenging traditional discriminatory norms against women and other minorities. In this sense, we must appreciate the achievements of Russian feminism, that has both challenged

---

² Lukin A.V. The Right to Insanity: A New Ideology of “Woke” Western Elites and Its Consequences. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-right-to-insanity/> (accessed: 28.12.2021).

the backlash from various regimes and worked for the advancement of women's rights in the country.

Anna Kuteleva, who inspired the theme of this issue, stresses that oppressive relations that feminists oppose have different configurations depending on the social, economic, cultural, and political contexts. As a result, the monolithic notion of feminism crumbles into multiple feminisms. She analyzes the conceptual and political rifts within the “global” feminism associated with the hegemony of “western” ideas and its criticism by transnational and postcolonial feminists. Examining more than a million Twitter posts by the fourth-wave feminists, *Anna Gnedash* demonstrates that their discourses are mosaic and fluid, sliding on the surface of everyday life.

– If today's feminism is as heterogeneous and diverse as our authors claim, is there global feminism? Do Western and non-Western feminists have a shared agenda? A common methodology? Or no more than a set of the very basic ideas in the context of human rights?

– Feminism has come in different waves. These waves also highlighted the differences between Western and non-Western feminism. Overall, there is a disconnect between global North and South, due to particular understandings of the terminology and different historical trajectories and socio-political developments. There has always been some finger pointing towards certain places specifically Africa, Middle-East, Asia etc. which are seen as not doing feminism the right (read Western) way. The recent Black Lives Matter movement also highlighted the angst of black feminists who once again highlighted the brutalities of colonialism and how white feminists were complicit. However, in recent times, there have also been a lot of dialogue and discussions between feminists from the Global South and North and a transnational feminist network has emerged. Feminists in several countries and community organizations are working together to challenge regimes, institutions and societies against sexism, racism, gender-based violence etc. There are many transnational conversations taking place beyond statist discourses but it can certainly be better. First, there should be constant cooperation and dialogue among feminists within the regions and countries in terms of advocating for similar issues and providing support in their quest to find solutions. These can be done through stakeholder meetings and conferences, building transnational networks to project feminist ideas. Many of the issues are common to both western and non-western feminists e.g. labor rights, sexual violence, domestic violence, reproductive rights, political representation, other forms of gender discrimination etc.

Also, there should be a reconsideration of the indiscriminate use of the vocabulary of feminism, to focus on all aspects of women's rights and issues in different forms. This pragmatic change will seek to redefine the course of gender activism and enable feminism without its limiting language and vocabulary.

Valentina Uspenskaya and *Nataliya Kozlova* conceptualize feminist foreign policy. They analyze the so-called “Hillary doctrine” and the UN feminist resolutions, linking these initiatives to the theory and practice of international relations. *Hussein Abbasov*, in contrast, focuses on the fundamental limitations of

the landmark UN Security Council Resolution 1325 on women, peace, and security and brings to the fore its failure to achieve the goals lobbied by women rights experts, scholars, and international diplomats. His study unveils the pragmatic approach of the global political elite in addressing gender justice issues based on rationality and patriarchy.

– *Handbook of Feminist Peace Research that you recently co-edited* [Väyrynen, Parashar et al. 2021] *argues that critical feminist thinking is necessary to analyze the core issues of peace and conflict and is fundamental to finding solutions for global problems. At the international level, is feminist foreign policy an empty political rhetoric or a road map to implementing critical thinking? Can it gain momentum in the post-pandemic world? And, finally, what are the relations between feminist foreign policy and hypermasculine conservative foreign policy of authoritarian and populist leaders?*

– That’s a very good question. I’ve always been very critical of feminist foreign policy (FFP). So, if you are looking for a person who supports it, I’m not that person. I’m critical of two things: feminist foreign policy and what is called the Women Peace and Security agenda, emerging out of UN Resolution 1325. My first point is that it has become a very instrumentalized way for western feminism to assert itself and project a very liberal, white, western agenda. I think most of feminist foreign policy or what Canada launched as “feminist foreign aid” or the Women Peace and Security agenda, benefited western feminists who got large grants from governments, and establish research centers and organizations. But actual work on the ground tells a different story. Moreover, these feminist centers work closely with states. Isn’t that a problem, when feminists have had a very problematic and nuanced relationship with the state?

Secondly, most of this terminology that has evolved like feminist foreign policy assumes something new is being offered, pioneered by the West. Many of the countries in the Global South have had feminist foreign policy from time to time. They may not have used the term feminist foreign policy but they were feminist in how they approached things. I wrote a piece with my colleague Bina D’Costa on what FFP has meant in South Asia. At various points of time many governments in non-western context have taken very humanitarian positions which may look like FFP in action. So, it is not unique to Sweden or western democracies. These days one person who is often cited is Jacinda Ardern of New Zealand. I don’t think these are unique countries. I think many countries have dealt with humanitarian and humane foreign policies.

My third point is that there is a certain coloniality in how FFP is framed. The very idea that some parts of the world can be told how to do feminism, how to think about feminist foreign policy is problematic. There is a civilizational mission here, whether or not you agree. If you look at some of the documents that are produced or some of the discourses around FFP, Women, Peace and Security (WPS) agenda, many training programs are undertaken in the Global South, Asia or Africa.

My fourth point that all these concepts: feminist foreign policy, feminist foreign aid, and the WPS agenda work around the idea of gender equality. What their

advocates say is that they promote gender equality. As I understand and argue, it is very problematic to assume that societies that are non-western do not have a very enlightened sense of gender equality. If you look at some recent discourses in western feminism, they have developed tools to identify gender equality. But my point is can you really quantify this term and make it comparable without really paying attention to context and history.

We have to think about context, how these countries have evolved into modern nation states and what their histories are. In fact, many of the conservative laws in India which feminists have challenged were established during the colonial era. One such colonial law was section 377 of the Indian penal code which criminalized homosexuality. In 2018, it was declared unconstitutional by a bench of Supreme Court judges, after several decades of feminist and LGBTQ activism, but this law had its origins during the British colonial rule.

I want to address the last point. I wouldn't say that masculine illiberal regimes exist in a vacuum. In foreign policy even these regimes can show nuance. Foreign policy is a very complex domain. For example, India currently has in the international sense, an illiberal right-wing regime, which emphasizes on traditional values and talks about invoking the great Indian civilizational values. But if you study carefully, there is a continuity in foreign policy in the last 74 years since its independence, despite regime changes. In international relations you cannot act alone. Even conservative regimes like Saudi Arabia reinvent their foreign policy from time to time and show the world that they are trying to reform. So regimes can be illiberal but very careful when they craft foreign policy. Donald Trump, when he came to power, made ridiculous policies to stop refugees and vulnerable people from entering America. He introduced the Muslim ban but it was not sustainable. I think that political wisdom prevails in some form in most cases. Feminist foreign policy is very problematic in how it has been framed, understood and advocated.

– That was really my problem with the concept “Feminist foreign policy”, it is a kind of analogue of Kantian idea of democratic peace. But the truth is democracies do fight and this idea fails. The idea of feminist peace also fails. But this idea of feminist peace is still enormously widespread. Why?

– Of course democratic peace theory has failed. Western democracies do not make war because they are busy bombing other parts of the world. Look at US, UK, France and what they do. Sweden is also known to sell arms to other countries. I agree with you. This idea that women should go into politics and make the world more peaceful does not help, it is not women's job to fix a world messed up by patriarchy. We want more women in politics because we want diversity of opinion and actions and we are tired of watching men usurp power all the time. Women are creative, have different ideas and thoughts even if they prefer to go to war. In India, we had a woman prime-minister, Indira Gandhi, who also went to war, but she had a very different approach to the politics of war. Same is the case with other women leaders, they bring fresh perspectives, and may not be necessarily peaceful. Look at Sheikh Hasina, Jacinda Ardern or Angela Merkel, or Late Benazir Bhutto in the past. There is no good enough reason to keep 50% of the population out of power.

You cannot argue that as a woman should only enter politics if you work for women and world peace. That is an avoidable gender stereotype.

Anna Maria Leenders studies the roles modern international organizations play in women's right protection in the context of technological modernization. Particularly, she highlights the gender gap in using ICT technologies and concludes that the UN's sustainable development goals underestimate the importance of digitalization for ensuring women's rights, yet this initial inequality of access exacerbates the future inequalities.

Natalya Kolesnik demonstrates that more feminized regional governments are formed in economically prosperous regions of Russia, whereas gender imbalances often characterize the governments of regions that economically dependent on the central authorities and those located in the south of Russia. Her study supports the claim that economic backwardness, social conservatism, and women underrepresentation are interconnected. *Irina Amiantova* and *Nikoloz Bitsadze* study gender quotas for political participation in Georgia and conclude about their positive relationship.

– The rise of women representation in politics does not mean automatically a feminist politics. In conservative societies women tend to support conservative values as we see in multiple cases. When quantity of women participation turns into quality? Does the quotas really solves a problem?

– In India we have been asking for 33% reservations for women in the Parliament, but we have not succeeded. I actually favor quotas and think that this is the way to make space for disadvantaged people and bring them to the mainstream, whatever that is. Women have been disadvantaged for far too long. Critics of quota always argue that it only empowers certain kind of women, it doesn't benefit the right kind of women. But the real problem is that sections of the population have been excluded, and it is important that these people get more visibility. This is the argument I make when I say that we need more women leaders, more women in politics and it does mean a more peaceful world. Having a woman prime-minister or a president in Russia will not mean that Russia will become less masculinist. Women leaders can also be brutal. But it doesn't mean that we do not make space for women leaders just because they are not doing the job that we think they should. The responsibility of making the world better does not lie with women or feminists. They are here to argue that we need a gender equal and gender just world. In my work on women militants, for example, I have argued that women have equal stake in violence and we should listen to violent women, not considering them aberrations and cogs in the patriarchal machine. I'm not saying that violence is a good thing. But why are violent women excluded?

In India we have quotas for castes minorities, for religious minorities, for indigenous minorities. I think quotas or positive discrimination really helps. The problem appears when these quotas become institutionalized and they don't allow real democratic values to emerge. Quotas become so entrenched in the structures that only some kind of people benefit on a repeat mode. In India one kind of analysis posits that quotas enable a *creamy layer* among the disadvantaged. The same

families benefit from one generation to another, the rest are excluded. Social mobility is thus, restricted to only a few and their kin. Quotas have to be introduced but we need a detailed study and analysis of what they achieve in different contexts. I support quotas.

Liubov Prokopenko, as well as *Valeria Utkina* and *Alina Efimova* focus on women political participation in Africa. These studies show that women who choose a career in public administration still face gender discrimination and harassment.

– ***You worked in Africa and published an excellent paper in “Third World Quarterly” [Parashar, Schulz 2021]. What is African feminism about? Do western feminist movements help African women? What are the key challenges for UN empowerment programs?***

– There is a lot of critique of western feminists and western governments development involvement in Africa. I live in Sweden which, like other Nordic countries, provides a lot of development aid to Africa. However, what this aid actually means on the ground needs to be independently evaluated. African feminists have always challenged the assumption that Africa does not have a strong feminist rights movement. They have argued that development aid is not charity given the exploitative histories of colonialism. Feminists of color, and African and African-American feminists in particular have spoken out against patronizing and appropriating tendencies of white western feminism.

Has western feminism collaborated well with African women? I would say, yes and no. Yes, because some development projects have been useful and relevant. There were a lot of development interventions in conflict societies and the resources come from the West. Africa is in need of resources, but African countries are not poor as a matter of choice and destiny. They were deliberately impoverished because of the histories of colonialism. Western countries went in and really devastated and pillaged Africa. Some UN agencies like UNICEF, UNDP, UNHCR do a lot of good work and they have an international staff. But the UN system is largely western dominated with western trained staff and volunteers who may not be trained in local contexts.

African feminists are resisting and have always resisted western development interventions that do not consider local contexts, are embedded in coloniality and ignore African aspirations and visions. And it is once again time for western feminists and western development interventions to actually listen to Africans. It is no longer the time for western feminists to talk and make African, Asian and Russian feminists listen, it should be the opposite.

– ***One of your latest volumes edited with your co-author is “Rethinking Silence, Voice and Agency in Contested Gendered Terrains”. Could you explain more the concept of Power of Silence in this context, I am not familiar at all. It sounds really new.***

– This is still a new idea. It comes from partly the critique of white western feminism which has insisted that resistance has to be vocal. You have to always perform speech acts to resist. Jane Parpart (Canadian IR feminist) and I argue that

very often we underrate silence [Parpart, Parashar 2020]. It is wrong to assume that people who are silent are not resisting, they have no ideas, self-awareness or consciousness, they are just silently suffering. We challenge the idea that silence disempowers people. Silence can be a collective strategy of survival for many societies, and it can also be powerful and challenge oppressions. There are multiple ways where you can use silence to challenge oppressive structures and regimes. It can be symbolically deployed as well. Mahatma Gandhi remained silent one day a week; he called it silent fast. Silence also enables better listening. Not everyone can protest verbally and become vocal opponents. The book shows how silence can be creative in multiple ways, how it can allow you to go deep inside you, how it is liberating, personally evolutionary and meditative, when you can find internal power and courage to challenge any form of oppression.

The interview is presented by Daria Kazarinova
Интервью подготовила Казаринова Дарья Борисовна

Received / Поступила в редакцию: 30.12.2021
Accepted / Принята к публикации: 30.12.2021

References

- Parashar, S., & Schulz, M. (2021). Colonial legacies, postcolonial 'selfhood' and the (un)doing of Africa. *Third World Quarterly*, 42(5), 867–881. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1903313>
- Parashar, S., Tickner, J.A., True, J., & Spike Peterson, V. (Eds.). (2018). *Revisiting Gendered States. Feminist Imaginings of the State in International Relations*. Oxford University Press.
- Parpart, J.L., & Parashar, S. (Eds.). (2020). *Rethinking Silence, Voice and Agency in Contested Gendered Terrains*. Routledge.
- Väyrynen, T., Parashar, S., Féron, E., & Confortini, C.C. (Eds.). (2021). *Routledge Handbook of Feminist Peace Research*. Routledge.

About the authors:

Swati Parashar – PhD in Politics and International Relations, Professor in Peace and Development School of Global Studies, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden) (e-mail: swati.parashar@gu.se) (ORCID: 0000-0001-7162-6367)

Daria B. Kazarinova – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9416-5898)

Сведения об авторах:

Парашиар Свати – доктор политических наук (политика и международные отношения), профессор в области мира и развития Факультета глобальных исследований Университета Гётеборга (Гётеборг, Швеция) (e-mail: swati.parashar@gu.se) (ORCID: 0000-0001-7162-6367)

Казаринова Дарья Борисовна – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9416-5898)

ФЕМИНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИКИ

FEMINISM AS AN IDEOLOGY AND CONCEPTUAL BASE FOR POLITICS

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-16-24

Научная статья / Research article

Множественность феминизма: синтезы локальности и универсальности

А.В. Кутелева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация
✉ akuteleva@hse.ru

Аннотация. Любые универсальные определения феминизма – как и того, что составляет феминистскую теорию, политическую стратегию и связанные с ней практики – проблематичны. Патриархальные отношения, против которых феминизм выступает, имеют разные конфигурации в зависимости от социального, экономического, культурного и политического контекста. Следовательно, существуют разнообразные феминизмы – множество синтезов локального и универсального знания. Данная статья анализирует концептуальные и политические разломы внутри условно глобального феминизма, связанные с гегемонией «западных» идей и ее критикой со стороны транснациональных и постколониальных феминисток, а также рассматривает подходы к пониманию постсоциалистических трансформаций и локализации феминизма, и в частности эволюции феминистских идей в России.

Ключевые слова: транснациональный феминизм, постколониализм, постсоциалистический переход, постсоветские гендерные исследования, колониальность, транслокальность, глобализация

Для цитирования: Кутелева А.В. Множественность феминизма: синтезы локальности и универсальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 16–24. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-16-24>

The Multiplicity of Feminism: Syntheses of the Local and the Universal

Anna V. Kuteleva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
✉ akuteleva@hse.ru

Abstract. Any universal definitions of feminism – as well as what constitutes feminist theory, political strategy, and related practices – are problematic. The patriarchal relations that feminists

© Кутелева А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

oppose have different configurations depending on the social, economic, cultural and political contexts. Consequently, there are various feminisms: multiple syntheses of local and universal knowledge. This article analyzes the conceptual and political rifts within the “global” feminism associated with the hegemony of “western” ideas and its criticism by transnational and postcolonial feminists and examines the postsocialist transformations and localizations of feminism and, in particular, the evolution of feminist ideas in post-soviet Russia.

Keywords: transnational feminism, postcolonialism, postsocialist transition, post soviet gender studies, coloniality, translocality, globalization

For citation: Kuteleva, A.V. (2022). The multiplicity of feminism: Syntheses of the local and the universal. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 16–24. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-16-24>

Множественность феминизма

Женщины разных стран и культур объединялись, чтобы отстаивать свои права, по крайней мере, начиная с эпохи «первой волны» феминизма. В начале XX в. борьба за политические и социальные права, за мир и антимилитаризм объединила женщин всего мира. Современный феминизм – это один из результатов этой борьбы. Но что такое феминизм? Кто такие феминистки? Как мы понимаем феминизм вне национальных границ? В разных культурах? Через века? Эти вопросы ежедневно поднимаются активистками современного женского движения, исследователями, журналистами и обывателями. Кажется, что у всех участников обсуждения разные ответы и каждый ответ наполнен своим политическим и эмоциональным зарядом.

Любые универсальные определения феминизма или того, что составляет феминистскую теорию, политическую стратегию и связанные с ней практики, проблематичны. Патриархальные отношения, против которых феминизм выступает, имеют разные конфигурации в зависимости от социального, экономического, культурного и политического контекста. Абсолютно очевидно, что контексты, в которых появляются и развиваются феминистские идеи, существенно различаются. Локальный опыт приводит к ситуативному знанию. Идеи, которые являются прогрессивными в одной социокультурной ситуации, могут быть регрессивными в другой. Следовательно, существуют разнообразные *феминизмы* – и речь идет о кардинально различных подходах к проблемам гендерного неравенства и связанным с ними стратегиям расширения и уравнивания политических, экономических, социальных и личных прав для женщин.

В глобальном масштабе различия между феминистками возникают не только из источников их идей – светские или религиозные идеологии, философские концепции, сопротивление различным формам эксплуатации, политика идентичности, этническая принадлежность или понимание сексуальности, но также и из-за различного понимания того, что значит быть женщиной. При этом, как подчеркивают Елена Здравомыслова и Анна Темкина, «для феминизма к контексте глобализации характерно сочетание локальных действий с политикой кросс-культурной солидарности» [Здравомыслова,

Темкина 2007:75]. То есть критическая позиция и стремление к социальной справедливости сближают феминисток, находящихся в разных социокультурных и политических системах.

В данной работе мы рассматриваем современный феминизм во множестве синтезов локального и универсального знания. Разделение международного пространства после Второй мировой войны на капиталистический Первый мир, социалистический / коммунистический Второй мир и постколониальный Третий мир включало параллельное разделение между женщинами каждого из этих миров. Как справедливо подчеркивает Дженнифер Сухланд, «несмотря на попытки выйти за рамки ограничений мета-географии трех миров Холодной войны, многие ее симптомы остаются с нами и сегодня» [Suchland 2011:838]. Отталкиваясь от «мета-географии трех миров», в первой части работы мы анализируем концептуальные и политические разломы внутри условно глобального феминизма, связанные с гегемонией «западных» идей и ее критикой со стороны транснациональных и постколониальных феминисток. Во второй части работы представлены подходы к пониманию постсоциалистических трансформаций и локализации феминизма, и в частности к эволюции феминистских идей в постсоветской России.

Критика «западного» феминизма и эволюция транснационального постколониального феминизма

Международная иерархия, являющаяся продуктом «мета-географии трех миров», привела к разрыву между феминизмами Первого мира и Третьего миров. У этих феминизмов разные приоритеты: большинство феминисток Первого мира считают правовое равенство и репродуктивные права ключевыми феминистскими требованиями и целями борьбы, тогда как активистки Третьего мира выделяют колониализм и империализм как основные препятствия на пути продвижения прав женщин. Разногласия между феминизмами Первого и Третьего миров проявились еще в самом начале Десятилетия женщины ООН (1976–1985), направленного на решение проблемы низкого статуса женщин во всем мире, и особенно на первой (Мехико, 1975 г.) и второй (Копенгаген, 1980 г.) Всемирных конференциях по положению женщин [Moghadam 2015:57–58]. В 1980-е гг. эти разногласия усугублялись на фоне того, что большинство международных проектов в области развития в странах Третьего мира игнорировали интересы местных женщин. В частности, многие проекты исключали местные сообщества из процесса планирования развития и не принимали во внимание производительную роль женщин, а также их репродуктивные обязанности и потребности. В целом условно глобальную феминистскую теорию, то есть институционализированные идеи и доминантные дискурсивные шаблоны внутри широкой интеллектуальной парадигмы, во второй половине XX в. характеризовало представление об универсальности гендерной иерархии, которая не зависит от контекста. Превалявавшая гендерная асимметрия, предписывающая представительницам Первого и Третьего миров разные роли, лишала колониальные субъекты

(«субалтернов» [Spivak 2003]) возможности построения собственной позитивной идентичности.

В 1990-е гг. конфликт между феминизмами Первого и Третьего миров постепенно трансформировался в конфликт между «западом и всеми остальными». Гада Махруз определяет «запад» как «политико-экономическую программу, которая формирует социальные структуры и властные отношения в расистском глобальном мире» [Mahrouse 2008:91]. Данное определение строится на диспозиционном и реляционном понимании власти, то есть характеризует власть «запада» как возможность, способность и потенциал, который может быть реализован (а может остаться и нереализованным) только в процессе социальных отношений. В модернистской/колониальной нелиберальной модели развития¹, где «запад» позиционирует себя инициатором всех социальных отношений, «все остальные» должны пассивно признавать его нормативную гегемонию. Индерпал Гревал и Карен Каплан, основательницы транснациональной феминистической культурологии, утверждают, что эта модель упрощает сложные и многослойные социальные отношения до простейшей бинарной конструкции «центр-периферия», лишает субъектности подчиненные группы (бывший Третий мир), а также игнорирует динамику власти внутри каждой стороны бинарной модели (как внутри бывшего Первого мира, так и внутри бывшего Третьего мира) [Grewal, Kaplan 1994:9]. В результате, несмотря на лучшие намерения «западных» феминисток, их теории и выстроенные на основе этих теорий активистские стратегии исходят из позиции «цивилизованные мы / варварские они».

Критики «западного» феминизма противопоставляют ему транснациональный постколониальный феминизм, который – как теория и мобилизационная стратегия – объединяет женщин Глобального Юга и цветных женщин Глобального Севера [Grewal, Kaplan 1994; Grewal 1998; Mohanty 2003; Conway 2017]. Транснациональная феминистская теория утверждает, что «западные» модели феминизма игнорируют значимые различия между женщинами на местном и глобальном уровнях, представляя белых обеспеченных женщин Глобального Севера как спасительниц их обездоленных «сестер». Как суммирует Лорен Б. Уилкокс, «неотъемлемого и единого для всех женщин *женского опыта* не существует», поэтому теоретические конструкции, которые обобщают жизни *всех* женщин, «универсализируют опыт каждой конкретной женщины и воспроизводят иерархические властные отношения» [Wilcox 2015:42].

В последние несколько десятилетий транснациональное феминистское движение набирает силу. Социолог и исследовательница международного

---

¹ Как пишет Вальтер Миньоло, «современность (*modernity*) – это не онтологическое развертывание истории, а гегемонистский нарратив западной цивилизации» [Mignolo 2011:279]. Следуя логике Миньоло и других критических исследователей, мы подчеркиваем, что доминирующая нелиберальная модель развития является продуктом колониальной современности и дискурсивным инструментом дисциплинирующей силы «запада», то есть одновременно и модернистской, и колониальной.

феминистского движения Валентайн М. Могхадам утверждает, что динамичное развитие транснационального феминистского активизма после принятия так называемой «Пекинской декларации»² в 1995 г. является результатом глобализации и усиливается вследствие быстрого прогресса в области информационных и коммуникационных технологий. Она характеризует существующие транснациональные феминистские сети как «подвижные и неиерархические структуры, охватывающие локальные и глобальные пространства» и вносящие серьезный вклад в «глобальное гражданское общество», сочетая утопические и прагматические подходы и ориентации [Moghadam 2015:56]. Сегодня объектом критики транснационального феминизма становится не только универсализирующий «западный» феминизм как таковой, но и различные формы и сочетания религиозного, милитаризированного и рыночного (неолиберального) фундаментализма, господствующие в разных частях мира. В этом контексте важной частью феминистской теории становится глубокий анализ национального государства и насилия, совершаемого от его имени.

Феминизмы на постсоветском пространстве

Многие современные исследователи распространяют логику конфликта между феминизмами Первого и Третьего миров на эволюцию феминизма в бывшем Втором мире. Например, гендерная исследовательница Саша Талавер в предисловии к альманаху «Феминистский самиздат. 40 лет спустя» утверждает, что Второй мир был исключен «из современной феминистской теории и женской истории как эпистемологически продуктивная перспектива» вследствие «проигранной» Холодной войны [Талавер 2020:16]. В период институционализации гендерных исследований и расцвета феминистского движения на постсоветском пространстве в 1990-е гг. «русский (теоретический) дискурс становился открытым, он находился в состоянии освоения, впитывания, перевода множества социальных теорий самого разнообразного происхождения» [Здравомыслова, Темкина 2007:83]. При этом «импортированные» концепции рассматривались как наиболее теоретически и стратегически значимые и постепенно вытесняли и локальное знание, и локальную память [Талавер 2020:16].

Кроме того, постсоветские гендерные исследования развивались «не как ответ на „мужской шовинизм и сексизм“, а как реакция на унификацию половых различий, характерную для советской идеологии» [Пушкарева 2010:58]. Во многом процессу их развития и институционализации мешал господствующий и в науке, и в общественной дискуссии миф о «решенном женском вопросе» в Советском Союзе [Пухова 1989; Поленина 1990]. Согласно этому мифу, социально-экономическая политика и идеология Советского Союза были по умолчанию феминистическими и не только способствовали расширению

---

² Пекинская декларация, принята четвертой Всемирной конференцией по положению женщин, Пекин, 4–15 сентября 1995 г., A/CONF.177/20/Rev.1, сс. 2–6. URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.177/20/Rev.1> (дата обращения: 15.09.2021).

прав и возможностей советских женщин, но и обеспечили гармоничное развитие постсоветских женщин [Юкина 2011:30–31]. Таким образом, постсоветским женщинам, с одной стороны, предлагается начать осмыслять себя через «западный» феминизм, потому что социалистическая модель равноправия обнулилась, а с другой – отказаться от не просто «западного» феминизма, а от феминистического дискурса в целом как от ненужного и в некоторых случаях даже опасного. Наследие же советского феминизма – как раннего, так и позднего – предано забвению или обесценено.

В работах деколониального философа и феминистской исследовательницы Мадины Тлостановой процесс переосмысления интеллектуального и идеологического феминистского наследия Второго мира предстает с другой стороны: «Россия – это империя – двуликий Янус, одно „лицо“ которого всегда было повернуто к Западным капиталистическим империям (и во времена царской России, и в СССР, и тем более сегодня), а совсем другое лицо глядело и глядит на российские колонии, бывшие колонии и многочисленных сателлитов» [Тлостанова 2004:40]. М. Тлостанова называет Россию «парадигматической империей второго класса», поясняя, что Россия всегда «находилась в состоянии глобальной колониальности по отношению к Западу», и эта колониальность проявляется наиболее отчетливо во всех сферах производства и передачи знания [Тлостанова 2011]. При этом Россия, по ее мнению, «проецирует собственные комплексы неполноценности на свои колонии». Таким образом, Россия является одновременно и объектом, и субъектом колониализма. Следовательно, «постсоциалистическая и постсоветская гендерная перспектива усложняет дихотомическую схему „цветные женщины против западных феминисток“, поскольку она имеет дело с дополнительными концепциями и более сложной логикой, которые нельзя найти в отношениях между бывшим Первым и бывшим Третьим мирами» [Тлостанова 2011].

В одной из своих последних по времени работ М. Тлостанова подчеркивает, что «сложное пересечение постсоциализма и постколониализма нуждается в собственном дискурсе и собственной критической оптике». Она рассматривает постколониальность «как некий человеческий удел, как экзистенциальную ситуацию тех, кто родился на темной стороне модерности и, увы, не имеет возможности развоплотить свое (пост)колониальное состояние» [Тлостанова 2020]. Выделяя деколониальность в отдельную аналитическую категорию, она утверждает, что «простое описание постколониального удела или анализ его сегодняшних последствий в определенном пространстве должны вести к следующему шагу, целью которого является деколонизация мышления, бытия, восприятия, гендера, памяти». Эту логику можно экстраполировать и на развитие постсоветских феминистских теорий, политических стратегий и практик. Постсоветские, и в том числе российские, феминистки должны не только признать локальную (пост)колониальность, но и осознанно деколонизировать производство и передачу постсоветского феминистского знания.

Заключение. Синтезы локальности и универсальности

Феминизма в единственном числе не существует. Феминистская теория и практика давно распались на часто противоречащие друг другу множества. Сегодняшний условно глобальный феминизм – это клубок онтологических, эпистемологических, политических и этических противоречий. Универсальной остается только проблема, которая вдохновляет феминистское движение на протяжении многих десятилетий – это несправедливость гендерного неравенства. Поэтому потребность в развитии локальных и транслокальных феминизмов остается. В частности, исследователи, эксперты, журналисты, активисты и представители международных организаций обращают внимание на устойчивое и нормализованное гендерное неравенство в России. В этом контексте дискуссия о российских феминизмах как никогда актуальна. Критически переосмысляя как собственное прошлое и настоящее, так и опыт «западного» и транснационального феминистских движений, российское общество должно локализовать феминизм, признать потенциал женщин и стремиться к искоренению гендерного неравенства во всех его проявлениях.

Поступила в редакцию / Received: 15.09.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 18.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Библиографический список

- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Автономизация гендерных исследований в транснациональном пространстве: феминистские практики // *Гендерные исследования*. 2007. № 15. С. 75–92.
- Талавер С.* Зачем нам локальные феминистские истории? // *Васякина О., Козлов Д., Талавер С.* (ред.) *Феминистский самиздат. 40 лет спустя*. М.: Common place, 2020. С. 14–20.
- Глостанова М.В.* Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. М.: УРСС, 2004.
- Глостанова М.В.* Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 161 (1). С. 66–84.
- Поленина С.В.* Женский вопрос и строительство социалистического правового государства // *Труд, семья, быт советской женщины*. М.: Юридическая литература, 1990. С. 4–13.
- Пушкарева Н.Л.* Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // *Историческая психология и социология истории*. 2010. № 3 (2). С. 51–64.
- Пухова З.П.* Женское движение и перестройка в СССР // *Женщины в современном мире: К итогам 10-летия Женщины ООН*. М.: Наука, 1989. С. 58–63.
- Юкина И.И.* Двудликий Янус гендерной политики в России // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 30–38.
- Conway J.M.* Troubling transnational feminism(s): Theorising activist praxis // *Feminist Theory*. 2017. No. 18 (2). P. 205–227. <https://doi.org/10.1177/1464700117700536>
- Grewal I.* On the New Global Feminism and the Family of Nations: Dilemmas of Transnational Feminist Practice // *E. Shohat* (ed.). *Talking Visions: Multicultural Feminisms in a Transnational Age*. Cambridge, MA and London: The MIT Press, 1998. P. 501–530.
- Grewal I., Kaplan C.* Introduction: Transnational Feminist Practices and Questions of Postmodernity Scattered hegemonies: Postmodernity and transnational feminist practices. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. P. 1–36.

- Mahrouse G. Race-conscious transnational activists with cameras: Mediators of compassion // *International Journal of Cultural Studies*. 2008. No. 11 (1). P. 87–105. <https://doi.org/10.1177/1367877907083082>
- Mignolo W.D. Geopolitics of sensing and knowing: on (de)coloniality, border thinking and epistemic disobedience. *Postcolonial Studies*. 2011. Vol. 14, no. 3. P. 273–283.
- Moghadam V.M. Transnational feminist activism and movement building // *The Oxford handbook of transnational feminist movements* / R. Baksh-Soodeen, W. Harcourt (eds.). Oxford University Press, 2015. P. 53–83.
- Mohanty C.T. *Feminism without borders*. Duke University Press, 2003.
- Spivak G.C. Can the subaltern speak? // *Die Philosophin*. 2003. No. 14 (27). P. 42–58. <https://doi.org/10.5840/philosophin200314275>
- Suchland J. Is postsocialism transnational? // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2011. No. 36 (4). P. 837–862. <https://doi.org/10.1086/658899>
- Tlostanova M. On Post-Soviet Imaginary and Global Coloniality: A Gendered Perspective. *Recueil Alexandries*, 2011. URL: <http://reseau-terra.eu/article1224.html> (accessed: 10.09.2021).
- Wilcox L.B. *Bodies of violence: Theorizing embodied subjects in international relations*. Oxford University Press, 2015.

References

- Conway, J.M. (2017). Troubling transnational feminism(s): Theorising activist praxis. *Feminist Theory*, 18(2), 205–227. <https://doi.org/10.1177/1464700117700536>
- Grewal, I., & Kaplan, C. (1994). Introduction: Transnational Feminist Practices and Questions of Postmodernity. In *Scattered hegemonies: Postmodernity and transnational feminist practices* (pp. 1–36). Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Grewal, I. (1998). On the New Global Feminism and the Family of Nations: Dilemmas of Transnational Feminist Practice. In E. Shohat (Ed.), *Talking Visions: Multicultural Feminisms in a Transnational Age* (pp. 501–530). Cambridge, MA and London: The MIT Press.
- Mahrouse, G. (2008). Race-conscious transnational activists with cameras: Mediators of compassion. *International Journal of Cultural Studies*, 11(1), 87–105. <https://doi.org/10.1177/1367877907083082>
- Mignolo, W.D. (2011). Geopolitics of sensing and knowing: on (de)coloniality, border thinking and epistemic disobedience. *Postcolonial Studies*, 14(3), 273–283.
- Moghadam, V.M. (2015). Transnational feminist activism and movement building. In R. Baksh-Soodeen & W. Harcourt (Eds.), *The Oxford handbook of transnational feminist movements* (pp. 53–83). Oxford University Press.
- Mohanty, C.T. (2003). *Feminism without borders*. Duke University Press.
- Polenina, S.V. (1990). The women's question and the construction of a socialist legal state. In *Labor, family, everyday life of a Soviet woman* (pp. 4–13). Moscow: Legal Literature. (In Russian).
- Pukhova, Z.P. (1989). Women's movement and perestroika in the USSR. In *Women in the modern world: Towards the results of the 10th anniversary of the UN Women* (pp. 58–63). Moscow: Science. (In Russian).
- Pushkareva, N.L. (2010). Women's History and Gender History: Achievements and Development Prospects in Russia. *Historical psychology and sociology of history*, 3(2), 51–64. (In Russian).
- Spivak, G.C. (2003). Can the subaltern speak? *Die Philosophin*, 14(27), 42–58. <https://doi.org/10.5840/philosophin200314275>
- Suchland, J. (2011). Is postsocialism transnational? *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 36(4), 837–862. <https://doi.org/10.1086/658899>
- Talaver, S. (2020). Why Do We Need Local Feminist Histories? In O. Vasyakina, D. Kozlov & S. Talaver (Eds.), *Feminist samizdat. 40 years after* (pp. 14–20). Moscow: Common place. (In Russian).
- Tlostanova, M. (2011). On Post-Soviet Imaginary and Global Coloniality: A Gendered Perspective. *Recueil Alexandries*. Retrieved September 10, 2021, from <http://reseau-terra.eu/article1224.html> (In Russian).

- Tlostanova, M.V. (2004). *Living Never, Writing from Nowhere: Post-Soviet Literature and the Transcultural Aesthetics*. Moscow: URSS. (In Russian).
- Tlostanova, M.V. (2020). The Postcolonial Condition and the Decolonial Option: A Postsocialist Mediation. *New Literary Review*, 161(1), 66–84. (In Russian).
- Wilcox, L.B. (2015). *Bodies of violence: Theorizing embodied subjects in international relations*. Oxford University Press.
- Yukina, I.I. (2011). Two-faced Janus of gender policy in Russia. *Woman in Russian society*, 3, 30–38.
- Zdravomyslova, E.A., & Temkina, A.A. (2007). Autonomous gender studies in the transnational space: Feminist practices. *Gender studies*, 15, 75–92. (In Russian).

Сведения об авторе:

Кутелева Анна Вячеславовна – доктор политических наук, научный сотрудник факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: akuteleva@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-7805-1607)

About the author:

Anna V. Kuteleva – PhD in Political Science, Research Fellow, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (e-mail: akuteleva@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-7805-1607)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-25-41

Научная статья / Research article

Феминистская внешняя политика: концептуализация и имплементация понятия

В.И. Успенская , Н.Н. Козлова

Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация

 v.uspenskaya2014@yandex.ru

Аннотация. Сравнительно новый подход в теории международных отношений – феминистская внешняя политика (далее – ФВП) требует осмысления в координатах отечественной политической науки. Раскрытие эвристического потенциала концепта актуализируется новыми вызовами современных политических реалий – международными конфликтами, которые имеют разные последствия для мужчин и женщин. Новизна исследования заключается в том, что впервые в российской политической науке анализируется концептуальная история ФВП и факторы, которые оказали влияние на имплементацию этой политики на глобальном уровне, вводится понятие феминистского мир-активизма. Материалом для исследования явились литературные, публицистические, идеологические труды женщин, исторические документы международных женских форумов, научные работы в области феминистской теории, теории международных отношений, программные документы политических партий, речи политических лидеров, правительственные документы о проведении ФВП, резолюции ООН. Помимо общенаучных методов в работе были использованы сравнительно-исторический и системный. В статье представлены интеллектуальные истоки ФВП, роль суфражистского и пацифистского женского движения в разработке ФВП, значение женских/гендерных/феминистских академических исследований для концептуализации ФВП, вклад политиков ведущих мировых держав в развитие ФВП. Авторы подробно анализируют «доктрину Хиллари» и феминистские резолюции ООН как предтечу официального введения ФВП в теорию и практику международных отношений. В статье дана оценка потенциала ФВП как международной стратегии гендерного равенства и устойчивого развития. Авторы пришли к выводу, что феминистская политическая перспектива работает рука об руку с видением политики устойчивого развития и представляет собой все более актуальную концепцию, а также практику, способную стать стратегическим шагом к достижению культуры мира.

Ключевые слова: феминистская внешняя политика, феминистский мир-активизм, гендерное равенство, феминизм, гендерные исследования, феминистская теория международных отношений, доктрина Хиллари

Для цитирования: Успенская В.И., Козлова Н.Н. Феминистская внешняя политика: концептуализация и имплементация понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 25–41. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-25-41>

© Успенская В.И., Козлова Н.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Feminist Foreign Policy: Selected Issues of Conceptualization and Implementation

Valentina I. Uspenskaya , Nataliya N. Kozlova

Tver State University, Tver, Russian Federation

 v.uspenskaya2014@yandex.ru

Abstract. Feminist foreign policy (FFP) is a relatively new approach in the theory of international relations. Disclosing the heuristic potential of the concept is especially relevant due to the new political challenges of international conflicts that have different consequences for men and women. For the first time in Russian political science, this article analyzes the conceptual history of the FFP and the factors that influenced the implementation of this concept at the global level. The research is based on the publications and works of women, historical documents of international women's forums, scientific works on feminism theory and the international relations theory, policy papers of political parties, speeches of political leaders, government documents on the conduct of the FFP, UN resolutions. In addition to general scientific methods, the authors use the comparative-historical and systemic methods. The article presents the intellectual origins of the FFP, the role of the women's suffrage and pacifist movements in the development of the concept, the importance of women/gender/feminist academic research for the conceptualization of the FFP, as well as the contribution of politicians from leading world powers to the development of the concept. The authors analyze in detail the "Hillary Doctrine" and the UN feminist resolutions as forerunners of the official introduction of the term FFP into the theory and practice of international relations. The article assesses the potential of the FFP as an international strategy for gender equality and sustainable development. The authors conclude that a feminist political perspective works hand in hand with the vision of sustainable development policies and represents an increasingly relevant concept and practice that can be a strategic step towards the culture of peace.

Keywords: feminist foreign policy, feminist peace activism, gender equality, feminism, gender studies, feminist theory of international relations, Hillary Doctrine

For citation: Uspenskaya, V.I., & Kozlova, N.N. (2022). Feminist foreign policy: Selected issues of conceptualization and implementation. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 25–41. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-25-41>

Введение. Концептуальная история феминистской внешней политики

В предисловии к русскому изданию одной из пионерских работ о внешней политике с позиций феминистского/гендерного анализа, книге Дж. Энн Тикнер «Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после „холодной войны“», российские политологи Т.А. Алексеева и М.М. Лебедева отмечали: «Феминизм обогатил международные отношения новой постановкой вопросов, позволил увидеть международную реальность под другим углом зрения, более многогранно. Он задал неожиданные вопросы, на которые ранее просто не обращали внимания» [Алексеева, Лебедева: 14].

С конца XX в. многие страны признали гендерное равенство приоритетом государственной политики [Гендерное равенство... 2008] и с тех пор уделяют больше внимания гендерным вопросам в политике развития, опираясь на ряд

международных документов – Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Пекинскую платформу действий 1995 г., Резолюцию 1325 Совета Безопасности ООН (2000), Национальные планы действий по вопросам женщин, мира и безопасности (далее – НПД); Цели устойчивого развития (2015). В последнем документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» среди 17 глобальных целей на пятой позиции обозначены «обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек»¹. В рамках ЦУР гендерное равенство трактуется как одно из основных прав человека и «необходимая основа для достижения мира, процветания и устойчивого развития»². Однако внимание государств было сосредоточено на понятиях «женщины» и/или «гендер», тогда как понятие «феминизм» мало использовалось в дискурсивном поле внешней политики государств и языке международных институтов [Алюшева, Успенская 2020].

Ситуация стала меняться в связи с появлением феминистской внешней политики (далее – ФВП), которую многие эксперты оценивают как радикальное изменение политики [Виббен 2015], поскольку она бросает вызов господствующему и преобладающему порядку «международной политики, государственных вооруженных сил и государственных субъектов» [Enloe 2016:200]. Возникновение термина явилось ответом на новые вызовы современных политических реалий – международных конфликтов, которые имеют различные последствия для мужчин и женщин. Согласимся с исследователями, что новый термин позволяет заполнять «лакуны, образовавшиеся в ходе научного осмысления современного международного развития» [Виноградова 2010:66].

В 2014 г. министр обороны Швеции М. Вальстрем объявила о проведении правительством Швеции феминистской внешней политики. Она отмечала, что «стремление к гендерному равенству является не только целью, но и предпосылкой для достижения наших более широких целей внешней политики как политики развития и безопасности»³. В 2019 г. коалицией экспертов по гендерному равенству и внешней политике на основе серии обсуждений, исследований и консультаций с более чем 200 активистками-феминистками из более чем 40 стран было разработано следующее определение ФВП: «Это политика государства, которая определяет его взаимодействие с другими государствами, а также движениями и другими негосударственными субъектами

¹ 17 целей для преобразования нашего мира. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 07.11.2021).

² Цель 5: Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality/> (дата обращения: 08.11.2021).

³ Ministry for Foreign Affairs. Swedish Foreign Service Action Plan for Feminist Foreign Policy 2015–2018 including Focus Areas for 2016 (2015). URL: <https://www.iknowpolitics.org/en/learn/knowledge-resources/international-agreement-and-action-plans/swedish-foreign-service-action> (accessed: 02.06.2021).

таким образом, чтобы приоритетами были мир, гендерное равенство и целостность окружающей среды; закрепление, продвижение и защита прав человека для всех; стремление разрушить колониальные, расистские, патриархальные и доминирующие маскулинные структуры власти; а также выделение значительных ресурсов, включая исследования, для достижения этого видения. Феминистская внешняя политика последовательна в своем подходе ко всем рычагам влияния, опирается на реализацию этих ценностей дома и создается совместно с феминистскими активистами, группами и движениями, как дома, так и за рубежом»⁴.

Ряд государств артикулировал феминистские направления своей внешней политики: канадская феминистская политика помощи (2017)⁵, феминистская дипломатия Франции (2019)⁶, феминистская внешняя политика Мексики (2020)⁷. В 2020 г. Люксембург объявил о приверженности ФВП⁸; в Палату представителей США был внесен законопроект, призывающий к ФВП⁹; Европейский союз разработал ряд инициатив, политик и стратегий в рамках своей внешней деятельности, которые либо включают гендерную перспективу, либо нацелены на содействие гендерному равенству¹⁰. В 2021 г. Испания объявила о разработке своей ФВП¹¹. В 2021 г. в Париже под (со)председательством Франции и Мексики состоялся глобальный Форум

⁴ Thompson L., Khokhar T. Defining Feminist Foreign Policy: A 2021 Update. URL: https://www.icrw.org/wp-content/uploads/2021/12/FFP-2021Update_v4.pdf (accessed: 21.17.2021).

⁵ Government of Canada. Canada's Feminist International Assistance Policy (2017). URL: https://www.international.gc.ca/world-monde/issues_development-enjeux_developpement/priorities-priorites/policy-politique.aspx?lang=eng (accessed: 05.06.2021).

⁶ Government of France. Feminist Foreign Policy (2019). URL: <https://onu.delegfrance.org/Feminist-foreign-policy> (accessed: 02.07.2020).

⁷ Government of Mexico. Mexico Adopts Feminist Foreign Policy, press release 15 (2020). URL: <https://www.gob.mx/sre/prensa/mexico-adopts-feminist-foreign-policy?idiom=en> (accessed: 02.07.2020).

⁸ Foreign Policy Address Presented by Mr. Jean Asselborn, Minister of Foreign and European Affairs to the Luxembourg Parliament on 13 March 2019. URL: https://maec.gouvernement.lu/content/dam/gouv_maec/ministere/declarations-de-politique-etrangere/2019/EN-Declaration-de-politique-etrangere-2019.pdf (accessed: 05.06.2020).

⁹ ICRW. Pressrelease: Historic Legislation Calling for a Feminist Foreign Policy Re-Introduced into the U.S. Parliament. 2021. URL: <https://www.icrw.org/press-releases/historic-legislation-calling-for-a-feminist-foreign-policy-reintroduced-in-u-s-congress> (accessed: 07.06.2020).

¹⁰ The EU Action Plan for Gender Equality and Women's Empowerment in the EU's External Relations, 2015. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0239_EN.html (accessed: 02.08.2020); European Parliament resolution of 31 May 2018 on the implementation of the Joint Staff Working Document (SWD(2015)0182) – Gender Equality and Women's Empowerment: Transforming the Lives of Girls and Women through EU External Relations 2016–2020. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0239_EN.html (accessed: 02.08.2020).

¹¹ Spain's Feminist Foreign Policy: Promoting Gender Equality in Spain's External Action. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/2021_02_POLITICA%20EXTERIOR%20FEMINISTA_ENG.pdf (accessed: 07.10.2021).

«Поколение равенства», направленный на разработку дорожной карты конкретных целей гендерного равенства, которые должны быть достигнуты в следующие пять лет. Несмотря на разные названия национальных политик, государства подчеркивают феминистскую составляющую во внешней политике. Сравнение ФВП в этих странах уже привлекает внимание исследователей, хотя количество работ по данной проблематике еще незначительно [Zhukova, Sundström, Elgström 2021; Owens 2018; Жигалева 2017; Израелян 2018; Нелаева 2017]¹².

Цель данной статьи – раскрыть содержание ФВП, выявить суть феминистского подхода к концептуализации и реализации внешней политики, сосредоточив внимание на факторах, которые оказали влияние на появление ФВП как инструмента достижения гендерного равенства и устойчивого развития в международных отношениях.

Интеллектуальные истоки ФВП

Феминистский подход к внешней политике формулировался на протяжении последнего столетия в академических кругах, в пространстве гражданского общества и публичной власти. Но истоки ФВП появились задолго до официального объявления ее шведским правительством в 2014 г.: не используя понятия гендер/феминизм/ФВП, женщины высказывали идеи о мире без оружия и насилия, а также об устойчивом развитии [Women Vote Rease 2019]. Такие писательницы, как К. де Пизан («Книга мира, 1412), М. Уолстонкрафт («Защита прав женщин, 1792), Б. фон Зуттнер («Долой оружие, 1889), Д. Адамс («Новейшие идеи мира, 1906); Ш.П. Гилман («Антропоцентричная культура, или Мир, созданный мужчинами», 1911); В. Вулф («Три гиней, 1938); Э. Боулдинг (Создание глобальной гражданской культуры: образование для взаимозависимого мира, 1988; Культуры мира: скрытая сторона истории, 2000), писали о мире, в котором существует «благоразумное правление», т. е. о том, что сегодня составляет смысл ФВП как концепции и практики. Исследуя феминизм в международных отношениях, политологи Э. Тикнер и Ж. Тру отметили, что «не феминизм поздно пришел в международные отношения. Скорее, международные отношения поздно пришли к феминизму» [Tickner, True 2018:221]. Обращая внимание на забытые аспекты феминизма международных отношений прошлого века, они считают необходимым признать многолетнюю работу, которую феминистки проделали для того, чтобы сделать возможным объявление М. Вальстрем в 2014 г. о ФВП как многообещающей инновационной политике, направленной на продвижение гендерного равенства, защиту прав человека и продвижение мира на планете.

---

¹² IWDA. From Seeds to Roots: Trajectories towards Feminist Foreign Policy. 2021. URL: https://iwda.org.au/assets/files/IWDA_FFPTrajectoriesReport_Web.pdf; IWDA, Feminist Foreign Policy in practice: a comparative analysis of country frameworks. 2020. URL: <https://iwda.org.au/assets/files/Comparative-analysis-of-feminist-foreign-policies.pdf> (accessed: 07.10.2021).

Феминистский мир-активизм¹³

В 1915 г. 1500 женщин собрались в Гааге и провели Международный конгресс женщин, требуя прекращения Первой мировой войны и демонтажа военно-промышленного комплекса. Среди участниц форума были будущие лауреаты Нобелевской премии за мир Д. Адамс и Э.Г. Болч. На конгрессе женщины указали на взаимосвязь между войной, милитаризмом и патриархатом, разработали План действий¹⁴, который имел большое значение для дальнейшей выработки ФВП. На состоявшемся в 1919 г. в Цюрихе Втором Международном женском конгрессе за мир и свободу была создана международная организация – Международная женская лига за мир и свободу (WILPF). На конгрессе швейцарская делегатка К. Рагац представила три взгляда на отношения между феминизмом и миром: женское освобождение приведет к миру; женское освобождение само по себе не принесет мир, но является частью задачи по достижению мира; полное освобождение женщин возможно только в мире справедливости и мира [Paull 2018:256]. С данных позиций участницы конгресса осуждали Версальский мирный договор, условия которого, по их мнению, не ведут к «справедливому и долгому миру», поскольку налагают несправедливые обязанности на побежденных и санкционируют право победителей на трофеи; предлагают частичное, а не полное самоопределение народов; отвергают всеобщее разоружение, санкционировав использование силы в международных отношениях. Основательницы Лиги предупреждали, что такие условия приведут к усилению враждебности, бедности, разочарованию и новой военной катастрофе¹⁵. В дальнейшем расширение политических прав женщин и активная деятельность WILPF стали основой для продвижения феминистских взглядов на международный порядок и безопасность, разработки глобальных программ ООН по достижению гендерного равенства, включая программу «Женщины, мир и безопасность» (2000).

Научные исследования ФВП

В академических кругах после публикации в 1988 г. специального выпуска журнала «Millennium» «Женщины в международных отношениях» получила признание теория феминистских международных отношений. Появление в 1989 г. книги С. Энло «Бананы, пляжи и базы» [Enloe 1989] положило начало изучению мировой политики с позиций феминистского подхода. На первый план вышли исследования, устанавливающие взаимосвязь между

¹³ Термин «Феминистский мир-активизм» предложен В.И. Успенской. Под ним понимается транснациональное общественное движение, активная деятельность за всеобщее разоружение, в защиту мира и по его поддержанию; вклад женщин в миростроительство и разрешение конфликтов через участие в официальных мирных переговорах и формирование внешней политики с учетом феминистских ценностей гендерного равенства, мира и безопасности на планете.

¹⁴ WILPF Resolutions. 1st Congress. The Hague, Netherlands, 1915. URL: https://www.wilpf.org/wp-content/uploads/2012/08/WILPF_triennial_congress_1915.pdf (accessed: 02.08.2020).

¹⁵ WILPF Resolutions. 2nd Congress. Zurich, Switzerland, 1919. URL: https://wilpf.org/wp-content/uploads/2012/08/WILPF_triennial_congress_1919.pdf (accessed: 02.08.2020).

гендером и международными отношениями: Э. Тикнер «Мировая политика с позиций гендерного подхода» [Tickner 1992; Тикнер 2006], К. Сильвестер «Феминистская теория и международные отношения в эпоху постмодернизма» [Sylvester 1994], Ж. Тру «Феминизм в теориях международных отношений» [True 1995], С. Кокбурн «Пространство между нами: согласование гендерной и национальной идентичности в конфликте» [Cockburn 1998] и др. Их аргументы повлияли на включение гендерных перспектив в изучение и исследование вопросов мира, безопасности, а также на разработку концепции ФВП. В частности, С. Кокбурн на основе анализа современных политических процессов доказала, что маскулинность и милитаризм – это системы, которые непрерывно создают и подпитывают друг друга: «Эти системы не только являются основой войн, но и образуют порядок, который навсегда нарушит мир своим существованием до и после установления мира» [Cockburn 2010:149]. На основе эмпирического исследования групп женщин по всему миру, объединенных целями противостояния милитаризму, предотвращения войны, стремления к устойчивому миру, С. Кокбурн показывает, что женщины-антивоенные активистки привносят гендерные отношения в картину не как альтернативу, а как неотъемлемую, переплетенную, неизбежную часть одной и той же истории.

В свою очередь исследователи глобального гендерного неравенства С. Петерсон и А. Раньян отмечали, что «события в „реальном мире“ не получают должного внимания в андроцентрических отчетах, что делает женщин и гендерные отношения невидимыми» [Runyan, Peterson 2014:127]. Об этом же размышляла Э. Боулдинг, одна из современных исследователей, показавшая, что не все общества использовали войну как средство управления человеческими отношениями: «...мы застряли в процессе принятия решений полностью милитаризованной концепцией национальной безопасности. А женщины, которые делают всю мирную работу, невидимы» [Boulding 2001:55].

Таким образом, феминистский подход к внешней политике предоставил мощную линзу, через которую стало возможным исследовать глобальные системы власти, оставляющие миллионы людей в состоянии постоянной уязвимости. Артикулированные позиции исследователей заключаются в том, что пол не является единственным фактором власти, который соотносится с войной. Работы ученых содержат критику капитализма, новых форм империализма и колонизации, классовой эксплуатации и стремления к глобальным рынкам, как непосредственно связанных с милитаризацией. Веские аргументы исследователей в отношении связи пола и войны заключаются в том, что подчинение женщин является не просто побочным продуктом политического неравенства или системы экономической эксплуатации, а вытекает из системы патриархата, основанной на агрессии, силе, насилии и войне. Взгляд сквозь эту призму демонстрирует, что во время вооруженных конфликтов именно женщины в большей степени становятся жертвами, усиливается угнетение их телесности, сексуальности, репродуктивных способностей, при этом их опыт в военных условиях игнорируется в процессе выработки стратегий,

нацеленных на преодоление вооруженных конфликтов. Следовательно, исследователи поднимают более широкий круг проблем, чем делали до этого существующие теории международных отношений.

Политики и ФВП

До того как М. Вальстрем назвала внешнеполитическую программу Швеции «феминистской», такие политики, как У. Хейг (на посту государственного секретаря Великобритании по иностранным делам и делам Содружества в 2010–2014 гг.) и Х. Клинтон (в должности госсекретаря США в 2009–2013 гг.) высказывали идеи, что дискриминация в отношении женщин создает угрозу миру и безопасности. У. Хейг объявил «борьбу с изнасилованием в военных зонах» стержнем политики во время его пребывания на посту министра иностранных дел. Он считал подавление прав женщин «единственной величайшей непрекращающейся несправедливостью в мире»¹⁶. В 2015 г. в речи в честь открытия Центра по вопросам женщин, мира и безопасности в Высшей школе экономики У. Хейг заявил: «С сегодняшнего дня мы также сможем работать с первым в Великобритании академическим центром по вопросам женщин, мира и безопасности, помогая предоставлять идеи и строгое академическое понимание, необходимые для расширения равных прав, равных свобод и равных возможностей – и это очень воодушевляет»¹⁷. В программном документе Лейбористской партии «Мир для многих, а не для немногих» (2018), изложившем видение партии международного развития, отмечалось: «Правительство лейбористов будет реализовывать первую явно феминистскую политику Великобритании в области международного развития. Основываясь на принципах гендерной справедливости, прав, взаимосвязанности и солидарности, он будет направлен на устранение структурных причин гендерного неравенства, трансформацию гендерных норм и вызов патриархату»¹⁸.

Важным вкладом в дискуссию по гендерному равенству и международной безопасности является также «доктрина Хиллари» [Hudson, Leidl 2015], история которой начинается с речи Х. Клинтон на Четвертой Всемирной конференции по положению женщин в 1995 г. в Пекине. Возглавляя делегацию США в качестве первой леди, она поставила права женщин в центр всеобщего внимания на крупнейшем международном форуме: «Если есть хоть одно послание, которое звучит эхом этой конференции, пусть оно будет таким: права человека – это права женщин, а права женщин – это права человека раз и

¹⁶ ICRW Honors Three Global Leaders With Champions For Change Award. URL: <https://www.icrw.org/news/icrw-honors-three-global-leaders-with-champions-for-change-award/> (accessed: 03.10.2020).

¹⁷ William Hague launches new Women, Peace and Security Centre at LSE. URL: <https://www.gov.uk/government/news/william-hague-launches-new-women-peace-and-security-centre-at-lse>. (accessed: 06.10.2020).

¹⁸ A World for the Many Not for the Few: The Labour Party's Vision for International Development (UK Labour Party, 2018). URL: https://www.policyforum.labour.org.uk/uploads/editor/files/World_For_The_Many.pdf (accessed: 08.10.2020).

навсегда»¹⁹. Этот принцип был включен в первый Четырехгодичный обзор дипломатии и развития, проведенный и опубликованный Государственным департаментом в 2009–2010 гг., в котором говорилось: «Защита и расширение прав и возможностей женщин и девочек является ключом к внешней политике и безопасности Соединенных Штатов»²⁰. В выступлении Х. Клинтон в декабре 2010 г. на конференции TEDWomen излагала свою аргументацию следующим образом: «Соединенные Штаты делают расширение прав и возможностей женщин и девочек краеугольным камнем нашей внешней политики, потому что равенство женщин – это не только моральный вопрос, это не просто гуманитарный вопрос, это не просто вопрос справедливости; это проблема безопасности. Это вопрос процветания и вопрос мира...»²¹.

Наиболее полно «доктрина Хиллари» была изложена Клинтон в заключительной главе ее книги «Трудный выбор» (2014): «...это не совпадение, что места, где жизнь женщин наиболее недооценена, в основном это те части мира, которые больше всего страдали от нестабильности, конфликтов, экстремизма и бедности... растущее количество исследований показало, что улучшение условий жизни женщин помогает разрешать конфликты и стабилизировать общество» [Clinton 2014:562]. Вывод Х. Клинтон, что там, где женщины лишены прав, существуют не просто антидемократические режимы, но экстремизм, ведущий к вызовам безопасности, опирается на приведенные выше исследования, а также на базу данных Проекта WomanStats, который собирает законы, статистику и практику в отношении женщин 176 стран. Кодирова более 350 различных переменных, эксперты Проекта проводят тематические исследования (например, судьба женщины в арабской весне и др.), в которых отражается связь между насилием в отношении женщин и гендерным неравенством внутри государства и уровнем национальной безопасности и стабильности этого государства²². Критики Доктрины Хиллари отмечают, что она воплощает «имперский феминизм», чтобы оправдать милитаризм США [Hudson, Leidl 2015:234], и носит гибкий характер в зависимости от стратегических целей американских государства, в частности, в отношении Саудовской Аравии²³.

С нашей точки зрения, положение женщин в современном Афганистане может в перспективе показать, насколько доктрина Хиллари является практически

¹⁹ First Lady Hillary Rodham Clinton Remarks for the United Nations Fourth World Conference On Women, 5 September 1995. URL: <https://www.un.org/esa/gopher-data/conf/fwcw/conf/gov/950905175653.txt> (accessed: 07.12.2020).

²⁰ The Hillary Doctrine BY GAYLE TZEMACH LEMMON ON 3/6/11 AT 10:00 AM EST. URL: <https://www.newsweek.com/hillary-doctrine-66105> (accessed: 10.12.2020).

²¹ TED Talks: Hillary Clinton speaks at TEDWomen (2010). URL: https://www.youtube.com/watch?v=UbPtm1_2AnI (accessed: 14.10.2021).

²² The Womanstats Project. URL: https://www.womanstats.org/first_time_users.html (accessed: 13.12.2020).

²³ Jordan Michael Smith. Does Hillary Really Believe in the Hillary Doctrine? // The New Republic. June 23, 2015. URL: <https://newrepublic.com/article/122132/does-hillary-really-believe-hillary-doctrine> (accessed: 14.08.2021).

реализуемой. Тем не менее, определив расширение прав и возможностей женщин в развивающихся странах одним из шести ключевых принципов США в международной политике устойчивого развития, Х. Клинтон на посту госсекретаря США способствовала продвижению идеи ФВП на международной арене: обозначила ряд стран, в которых необходимо улучшить отношение к женщинам (Египет, Пакистан, Индия), значительно увеличила количество женщин на руководящих должностях, а также финансирование Управления глобальных проблем женщин [Hudson, Leidl 2015], способствовала созданию нормативно-правовой базы для улучшения положения женщин и девочек. Внешнеполитическая доктрина Х. Клинтон содействовала укреплению вопросов о глобальном гендерном равенстве в международной повестке дня. Поэтому в своей речи на тот момент глава МИД Швеции М. Вальстрем в Институте мира в Вашингтоне в феврале 2015 г. подчеркнула преемственность ФВП и «доктрины Хиллари»: «Феминистская внешняя политика, по существу, направлена на решение того, что бывший госсекретарь Хиллари Клинтон так точно назвала „великим незавершенным делом XXI века“»²⁴.

Феминистские инициативы ООН

На Всемирной конференции в Пекине 1995 г. 189 государств – членов ООН приняли Пекинскую декларацию и Платформу действий, которые на сегодняшний день считаются наиболее всеобъемлющими международными рамками для защиты прав женщин и осуществления политики гендерного равенства. Пекинская декларация и Платформа действий, подтвердившие приверженность правам человека женщин и девочек (ст. 8, 14, 23, 31), признание роли женщин в миростроительстве (ст. 28), а также уязвимость женщин во время вооруженного конфликта (гл. «Е» Платформы действий) и приверженность искоренению «всех форм насилия в отношении женщин и девочек» (ст. 29)²⁵ представляют собой важный этап в работе ФВП. В Пекинской декларации утверждалось, что «расширение прав и возможностей женщин и их всестороннее участие на основе равенства во всех сферах жизни общества, включая участие в процессе принятия решений и доступ к власти, имеют основополагающее значение для достижения равенства, развития и мира» и «права женщин являются правами человека»²⁶.

Яркий пример интеграции феминистского мышления в международную деятельность – это принятие в октябре 2000 г. Советом Безопасности ООН Резолюции 1325, которая была инициирована женскими организациями

²⁴ Speech by the Minister for Foreign Affairs at the United States Institute for Peace 29 January 2015. URL: <https://www.government.se/speeches/2015/01/speech-by-the-minister-for-foreign-affairs-at-the-united-states-institute-for-peace/> (accessed: 04.08.2020).

²⁵ Пекинская платформа действий (1995 г.). URL: http://cyclowiki.org/wiki/Пекинская_платформа_действий (дата обращения: 10.09.2021).

²⁶ Доклад четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин 4–15 сентября 1995 г. URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/Beijing%20full%20report%20R.pdf> (дата обращения: 02.04.2020).

Глобального Юга. С. Кокбурн утверждает, что «Резолюция СБ ООН была почти полностью результатом работы гражданского общества и, безусловно, первой, участниками разработки которой были почти все женщины» [Cockburn 2007:140]. В Резолюции СБ ООН впервые признавалась связь между равноправием женщин, миром и безопасностью, постулировалась необходимость включения женщин в процесс принятия решений и формирования политики, а также утверждалась важность расширения представительства и участия женщин в мирных процессах и постконфликтном миростроительстве [Шведова 2020]. Опорными принципами Резолюции 1325 стали участие (вовлечение женщин во все мероприятия, касающиеся мира и безопасности), предотвращение (включение гендерных аспектов в меры по профилактике конфликта и насилия), защита, помощь и восстановление (защита женщин, в т. ч. судебное преследование преступников, совершивших сексуальные и гендерные преступления)²⁷.

На основе Резолюции СБ ООН 1325 международное сообщество разработало и приняло обширную нормативную базу – семь резолюций, касающихся женщин, укрепления мира и безопасности: 1820 (2008), 1888 (2009), 1889, 1960 (2010), 2106 (2013), 2122 (2013) и 2242 (2015). В Римский статут Международного уголовного суда, вступивший в силу в 2002 г., был включен исчерпывающий список преступлений в отношении женщин²⁸. Следует обратить внимание, что Резолюция 1325 СБ ООН не ограничивается гендерным равенством только в сфере безопасности, но включает гендерное равенство в качестве сквозного императива во все области внешней политики (торговля, дипломатия, оборона, развитие, окружающая среда и т. д.). Согласимся с оценкой экспертов в том, что в направленности ФВП на применение призмы гендерного равенства к внешней политике проявляется ее этический характер [Aggestam, Bergman-Rosamond 2016; Robinson 2021; Srdjan 2017]. Таким образом, рассматривая права женщин как права человека, реализация ФВП на практике выступает как комплекс мер, направленных на улучшение положения женщин, в том числе снижение уровня насилия в отношении женщин и девочек, ориентированность социальной и экономической политики на благо женщин и девочек, повышение их роли в процессе принятия политических решений.

Все подписавшие документ государства – члены ООН обязались превратить в жизнь принципы Резолюции 1325 СБ ООН посредством национальных планов действий или других форм национальных стратегий. К концу 2021 г. национальные планы действий разработали 89 государств²⁹.

²⁷ Резолюция 1325 СБ ООН (2000). URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/SC_ResolutionWomenPeaceSecurity_SRES1325%282000%29%28russian%29.pdf (дата обращения: 02.05.2020).

²⁸ Что такое феминистская внешняя политика? URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/politics/что-такое--феминистская--внешняя-политика--/46043470> (дата обращения: 12.08.2021).

²⁹ PeaceWomen. 2017. National action plans for the implementation of UNSCR 1325 on women, peace, and security. URL: <http://www.peacewomen.org/member-states> (accessed: 07.06.2020).

Страны применяют разные подходы к планированию, разработке и реализации НПД, которые различаются по направленности, срокам, содержанию, бюджету и системе мониторинга/оценки³⁰. На наш взгляд, наиболее разработанной является НПД Швеции, которая основана на тесной связи с внутренней политикой гендерного равенства и предполагает широкую область применения³¹. Подготовленный ОБСЕ анализ НПД показывает слабые и сильные стороны отдельных НПД. Эксперты отмечают, что в большинстве НПД основное внимание уделяется разделам «Участие» и «Помощь и восстановление», т. е. увеличению числа женщин на дипломатической службе, в вооруженных силах, оказанию донорской помощи странам, которые находятся в (пост)конфликтном состоянии³².

В качестве лучших практик эксперты ОБСЕ выделяют следующие: в Сербии были созданы новые институциональные механизмы по надзору за выполнением Национального плана. В частности, в Сербии Политсовет представляет собой орган по контролю за реализацией плана и отчетности и межотраслевой Координирующий орган, ответственный за реализацию плана; в Боснии и Герцеговине ведется постоянный мониторинг показателей представленности женщин, занятых в полиции, вооруженных силах и других правительственных структурах; в Нидерландах разработаны специальные бюджеты на финансирование мероприятий в рамках реализации Резолюции 1325; в Швейцарии и Канаде предусмотрен отчет правительства о проделанной работе перед парламентом; в НПД Бельгии, Германии, Австрии и США прописаны меры юридической защиты женщин и девочек в лагерях беженцев и внутренне перемещенных лиц, а также в уголовных делах, возбужденных в международных судах против лиц, ответственных за геноцид, преступления против человечества и военные преступления и торговлю людьми, в которых жертвами являются женщины и девочки³³.

Среди проблемных зон НПД эксперты ОБСЕ отмечают слабую связь в процессе разработки и реализации НПД правительств с институтами гражданского общества, недостаточность финансовых ресурсов, выделяемых для осуществления НПД, неразработанность разделов об участии женщин в предотвращении конфликта, фиксация на количественном аспекте участия женщин на дипслужбе и в силовых структурах, а не учете их социальных

---

³⁰ 1325 National Action Plans (NAPs). WILPF Monitoring and Analysis of National Action Plans on Women, Peace and Security. URL: <http://1325naps.peacewomen.org> (accessed: 17.06.2021).

³¹ The Swedish Foreign Service action plan for feminist foreign policy 2019–2022, including direction and measures for 2021. URL: https://www.government.se/49700e/contentassets/9992f701ab40423bb7b37b2c455aed9a/utrikesforvaltningens-handlingsplan-for-feministisk-utrikespolitik-2021_eng.pdf (accessed: 17.06.2021).

³² Ормхауг К. Анализ национальных планов действий по выполнению Резолюции № 1325 Совета Безопасности ООН, проделанный ОБСЕ. 2014. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/9/137731.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

³³ Там же.

интересов в миростроительстве³⁴. Анализ практической реализации НПД свидетельствует, что внешней политике многих государства недостает целостности и им приходится «искать компромисс между провозглашенными принципами и национальными интересами» [Жигалева 2017:269] в решении вопросов беженцев, экспорта вооружений и др., что позволяет исследователям говорить о том, что «благое пожелание об „активном подключении женщин к международным делам“ все еще остается небольшим примечанием на полях глобальной дипломатии³⁵. В условиях, когда НПД не являются политически значимыми для правительств, женские общественные организации продолжают борьбу за имплементацию Резолюции 1325³⁶, добиваясь того, чтобы внешняя политика государств по укреплению мира и безопасности учитывала гендерную проблематику. Ряд стран, в том числе Россия, Китай, Вьетнам, Индонезия, ЮАР, предлагают продвижение «женской» проблематики «на неполитизированной основе»³⁷.

Заключение

Таким образом, усилия активистов, ученых и политиков открыли правительствам возможность рассмотреть вопрос о трансформации внешней политики с акцентом на гендерный аспект как центральный в феминистской теории международных отношений. При этом важно, что, несмотря на использование слова «феминистская» (термин, который в публичном академическом и идеологическом дискурсе зарезервирован для политических движений и активистов), данная политика направлена на улучшение условий жизни женщин во всем мире в рамках существующей патриархальной системы. Она означает внешнюю политику, которая не только проводится женщинами или для женщин, но идет дальше, используя гендерную линзу, которая признает и стремится исправить исторические патриархальные и часто расистские и/или неокOLONIALISTСКИЕ дисбалансы власти, проявляющиеся на мировой арене. Как теория феминизма в международных отношениях, феминистская внешняя политика выходит за рамки «женского вопроса»: это не только продвижение гендерного равенства через инструменты внешней политики, но и нормативная переориентация внешнеполитического курса.

³⁴ Preventing Conflict, Transforming Justice, Securing the Peace. A Global Study on the Implementation of United Nations Security Council Resolution 1325, 2016. URL: <https://reliefweb.int/report/world/preventing-conflict-transforming-justice-securing-peace-global-study-implementation> (accessed: 17.06.2021).

³⁵ Что такое феминистская внешняя политика? URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/politics/что-такое--феминистская--внешняя-политика--/46043470> (дата обращения: 12.08.2021).

³⁶ Резолюция 1325 СБ ООН – Каковы ее успехи и неудачи и что необходимо улучшить? URL: https://ru.boell.org/sites/default/files/rezolyuciya_1325_sb_oon.pdf (дата обращения: 22.09.2021).

³⁷ О российском проекте резолюции Совета Безопасности ООН по тематике «Женщины, мир и безопасность». URL: <https://www.mid.ru/print/?id=1445908&lang=ru> (дата обращения: 30.12.2021).

Интеллектуальные истоки ФВП прослеживаются в трудах писательниц, начиная с XV в. Институционализации суфражистского и пацифистского женского движения в первые десятилетия XX в. способствовала выработке документов, которые имели большое значение для становления ФВП. Концептуализации ФВП содействовало появление новой исследовательской позиции: в рамках академических исследований были изучены механизмы конструирования гендерных идентичностей и иерархий, функционирование и воспроизводство властных отношений, социальных и культурных норм в различных внешнеполитических контекстах. Важным вкладом в развитие ФВП явились инициативы политиков ведущих мировых держав. «Доктрина Хиллари» и феминистские резолюции ООН, среди которых ключевой является Резолюция СБ ООН 1325, стали основой для официального введения термина «феминистская внешняя политика» в теорию и практику международных отношений. Сущность ФВП в том, что это политика мира и устойчивого развития, ключевым принципом которой выступает гендерное равенство и как цель, и как условие.

Все большее число государств интегрирует феминистские и прогендерные нормы в свою внешнюю политику, но феминистская внешняя политика и практика все еще находятся в стадии разработки. Обзор литературы, посвященной ФВП, показывает общий интерес исследователей к выявлению ее целей, принципов, содержания, а также механизмов осуществления, в меньшей степени исследуются влияние и эффективность применения ФВП, поскольку для такого анализа и проведения полноценного сравнительного исследования еще недостаточно данных. Существенный недостаток Резолюции СБ ООН 1325 заключается в том, что она не является обязательной для исполнения, а потому Национальные планы действий, предлагающие конкретные меры по реализации опорных принципов ФВП – участие, предотвращение, защита, помощь и восстановление, имеет сильные и слабые стороны. В большинстве НПД акцент сделан на расширении участия женщин за столом переговоров и в силовых/вооруженных структурах, а также оказании помощи странам, которые находятся в (пост)конфликтном состоянии, тогда как вопросы профилактики конфликтов и механизмы защиты женщин от насилия в данных конфликтах разработаны и реализуются в незначительной степени. Анализ реальной политики стран, провозгласивших ФВП, показывает несбалансированность внешней политики в сферах укрепления мира и безопасности. Для того чтобы ФВП стала реальной политикой, необходимы культурные и политические сдвиги. Мы полагаем, что политическая воля национальных государств и международного сообщества, учитывающая ценности феминизма во внешнеполитической деятельности по широкому спектру вопросов, среди которых дипломатия, торговля, оборона и др., может стать механизмом равенства, справедливости, солидарности, мира.

Поступила в редакцию / Received: 22.08.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 08.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Библиографический список

- Алексеева Т.А., Лебедева М.М.* «Женщина-невидимка» в мировой политике: уроки для России // Тикнер Дж. Энн. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны». М.: Культурная революция, 2006. С. 7–22.
- Алюшева Н.И., Успенская В.И.* Феминистский подход к теории международных отношений // Социально-политические процессы в меняющемся мире: межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.П. Гаврикова. Вып. 20. Тверь: ТвГУ, 2020. С. 64–67.
- Виббен Анник Т.Р.* Феминистский подход к изучению международных отношений // Современная наука о международных отношениях за рубежом: хрестоматия: в 3 т. М.: Аспект Пресс, 2015. Т. 1. С. 690–712.
- Виноградова С.М.* Государство, безопасность, суверенитет: международные отношения в зеркале феминизма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 4. С. 53–68.
- Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов* / отв. ред. и сост. О.А. Воронина. М.: МАКС Пресс, 2008. 768 с.
- Жигалева Ю.Е.* Феминистская внешняя политика Швеции: новый подход к международным отношениям? // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: сб. ст. IX Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 265–270.
- Израелян Е.В.* Гендерные аспекты внешней политики правительства Дж. Трюдо // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6 (582). С. 66–78.
- Нелаева Г.А.* Повестка «Женщины, мир и безопасность» в политике Европейского союза // Мировая политика. 2017. № 2. С. 81–91. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2017.2.22636>
- Тикнер Дж. Э.* Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / пер. с англ. 2-е изд. М.: Культурная революция, 2006. 336 с.
- Шведова Н.А.* Отмечая юбилей: вопросы гендерного равенства в приоритетах ООН // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 16–29. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.2>
- Aggestam K., Bergman-Rosamond A.* Swedish feminist foreign policy in the making: Ethics, politics and gender // Ethics and International Affairs. 2016. Vol. 30, no. 3. P. 323–334.
- Boulding E.* Building a Culture of Peace: Some Priorities // NWSA Journal. 2001. Vol. 13, no. 2. P. 55–59.
- Clinton H.* Hard Choices. New York: Simon & Schuster, 2014. 635 p.
- Cockburn C.* From Where We Stand: War, Women's Activism and Feminist Analysis. London and New York: Zed Books, 2007. 286 p.
- Cockburn C.* Gender Relations as Causal in Militarization and War // International Feminist Journal of Politics. 2010. June. P. 139–157.
- Cockburn C.* The Space Between Us: Negotiating Gender and National Identities in Conflict. London: Zed Book, 1998. 256 p.
- Enloe C.* Bananas, Beaches, and Bases: Making Feminist Sense of International Relations. Berkeley: University of California Press, 1989. 244 p.
- Enloe C.* Globalization and Militarism: Feminists Make the Link. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. 187 p.
- Hudson V.M., Leidl P.* The Hillary Doctrine: Sex and American Foreign Policy. New York: Columbia University Press, 2015. 456 p.
- Owens P.* Women and the history of international thought // International Studies Quarterly. 2018. Vol. 62, Iss. 3. P. 467–481.
- Paull J.* The Women Who Tried to Stop the Great War: The International Congress of Women at The Hague 1915 // Global Leadership Initiatives for Conflict Resolution and Peacebuilding (Chapter 12) / A.H. Campbell (ed.). Hershey, PA: IGI Global, 2018. P. 249–266.
- Robinson F.* Feminist foreign policy as ethical foreign policy? A care ethics perspective // Journal of International Political Theory. 2021. Vol. 17 (4). P. 20–37.

- Runyan A., Peterson S. *Global Gender Issues in the new millennium*. New York: Imprint, Routledge, 2014. 358 p.
- Srdjan V. A nation of feminist arms dealers? Canada and military exports // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 2017. Vol. 72 (4). P. 503–519.
- Sylvester C. *Feminist Theory and International Relations in a Postmodern Era*. New York: Cambridge University Press, 1994. 265 p.
- Tickner J.A. *Gender in International Relations. Feminist Perspectives on Achieving Global Security*. New York: Columbia University Press, 1992. 180 p.
- Tickner J.A., True J. A Century of International Relations Feminism: From World War I Women's Peace Pragmatism to the Women, Peace and Security Agenda // *International Studies Quarterly*. 2018. Vol. 62, Iss. 2. P. 221–233.
- True J. *Feminism // Theories of International Relations* / ed. by Scott Burchill and Andrew Linklater, with R. Devetak, M. Paterson, and J. True. New York: St. Martin's Press, 1995. P. 213–234.
- Women Vote Peace: Zurich Peace Congress 1919–2019. (2019). Meinzolt Heidi, Magallón Carmen, et al. (ed.). Zurich: BoD. 152 p.
- Zhukova E., Sundström R.M., Elgström O. Feminist foreign policies (FFPs) as strategic narratives: Norm translation in Sweden, Canada, France, and Mexico // *Review of International Studies*. 2021. Vol. 48, Iss. 1. P. 217.

References

- Aggestam, K., & Bergman-Rosamond, A. (2016). Swedish feminist foreign policy in the making: Ethics, politics and gender. *Ethics and International Affairs*, 30(3), 323–334.
- Alekseeva, T.A., & Lebedeva, M.M. (2006). “The Invisible Woman” in world politics: lessons for Russia. In J.A. Tickner, *Gender in International Relations. Feminist Perspectives on Achieving Global Security* (pp. 7–22). Moscow: Kulturnaya revolyuciya. (In Russian).
- Alyusheva, N.I., & Uspenskaya, V.I. (2020). Feminist approach to the theory of international relations. In V.P. Gavrikov (Ed.), *Socio-political Processes in a Changing World* (pp. 64–67). Issue 20. Tver: TvSU. (In Russian).
- Boulding, E. (2001). Building a culture of peace: Some priorities. *NWSA Journal*, 13–2, 55–59.
- Clinton, H. (2014). *Hard Choices*. New York: Simon & Schuster.
- Cockburn, C. (1998). *The Space Between Us: Negotiating Gender and National Identities in Conflict*. London: Zed Book.
- Cockburn, C. (2007). *From Where We Stand: War, Women's Activism and Feminist Analysis*. London and New York: Zed Books.
- Cockburn, C. (2010). Gender relations as causal in militarization and war. *International Feminist Journal of Politics*, June, 139–157.
- Enloe, C. (1989). *Bananas, Beaches, and Bases: Making Feminist Sense of International Relations*. Berkeley: University of California Press.
- Enloe, C. (2016). *Globalization and Militarism: Feminists Make the Link*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Hudson, V.M., & Leidl, P. (2015). *The Hillary Doctrine: Sex and American Foreign Policy*. New York: Columbia University Press.
- Issraelyan, E.V. (2018). Justin Trudeau foreign policy: Gender aspects. *USA & Canada Journal*, (6), 66–78. (In Russian).
- Meinzolt, H., Magallón, C., & et al. (Eds.). (2019). *Women Vote Peace: Zurich Peace Congress 1919–2019*. Zurich: BoD.
- Nelaeva, G.A. (2017). “Women, peace and security” agenda in EU policy-making. *World Politics*, 2, 81–91. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2017.2.22636> (In Russian).
- Owens, P. (2018). Women and the history of international thought. *International Studies Quarterly*, 62(3), 467–481.
- Paull, J. (2018). The women who tried to stop the Great War: The International Congress of Women at the Hague 1915. In A.H. Campbell (Ed.), *Global Leadership Initiatives for Conflict Resolution and Peacebuilding* (Chapter 12) (pp. 249–266). Hershey, PA: IGI Global.

- Robinson, F. (2021). Feminist foreign policy as ethical foreign policy? A care ethics perspective. *Journal of International Political Theory*, 17(4), 20–37.
- Runyan, A., & Peterson, S. (2014). *Global Gender Issues in the New Millennium*. New York: Imprint, Routledge.
- Shvedova, N.A. (2020). Celebrating the anniversary: Gender equality issues among un priorities. *Woman in Russian Society*, 3, 16–29. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.2> (In Russian).
- Srdjan, V. (2017). A nation of feminist arms dealers? Canada and military exports. *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*, 72(4), 503–519.
- Sylvester, C. (1994). *Feminist Theory and International Relations in a Postmodern Era*. New York: Cambridge University Press.
- Tickner, J.A. (1992). *Gender in International Relations. Feminist Perspectives on Achieving Global Security*. New York: Columbia University Press [Tickner, J.A. (2006). *Gender in International Relations. Feminist Perspectives on Achieving Global Security*. Moscow: Kulturnaya revoliutsia. (In Russian)].
- Tickner, J.A., & True, J. (2018). A century of international relations feminism: From World War I women's peace pragmatism to the women, peace and security agenda. *International Studies Quarterly*, 62(2), 221–233.
- True, J. (1995). Feminism. In S. Burchill, A. Linklater, R. Devetak, M. Paterson & J. True (Eds.), *Theories of International Relations* (pp. 213–234). New York: St. Martin's Press.
- Vibben, A. T.R. (2015). Feminist approach to the study of international relations. *Modern Science of International Relations Abroad: a textbook: in 3 vols*. Moscow: Aspekt Press, 1, 690–712. (In Russian).
- Vinogradova, S.M. (2010). State, security, sovereignty: international relations in the mirror of feminism. *Political Expertise: POLITEX*, 4, 53–68. (In Russian).
- Voronina, O.A. (Ed.). *Gender Equality in the Modern World: The Role of National Mechanisms*. Moscow: MAX Press. (In Russian).
- Zhigaleva, Y.E. (2017). Sweden's feminist foreign policy: A new approach to international relations? *Innovative Scientific Research: Theory, Methodology, Practice: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference*. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 265–270. (In Russian).
- Zhukova, E., Sundström, R.M., & Elgström, O. (2021). Feminist foreign policies (FFPs) as strategic narratives: Norm translation in Sweden, Canada, France, and Mexico. *Review of International Studies*, 48(1), 217.

Сведения об авторах:

Успенская Валентина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, директор Центра женской истории и гендерных исследований, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (e-mail: v.uspenskaya2014@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-9559-2728)

Козлова Наталья Николаевна – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (e-mail: tver-rapn@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-1212-6412)

About the authors:

Valentina I. Uspenskaya – PhD in Philosophy, Assoc. Prof of the Political Science Department, Director of the women history and gender studies Center, Tver State University (e-mail: v.uspenskaya2014@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-9559-2728)

Nataliya N. Kozlova – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of Political Science Department of Tver State University (e-mail: tver-rapn@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-1212-6412)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-42-52

Research article / Научная статья

Feminist Foreign Policy and Gender Justice on the International Agenda

Huseyn A. Abbasov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

✉ 1042208146@rudn.university

Abstract. The global political elite has developed a pragmatic approach to addressing gender justice issues based on rationality and patriarchy, which hinders the activities of women. There is an urgent need to develop and implement the most efficient, inclusive and emancipatory practices in the light of experience. This article reveals an understanding of the content and meaning of feminist foreign policy in the context of official international content. It assesses the impact of UNSCR 1325 on the development of feminist foreign policy and gender justice. The author concludes that certain fundamental limitations of the document prevent the achievement of real goals lobbied by international organizations and feminist scientists, as well as the deconstruction of gender mainstreaming.

Keywords: feminist theory, UNSCR 1325, feminist foreign policy, international relations, gender mainstreaming, women in politics, feminist international relations, gendering the international relations

For citation: Abbasov, H.A. (2022). Feminist foreign policy and gender justice on the international agenda. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 42–52. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-42-52>

Феминистская внешняя политика и гендерная справедливость в международной повестке

Г.А. Аббасов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ 1042208146@rudn.university

Аннотация. В статье раскрывается понимание содержания и значение феминистской внешней политики в контексте официального международного контента. Оценивается влияние содержания Резолюции 1325 СБ ООН на развитие феминистской внешней политики и гендерной справедливости. В результате был сделан вывод об определенных фундаментальных ограничениях документа, которые препятствуют достижению реальных целей, лоббируемых международными организациями и учеными-феминистками, а также деконструкции учета гендерной проблематики. Отмечается прагматичный подход глобальной политической элиты к

© Abbasov H.A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

решению проблем гендерной справедливости, основой которого является рациональность и патриархальность, что препятствует международной деятельности женщин. Возникает необходимость в разработке и внедрении с учетом имеющегося опыта наиболее эффективных, инклюзивных и эмансипирующих практик.

Ключевые слова: феминистская внешняя политика, феминистская теория, Резолюция 1325 Совета Безопасности ООН, феминистская внешняя политика, международные отношения, гендерный мейнстриминг, женщины в политике, феминистские международные отношения, гендерные международные отношения

Для цитирования: *Abbasov H.A. Feminist foreign policy and gender justice on the international agenda // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 42–52. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-42-52>*

Introduction

Ubi concordia, ibi victoria. The complexity of contemporary International Relations (IR) shows that one of the essential obstacles of peace development is to find a consensus between the parts involved, as to find a solution which is suitable for everyone, one should listen, or at least hear the needs of the parts involved. As the world entered the post-colonial era, the “civilized” world recognized the inevitability of involving the “*damnés*” [Fanon 1961] in the participation of building a sustainable future. Nevertheless, the review of 585 peace agreements from 1990 to 2009 including only four references to women in relation to the development (UN Women, 2012)¹ demonstrates exceptional “sensitivity” of the “civilized” world to 3,8 billion people (WB, 2020)² while building that sustainable future.

Surprisingly, after 33 years “since the adoption of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women (CEDAW)”, more than two decades after “issuing the Beijing Declaration and Platform for Action” (UN Women 2012) and 20 years after the historical United Nations Security Council Resolution (UNSCR)1325³ “often described in the relevant literature as ‘groundbreaking’” [Cohn 2008 cited in Shepherd 2011] the global political elite “succeed” to exclude women from the negotiation table. The presence of this phenomenon in IR impedes the implementation of policies designed to achieve an equal world of opportunities, as the Sen (1999) has argued that “development is the process of enlarging people’s choices”;⁴ thus it is government’s responsibility to

---

¹ UN Women (2012). Women’s Participation in Peace Negotiations: Connections between Presence and Influence – World [Online]. ReliefWeb. URL: <https://reliefweb.int/report/world/women%E2%80%99s-participation-peace-negotiations-connections-between-presence-and-influence> (accessed: 19.09.2021).

² World Bank (2020). Population, Total | Data [Online]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (accessed: 19.09.2021).

³ United Nations Security Council (UNSC) (2000). Resolution 1325’, S/RES/1325 [Online]. URL: <https://www.un.org/womenwatch/osagi/wps/> (accessed: 19.09.2021).

⁴ Organisation for Economic Co-operation and Development ed. (2001). The DAC Guidelines. Poverty Reduction. International development. Paris: OECD.

provide social opportunities, participative freedoms and transparency guarantees [Maslow 1943]. In the meantime, the variety of feminist camps has shown the competence to critically evaluate and contribute to the aforementioned issues by using an inclusive, unbiased, decolonized lens to make an insightful analysis, discovering the stories of the most marginalized groups and making louder the voices of the ones unheard.

While the world is entering a new milestone of global relations, Academia lacks contemporary instruments to examine and interpret the modern megatrends.⁵ Consequently, the academic community experiences difficulties in ignoring the contribution of feminist scholars in understanding and researching the new global challenges. Notably, while the “doors” of the Academia were “slightly open” for woman only for studies of “women issues”, the feminist scholars have taken their studies straight to the “fieldwork” [Zalewski 2014] to hear the real experiences. As a result, women have empowered themselves to achieve pathbreaking results in lobbying women involvement in conflict prevention and resolution, peace-building, both theoretically and practically emphasized the importance of gender mainstreaming and feminist-informed foreign policy.

United Nations Security Council Resolution 1325

The pragmatic nature of contemporary IR shows zero tolerance for abstract and romantic ideas. The growth of feminist approaches come a long way through numbers of conflicts and individual experiences to hone its’ craft of practicality. The growth of feminist ideas and tools in addressing the issues of war and peace “received intense debate at the Third World Conference on Women in Nairobi” as the pioneering bottom-up approach was introduced “to complement the dominant state-centric top-down approach of peacemaking” [Pratt, Richter-Devroe 2011]. The further implication of this approach to various conflicts globally emphasized the importance of challenging the issues of women and security in order to design a sustainable plan of peace-building. As a result, the Namibian and Beijing Platforms for Action and NGO Working Group on Women and Armed Conflict (NGOWG) made a considerable effort to lobby for holding a session on Women, Peace and Security (WPS). On 31 October 2000, the Resolution with a discourse previously depersonalized and hidden by realist approach, and with a “language of national security that speaks out of the multiple experiences of both women and men” [Tickner 1993] was passed unanimously.

The document within its’ 18 operational paragraphs covers three central issues: participation of women in peace-building and post-conflict reconstruction, the protection of women’s rights and the adoption of a gender perspective in peace operations, negotiations and agreements [Shepherd 2011]. The global political elite demonstrated an outstanding level of recognition and engagement, as there were

---

⁵ PricewaterhouseCoopers (2016). Five Megatrends And Their Implications for Global Defense & Security [Online]. PwC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/archive/archive-government-public-services/publications/five-megatrends.html> (accessed: 19.09.2021).

more than 150 translations and 82 National Action Plans (NAPs) for the full implementation of UNSCR 1325 domestically. “Unexpectedly”, these efforts were not enough to bring the solution and peace to the “women issues” globally. The more profound analysis of the UNSCR 1325 shows that the document has certain fundamental limitations which hamper to achieve the real goals lobbied by international platforms for actions, NGOs and feminist scholars. The most crucial part in addressing and promoting any issue is the delivery and tone, as human beings have an irrational and emotional nature. Pratt and Richter-Devroe (2011) have argued that WPS-agenda employs “an understanding of gender that is ‘largely synonymous with biological sex’” sustaining “deeply engrained myths of the woman as in need of masculinized protection” [Shepherd 2011; Eschle 2020].

Moreover, the content and textual analysis of the Resolution and further reports show that the victimization of women is also backed by the language and images used by the UN and its’ institutions to portray women.⁶ Challenging this issue is critically vital for the advance of feminist thought and gender mainstreaming, as the hundreds of millions of women worldwide work diligently to create the opportunities for emancipation, empowerment and equality. Furthermore, the UN institutions demonstrate the lack of awareness on issues of intersectionality, as the interrelation of “gender and other social categories, such as nationality, class, ethnicity, religion and sexuality are absent or actively prevented in such representations” [Pratt, Richter-Devroe 2011]. Under these circumstances, the global political governance project a utopian reality where the systems of power are represented in isolation from one another, ignoring the “intersect of unequal material realities and distinctive social and cultural experiences mutually constructing one another” [Acker 1999; Collins 2000; Collins, Chepp 2013]. The employment of such an approach favours the universalization of women as a one general, imprecise, vague category, neglecting the unique and distinct experiences of billions disadvantaged due to their race, class, gender and sexuality.

The absence of this discourse in the agenda of platforms and organizations “where problems are framed, priorities identified, and solutions devised” (UNESCO 2018),⁷ affect the IR theoretically and empirically. Theoretically, the presence of intersectionality means inclusiveness and signifies the broadmindedness for new tools and approaches to challenge the political, social and economic issues taking into consideration the diversity of scholars and their theories. However, while the global governance debates on the relevance of realist, liberal, Marxist and constructivist agenda to international agenda, and apply these theories to develop their policies, the diversity of feminist theories and camps are represented with a universal feminist category. Universalization of gender as an

---

⁶ Cambridge English Dictionary (n.d.) LANGUAGE | Meaning in the Cambridge English Dictionary [Online]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/language> (accessed: 19.09.2021).

⁷ UNESCO (2018). Global Education Monitoring Report Gender Review 2018: Meeting Our Commitments to Gender Equality in Education – UNESCO Digital Library [Online]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000261593> (accessed: 19.09.2021).

analytical tool marginalizes the discourse of intersectionality [Al-Ali, Pratt 2009; Eschle 2020], as “different feminisms suggest different visions of peace and peace-building” [Pratt, Richter-Devroe 2011]. Correspondingly, the poor representation of debates among feminist camps on international agenda may even “become an obstacle to achieving gender justice and security” [Ibid.], as it hampers to design profound and insightful policies and its’ implementation, what affects the everyday life of women globally. Additionally, this distortion may cause misunderstanding of the distinct demands of different women activisms marginalizing the public perception of their efficiency. It is fundamental to realize the importance of diversity of thinking and approaches, as the emergence of a feminist agenda in global governance brings the attention of the non-state actors, corporate interest and popular culture; thus one should understand the core and real values of feminist approaches before “mainstreaming the gender”.

Deconstruction of Gender Mainstreaming

The profound analysis of UNSCR 1325 shows that “while some feminist scholars celebrate the ‘introduction of progressive feminist content in international security’”, the methods and instruments in addressing these issues may be questioned on militarism and imperialism [Basu 2016; Aggestam, Rosamond 2019]. Natalie Hudson [Hudson 2009] questions the contemporary gender agenda if it “really help[s] bring global attention to issues of people that are normally marginalized? Has it meant more resources and involvement by state and non-state actors?” The practical experience demonstrates that the global political elite has a very pragmatic approach on “problem-solving”, as the core of realpolitik is constituted on the belief in rationality and centuries-long patriarchal experience. The embedment of these norms in the global institutions and their methods “become a challenge for women’s inclusion and performance” [Kronsell 2016], as the feminist approach to peace and conflicts suggest sensory practices due to practicality of inclusiveness in examining the human experiences.

The acknowledgement of this aspect is critically essential for an insightful understanding of the “everyday experiences” of people in conflict and post-conflict zones. Analogously, as the language is a system consisting of words or phrases mirroring the lived experience, we as human beings (un)consciously use words expressing senses to describe war: “the cry for war/peace; sight of suffering; touch of violence/care; smell of death/disease; the taste of victory (sweet) or defeat (bitter)” [McLeod, O’Reilly 2019]. Therefore, the embodiment of gender lenses in international institutions provides critical theory with a firm analytical tool to address patriarchal “rules of the game” [Brzezinski 1997], as if it is “not carefully examined, it is simply reproduced” [Kronsell 2015]. The contemporary feminist scholars and camps have made a considerable contribution to actualizing and mainstreaming the gender agenda theoretically [Abels 2012; Sotirovič, Kontvaine 2021] and empirically. Moreover, the issues of language and (mis/non) representation of gender in international institutions previously mentioned,

encouraged the growth of masculinity and generated marginalization of femininity in public perception.

Connell [2009] defined the concept of masculinity as social structure determining the “difference in gender regimes”, thus this approach allows to examine the “distinctions within masculinities”. The significant advance of feminist camps in the last two decades contributed unique instruments to design bottom-up approaches to question the decisions made at the “top”. The integration of these instruments produce a unique vision on the identities and practices of contemporary actors of IR – Ian Manners [2010] argues that the EU as an actor of IR has a particular identity, as de-masculinised Europe rely on “skills like cooperation, communication” often associated with femininity, while the actions of United States on the international arena in post 9/11 era are instead re-masculinized. Another example of re-masculinized global power is Vladimir Putin’s Russia “with a particular militarized imperialist politics backed up by Russian gender regime” [Sperling 2015; Kronsell 2016]. Under these circumstances, the European identity and values are oppressed surrounded by heterosexist rational-strategists and advocates of warrior-like masculinities [Morgan 2018]. The truths of realpolitik neglect expression of any empathy or inclusiveness, as the patriarchal nature of IR, is constituted on values of pragmatism, conservatism and rationality. Consequently, Khanna (2004) argues that the combination of “masculine features of strength and assertiveness with a sense of being in touch with a feminine style” creates a unique metrosexual identity of Europe. The emergence of this perception in combination with the abovementioned misrepresentation of women in international institutions produces disadvantaging conditions for the participation of women in peace-building operations and negotiations, promoting the rationale of “just add women”, in the best case.

The combination of these aspects at the international arena influences the policies and traditional actors of IR. For instance, despite having the values of equality and inclusiveness in its’ core, the European Common Security and Defense Policy (CSDP)⁸ is influenced by the pragmatic nature of IR, what affects not only the women “protected” within the border homeland, but also the “Other”. The analyses of the nature of missions in Somalia and Mali, where EU images itself as “gentle civilizer” [Schlag 2012]⁹ transferring not only military knowledge but also “creating better soldiers and citizens” (Impetus 13, 2012) stressing the moral values not only to protect the homeland femininity but also to train subordinate masculinity how to protect their “Vulnerable Other femininity against the Other masculinity”

⁸ Common Security and Defence Policy (CSDP) structure, instruments, agencies (2012). IMPETUS (2006–2014) ‘Newsletter of EU Military Staff’, Numbers 1–17, [Online]. EEAS – European External Action Service – European Commission. URL: https://eeas.europa.eu/topics/common-security-and-defence-policy-csdp/5392/common-security-and-defence-policy-csdp-structure-instruments-agencies_en (accessed: 12.09.2021).

⁹ Debusscher, P. (2014). Gender Mainstreaming on the Ground? The Case of EU Development Aid Towards Rwanda [Online]. SSRN Scholarly Paper ID 2523368. Rochester, NY: Social Science Research Network. URL: <https://papers.ssrn.com/abstract=2523368> (accessed: 12.09.2021).

[Stern 2011; Kronsell 2016]. The concerns of the EU over the potential threat of Other masculinities emerges from the weakness demonstrated in handling with “state building obstructionists, radical ethnonationalists and ‘cancer at the heart of Bosnian society’ – organized criminals” [O’Reilly 2012] within Europe’s “own backyard during the conflict in the Balkans”¹⁰. Despite, self-imaging these policies as feminist-informed, the consequences corresponds to the logic of “protector needs the one to protect”. Notwithstanding, there are some examples of countries which has not limited themselves with just translating the UNSCR 1325 or even adoption of NAPs, but launched a feminist foreign policy.

Feminist Foreign Policy

The end of the Post-Cold war era often is described in the relevant literature as a shift from the elite-oriented policy to dialogical, centering the experiences of marginalized groups and minorities, respecting the human rights and international law. The emergence of these aspects in the practices of traditional and non-state actors of IR is also called the scholarship of “good states”, which take the responsibility of bringing the global justice beyond their borders [Chandler 2006]. The core idea of ethical foreign policy is to guarantee sustainable, transformative change “which requires sensitivity to the needs of ‘others’” [Aggestam, Rosamond 2019b]. Correspondingly, the sensitivity of the issue provides an influential platform for the imperialist West to manipulate with the agenda for global “good citizens” and identify and intervene in internal affairs of the ones identified as unethical Others, predominately where the West is interested in underdevelopment and anarchic order... for various reasons. Nevertheless, there are a few examples of states (primarily) interested in protecting the rights of marginalized groups while taking responsibility for their moral duties.

Unlike the states self-imagining themselves as global “messiahs”, the example of Scandinavian states demonstrated the critical engagement with ethical scholarship, as the profound studies show that ethical foreign policy “entirely lacks a focus on gender (in)justice” (ibid.), while feminist camps “places gender equality, discrimination and violence at the center of discourse”. The starting point for understanding the feminist foreign policy is its’ fundamental distinction in the progressiveness of ideas declared. Despite the title “ethical”, the ethical foreign policy likewise, the WPS and UNSCR 1325 has a gendered ideology. As an example, as the global “good citizens” take the responsibility to “take care” of the ones disadvantaged or oppressed, the values of ethicality refer to “care” as a maternal and innately peaceful feminine feature, “an assumption that has been contested and rejected in feminist IR scholarship” [Aggestam, Rosamond 2019b; Tafakori 2021]. This rationale once again undermines the differences between women, their unique experiences and intersectionality by putting labels of the

---

¹⁰ Andersson, J.J. Armed and Ready? The EU Battlegroup Concept and the Nordic Battlegroup. URL: <http://www.sieps.se/en/publications/2006/armed-and-ready-the-eu-battlegroup-concept-and-the-nordic-battlegroup-20062/> (accessed: 23.04.2020).

universal category which has no distinctions in their races, material realities, gender and sexuality. In the meantime, the feminist foreign policy defines its' starting point from the acknowledgement of care as enlightenment, as the essential investment in every human being is the encouragement of consciousness – giving a person right to choose the “truths”, educate themselves to be able to see through to myths and contribute with their unique viewpoint on how to overcome the injustice.

Swedish example of feminist foreign policy does not participate in the global debates of “clashes of truths”. It creates the conditions. The architecture of these conditions are simple: the three Rs standing for Rights, Representation and Resources (MFA, 2019)¹¹ while its' effect on global empowerment and fight on gender injustice is tremendous. Moreover, the growth of interest among the “good states” could be explained by the political efficiency of this policy, as the further examples proves the “reasonable” pragmatism of these policies. Aggestam and Rosamond [2019a] argue that the employ of feminist foreign policy allows Sweden to “contribute” in Other femininities from a distance, as the gendered legislation complicated the entering requirements for women refugees; thus they are “empowered” during their stay in refugee camps on the Middle East.¹²

The presence of these examples encourages the feminist scholars to question the inconsistency within the policies of those who are bringing the peace, pacification and empowerment to every woman within and beyond the borders with warrior-like masculine military policies and exporting armament and weapons to the destinations of conflicts, where women and girls in the meantime are “protected” due to their “invisibility and powerlessness” to be involved and contribute to peacemaking. The complex nature of contemporary IR propagates the phenomenon of the dichotomy of protector and protected, as it is one of the most efficient political technologies employed by the global political elite to manipulate the public perception to justify their masculine practices. The discourse of crisis and “external enemy” is one of the several powerful rhetoric of manipulative populist politicians, as the artificially created conditions of fear and threat are the most suitable motives to drive the masses into the statement of irrationality and instincts. Henceforth, the political elite encourages its' people to re-evaluate their priorities, as “they are in war-time conditions” (whether a war with the state, terrorism or virus) when the gender regimes and roles are intensively propagated, as women are the most vulnerable category and needed to be protected, in return for keeping the distance from the decision-making of rational, strategist heroes. There are several examples of how the politicization of gender agenda “legitimize” the masculine political decisions. Firstly, the gender-just protection beyond the

---

¹¹ Canada, G.A. (2017). Canada's Feminist International Assistance Policy [Online]. GAC. URL: https://www.international.gc.ca/world-monde/issues_development-enjeux_developpement/priorities-priorites/policy-politique.aspx?lang=eng (accessed: 12.09.2021).

¹² Regeringskansliet (The Government of Sweden). Handbook Sweden's Feminist Foreign Policy. URL: <https://www.government.se/reports/2018/08/handbook-swedens-feminist-foreign-policy/> (accessed: 20.04.2020).

border, as the warrior-like masculinity and gender regime of Russia causes a long term instability in the northern borders of the “civilized world” [Aggestam 2019]. However, some states are so “sensitive” to the issues of women and peace, that they are ready to embark a war on oppressors of girls and women – Bush was “so concerned” with the violence of Taliban against Afghan women that intervened in a 19-year long war to bring the peace and prosperity.

Conclusion

As the world entered the new era of political, economic and social relations, the agenda and instrument of the global political elite shifted from state-centric approaches developed in the severe years of the Cold-War, to ethical dialogue with emancipated Others. The “rebranded” relations provided opportunities to the ones oppressed to make their voices louder, while the ones expected to listen heard echoes of previous persecutions. The presence of these stories could not be “appropriate” to the image “gentle civilizers” and actors with “moral duties”, consequently the “good states” hear the voices fragmentarily. Analogously they implement their “emancipating”, “empowering” practices, as the close engagement with critical and feminist scholarships threatens their inclusive, competent and sustainable image. These actions consequence the marginalization and radicalization of the ideas that millions of women globally contributed to Academia, undermining exceptional instruments to understand the real experiences of billions of people and interpret the contemporary phenomenon suggesting the most efficient, inclusive and emancipating practices.

However, the pragmatic nature of IR demonstrated that the global political elite shows zero tolerance to dissidence, as the issues addressed by international institutions project only the “truths” of the “inner party” [Orwell 1948].

Received / Поступила в редакцию: 20.09.2021

Revised / Доработана после рецензирования: 18.10.2021

Accepted / Принята к публикации: 15.11.2021

References

- Abels, G. (2012). Research by, for and about women: Gendering science and research policy. In G. Abels & J.M. Mushaben (Eds.), *Gendering the European Union: New Approaches to Old Democratic Deficits* (pp. 187–207). London: Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/9780230353299_10
- Acker, J. (1999). Rewriting class, race and gender: Problems in feminist thinking. In M.M. Ferree, J. Lorber & B.B. Hess (Eds.), *Revisioning gender. Vol. The gender lens* (pp. 44–69). Thousand Oaks, Calif: Sage Publications.
- Aggestam, K., & Rosamond, A. (2019a). Re-politicising the gender-security nexus: Sweden’s Feminist foreign policy. *European Review of International Studies*, 5, 30–48.
- Aggestam, K., & Rosamond, A.B. (2019b). Feminist foreign policy 3.0: Advancing ethics and gender equality in global politics. *SAIS Review of International Affairs*, 39(1), 37–48.
- Aggestam, K., & Towns, A. (2019). The gender turn in diplomacy: A new research agenda. *International Feminist Journal of Politics*, 21(1), 9–28. <https://doi.org/10.1080/14616742.2018.1483206>
- Aggestam, K., Bergman Rosamond, A., & Kronsell, A. (2019). Theorising Feminist foreign policy. *International Relations*, 33(1), 23–39. <https://doi.org/10.1177/0047117818811892>

- Al-Ali, N., Pratt, N., & Enloe, C. (2009). *What Kind of Liberation?: Women and the Occupation of Iraq*. Berkeley, Calif: University of California Press.
- Basu, S. (2016). The global south writes 1325 (Too). *International Political Science Review*, 37(3), 362–374. <https://doi.org/10.1177/0192512116642616>
- Brzezinski, Z. (1997). *Grand Chessboard: American Primacy And Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books.
- Calkin, S. (2015). Post-feminist spectatorship and the girl effect: “Go ahead, really imagine her”. *Third World Quarterly*, 36(4), 654–669. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1022525>
- Chandler, D. (2003). Rhetoric without responsibility: The attraction of ‘ethical’ foreign policy. *British Journal of Politics & International Relations – BR J POLIT INT RELAT*, 5, 295–316.
- Chandler, D. (2006). *Empire in Denial: The Politics of State-Building*. London ; Ann Arbor, MI: Pluto Press.
- Cohn, C. (2008). Mainstreaming gender in UN security policy: A path to political transformation? In S.M. Rai & G. Waylen (Eds.), *Global Governance: Feminist Perspectives* (pp. 185–206). London: Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/9780230583931_9
- Collins, P.H., & Chepp, V. (2013). Intersectionality. In *The Oxford Handbook of Gender and Politics*. Oxford University Press. Retrieved April 10, 2020, from <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199751457.001.0001/oxfordhb-9780199751457-e-2>
- Collins, P.H. (2000). *Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness, and the Politics of Empowerment*. New York: Routledge.
- Connell, R.W. (1995). *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.
- Connell, R.W. (2009). *Gender*. Cambridge: Polity.
- Debusscher, P. (2014). Gender Mainstreaming on the Ground? The Case of EU Development Aid Towards Rwanda. SSRN Scholarly Paper ID 2523368. Rochester, NY: Social Science Research Network. Retrieved April 30, 2020, from <https://papers.ssrn.com/abstract=2523368>
- Eschle, C. (2020). Feminism and peace movements: Engendering anti-nuclear activism. In T. Väyrynen, É. Féron, S. Parashar & C. Confortini (Eds.), *Routledge Handbook of Feminist Peace Research* (pp. 250–259). New York.
- Fanon, F. (1961). *Les Damnés de la Terre*. Paris: La Decouverte Editions. (In French).
- Hudson, N.F. (2009). Securitizing women’s rights and gender equality. *Journal of Human Rights*, 8(1), 53–70. <https://doi.org/10.1080/14754830802686526>.
- Khanna, P. (2004). The metrosexual superpower. *Foreign Policy*. Retrieved April 30, 2020, from <https://foreignpolicy.com/2009/10/27/the-metrosexual-superpower/>
- Kronsell, A. (2015). The power of EU masculinities: A feminist contribution to European integration theory. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 54(1), 104–120.
- Kronsell, A. (2016). Sexed bodies and military masculinities: Gender path dependence in EU’s common security and defense policy. *Men and Masculinities*, 19(3), 311–336. <https://doi.org/10.1177/1097184X15583906>
- Kronsell, A. (2019). The contribution of feminist perspectives to climate governance. In S. Buckingham & V. Le Masson (Eds.), *Understanding Climate Change through Gender Relations* Abingdon (pp. 104–120). Oxon; New York, NY : Routledge.
- Manners, I. (2010). Global Europa: Mythology of the European Union in world politics. *Journal of Common Market Studies*, 48(1), 67–87.
- Maslow, A.H. (1943). A theory of human motivation. *Psychological Review*, 50(4), 370–396. Retrieved April 30, 2020, from <http://ezproxy.leedsbeckett.ac.uk/login?url=http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=pdh&AN=1943-03751-001&site=ehost-live&scope=site>
- McLeod, L., & O’Reilly, M. (2019). Critical peace and conflict studies: Feminist interventions. *Peacebuilding*, 7(2), 127–145. <https://doi.org/10.1080/21647259.2019.1588457>
- Morgan, K.P. (2018). Describing the emperor’s new clothes: Three myths of educational (in-) equity. In A. Diller, B. Houston, K.P. Morgan & M. Ayim (Eds.), *The Gender Question in Education* (pp. 105–122). Routledge.

- Mushaben, J.M. (2012). Women on the move: EU migration and citizenship policy. In G. Abels & J.M. Mushaben (Eds.), *Gendering the European Union: New Approaches to Old Democratic Deficits* (pp. 208–227). London: Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/9780230353299_11
- O'Reilly, M. (2012). Muscular interventionism. *International Feminist Journal of Politics*, 14(4), 529–548. <https://doi.org/10.1080/14616742.2012.726096>
- Orwell, G. (1948). *1984 Nineteen Eighty-Four*. New York, NY: Penguin.
- Pratt, N., & Richter-Devroe, S. (2011). Critically examining UNSCR 1325 on women, peace and security. *International Feminist Journal of Politics*, 13(4), 489–503. <https://doi.org/10.1080/14616742.2011.611658>
- Schlag, G. (2012). Into the 'heart of darkness' – EU's civilising mission in the DR Congo. *Journal of International Relations and Development*, 15, 321–344.
- Sen, A. (2001). *Development as Freedom*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Shepherd, L.J. (2011). Sex, security and superhero(in)es: From 1325 to 1820 and beyond. *International Feminist Journal of Politics*, 13(4), 504–521. <https://doi.org/10.1080/14616742.2011.611659>
- Shepherd, L.J. (2014). Marysia Zalewski. Feminist international relations: Exquisite corpse. *International Feminist Journal of Politics*, 16(1), 161–163. <https://doi.org/10.1080/14616742.2013.876299>
- Sotirovič, V. P., & Kontvaine, V. (2021). Gendering discourses and process of policymaking in local governance: 'there has been no vital need so far'. *Public Policy and Administration*, 20(1), 58–69.
- Sperling, V. (2015). *Sex, Politics, and Putin: Political Legitimacy in Russia*. Oxford University Press.
- Stern, M. (2011). Gender and race in the European security strategy: Europe as a 'force for good'? *Journal of International Relations and Development*, 14, 7–12.
- Tafakori, S. (2021). Digital feminism beyond nativism and empire: Affective territories of recognition and competing claims to suffering in Iranian women's campaigns winner of the 2021 Catharine Stimpson prize for outstanding feminist scholarship. *Signs*, 47(1), 47–80.
- Thomson, J. (2020). The growth of Feminist (?) foreign policy. *E-International Relations* [Online blog]. Retrieved April 30, 2020, from <https://www.e-ir.info/2020/02/10/the-growth-of-feminist-foreign-policy/>
- Tickner, J. (1993). Gender in international relations: Feminist perspectives on achieving global security. *Political Science Quarterly*, 108(2). <https://doi.org/10.2307/2080425>
- Zalewski, M. (2013). *Feminist international relations: Exquisite corpse*. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge.

About the author:

Huseyn A. Abbasov – postgraduate of Political Science, Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: 1042208146@rudn.university) (ORCID: 0000-0001-7858-9263)

Сведения об авторе:

Аббасов Гусейн Аббас оглы – аспирант политологии кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: 1042208146@rudn.university) (ORCID: 0000-0001-7858-9263)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-53-63

Research article / Научная статья

How Can UN Digital Policy Enable the Rights of Women?

Anna Maria Rada Leenders

University of Sofia, Sofia, Republic of Bulgaria,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow,
Russian Federation

✉ amrada4@mail.ru

Abstract. In most academic discourses, United Nations (UN) programs and initiatives to promote digitalization and women's rights are studied as distinct fields. Less attention has been paid to UN efforts to promote gender equality and protect women's rights by promoting digitalization. The article addresses some of the gaps in the contemporary research of the role of modern international intergovernmental organizations in women's rights protection amidst modern technological development. The study reveals the influence of digitalization on ameliorating the position of women in modern societies and formulates the assessment of the gender gap in using the ICT technologies, as well as analyzes how UN specialized divisions act to ensure digital gender equality. The author concludes that the Sustainable Development Goals (SDGs) approved by the UN in 2015 do not pay enough attention to the importance of digitalization for ensuring the rights of women.

Keywords: women's rights, gender studies, global governance, UN, digitalization, gender gap

For citation: Leenders, A.M.R. (2022). How can UN digital policy enable the rights of women? *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 53–63. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-53-63>

Как цифровая политика ООН может способствовать реализации прав женщин

А.М.Р. Линдерс

Софийский университет, София, Республика Болгария,

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ amrada4@mail.ru

Аннотация. В академической литературе программы и инициативы ООН по продвижению цифровизации и защите прав женщин обычно изучаются отдельно. Меньше внимания уделяется усилиям ООН по продвижению гендерного равенства и защите прав женщин путем

© Leenders A.M.R., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

продвижения цифровых технологий. В статье восполняются некоторые пробелы в современных исследованиях вклада современных международных межправительственных организаций в защиту прав женщин в современных условиях технологического развития. Выявлено влияние процессов цифровизации на улучшение положения женщин в современных обществах за счет обеспечения прав женщин. Представлена оценка проблемы гендерного разрыва в использовании ИКТ-технологий. Установлено, что в Целях устойчивого развития (ЦУР), утвержденных ООН в 2015 году, недостаточно внимания уделяется важности цифровизации для обеспечения прав женщин. Анализируются различные формы деятельности специализированных подразделений ООН, обеспечивающих цифровое гендерное равенство.

Ключевые слова: права женщин, гендерные исследования, глобальное управление, ООН, цифровизация, гендерный разрыв

Для цитирования: *Leenders A.M.R.* How can UN digital policy enable the rights of women? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 53–63. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-53-63>

Introduction

Activities for ensuring the rights of women and gender equality always reflect the characteristics of a specific historical era. In the 2000s the most important factors influencing this activity became the continuing activation of international organizations and the process of digitalization and development of Information Communication Technologies (ICT) technologies.

The leading international organizations, first of all, the United Nations (UN), stand in the vanguard of humanity's efforts to ensure the rights of women and to assist digitalization processes [Alves 2016; Arat 2015; Leenders, Grishin 2020]. As a result, these tasks intertwine and are closely connected to each other. In 2015, gender equality was proclaimed by the United Nations General Assembly (UN GA) as one of Sustainable Development Goals (SDGs). Digitalization and digital cooperation is also one of main priorities on the UN agenda with heightened attention added in the new millennia [Girard 2020]. At the same time, digital development is considered as one of the most important facilitators and tools of implementation of women's rights at the present stage of social and human development. Along with it, processes of digitalization bring new challenges to protecting women's rights.

In 2000s, the list of traditional problems of gender equality was exacerbated with a new dimension: the digital divide. Originally, it was considered that in the process of distributing modern technologies and digitalization, the differences between men and women in gaining access to computers will only be reduced [Herr 2019]. However, one of paradoxes of the impact of digitalization on social development was the fact that the digital divide only increases. In particular, this trend is characteristic of the 2010s. Thus, at the present stage a question arises: whether ICT technologies promote overcoming the gender gap, or, on the contrary, its strengthening?

In modern scientific literature, the question: 'to what degree the activity of the international organizations in the sphere of digitalization can promote reduction of

a gender gap in access to digital technologies and protection of women's rights,' is not studied. The purpose of this article is to assess the modern policy of the UN on use of ICT and digital development for achieving gender equality and the protection of women's rights. Taking into account that ICT enables the liberalization of the voices of women in the global dialogue and representing the position of women.

The Status of Women's Rights during the Contemporary Process of Digitalization

Women's rights remain one of the most important issues of the contemporary world [Popova, Maslova, Agapitova 2016]. The paradox is that the development of modern information technologies led to emergence of new difficulties in a question of gender equality. Unequal access to digital technologies and the Internet is substantially caused by the societal contradictions existing throughout history [Renzulli 2017].

According to research conducted in 2018, women and female children became the victims of cyberbullying 27 times more often than men [Sandler, Goetz 2020]. The aggressive behavior against women on the Internet negatively affects women's health, causing damage to women's self-respect. In addition, the results of such aggression lead women to avoid communication on the Internet that only promote the preservation of a high level of gender inequality in digital space. According to some experts, such negative effects interfere with women's access to modern digital technologies. Whereas, ICT enables women's voices to be heard and women's perspective to be included in the global debates and policy making.

In 2016, United Nations experts estimating the level of gender inequality in use of the Internet and digital technologies came to pessimistic conclusions. It was revealed that at the global scale the number of women using online technologies is some 2500 million fewer than number of men. Researches proved that during the period from 2013 to 2016 the gender gap grew from 11 to 12 percent. The greatest values of this gap (up to 31 percent) were recorded in the least developed countries.¹

Gender inequality exists among people working in ICT sector in an even more pronounced way. By 2015, in every country there are fewer women in the ICT workforce at every level. In 2020 a very significant international survey about Women in Tech and Startups was conducted. According to the results received, that 70% of women working in the sphere of technologies feel they have been treated and paid differently at work owing to their gender, while only of 11% of men in the sphere feel this way.² Most of the women working in ICT sector continue to consider that they face additional barriers and have less opportunities for successful creation of career. The results of some modern researches show that only 11% of

---

¹ ITU and UN Women announce 'EQUALS': The Global Partnership for Gender Equality in the Digital Age. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2016/9/press-release-itu-and-un-women-announce-global-partnership-for-gender-equality-in-the-digital-age> (accessed: 21.08.2021).

² Women Who Tech (2020). State of Women in Tech and Startups. URL: <https://womenwhotech.com/data-andresources/state-women-tech-and-startups> (accessed: 21.08.2021).

the cyber security work force is female. Among the leading positions in the industry of ICT only 24% are women.

As the ICT sector the sector of cyber security are actively developing, so low level of representation of women poses serious problems for the prospects of socialization of women. It is one of the most promising sectors of economy for successful construction. Integration of women into this sphere is an important component of integration of women into modern economy.

Issues of Digitalization and Women's Rights in the Context of Sustainable Development Goals

The UN is the international intergovernmental organization making the most considerable impact on development of progressive trends in various spheres of public life. Issues of digital development and digital transformation of the modern world are also subject to influence from the UN more than from any other actor of the international community [Leenders 2020].

At the present stage, the most important priority of United Nations operation and its institutes is achievement of the goals of sustainable development (SDGs). In this regard, United Nations operation in the sphere of digital development and assistance of the UN to digital development can be considered in the context of United Nations operation on achievement of SDGs [Zipoli 2019].

The most important document of the UN concerning sustainable development is the resolution of the UN General Assembly of A/70/L.1 “Transforming our world: 2030 Agenda for Sustainable Development”.³ The concept of digitalization occurs in the text of the resolution only once: in Paragraph 15 it is told about need of overcoming the “digital divide”. The task 5b mentions ICT as the stimulating technology for expansion of the rights and opportunities of women in purpose 5 (“Gender equality”). SDG 5 contains nine targets that assume the elimination of any forms of discrimination, operation, violence against women and girls, ensuring completeness of participation and equal opportunities of women in public life, providing the equal rights and access to public resources [Kim 2017]. The most interesting Target 8, as it enhances the appropriation and use of enabling technology, in particular information and communications technology, to promote the empowerment of women [Dhar 2018]. Nevertheless, gender digital divide perspective the text of the resolution of the UN General Assembly isn't mentioned.

It is possible to note that the weak attention to ICT and digitalization as to means of achievement of SDGs is present not only at the resolution of the UN General Assembly of 2015, but also at other documents of the UN concerning sustainable development.

However, after 2015 a situation changed: issues of digitalization were high more in United Nations operation and in work on achievement of SDGs. Active work of expert community became one of the reasons [MacPhail 2017]. During the

---

³ Transformation of our world: the agenda in the field of sustainable development until 2030. Resolution A/70/L.1 of the UN General Assembly, on September 25, 2015.

period which is directly following adoption of the resolution of the UN General Assembly of A/70/L.1 by a number of experts were stated a critical remark and concern about excessively small attention to ICT and digitalization by consideration of prospects of achievement of SDGs in documents of the UN.

In consideration of value of digitalization for achievement of IMC there is a certain thesis, obvious to most of experts, which can be met in many reports and articles. This thesis, in our opinion, on the basis of generalization of the sources studied by us, it is possible to formulate as follows: “Technologies, especially ICT, are crucial for ensuring creativity, innovation and adaptability of modern economy: digitalization has interindustry value and is the powerful tool of economy and social development which can be used for achievement of all sustainable development goals”. Most of authors meet that in the future the digital economy potentially is the most considerable and important opportunity for dynamic changes and sustainable development around the world.

In June, 2018 UN Secretary-General presented the report on prospects and problems in achievement of the Sustainable Development Goals in which questions of achievement of gender equality in the digital sphere were also reflected. This report declared that the SDGs cannot be fulfilled until SDG 5 (Gender Equality) is achieved.⁴

Contribution of the UN Secretary-General High-level Panel on Digital Cooperation for Ensuring Gender Equality in Digital Sphere

The High-level Panel on Digital Cooperation became one of the original institutes created within United Nations operation for achievement of bigger effect in assistance to the separate directions of social development.

High-level Panel on Digital Cooperation introduced by the United Nations Secretary General António Guterres develops recommendations of how the international community can work together for optimizing of use of digital technologies and risk reduction. The creation of group was declared in July, 2018. In particular, the principle of a gender variety was put in the basis of work of group. 22 persons were a part of group (including cochairmen and heads of the secretariat). The representation by certain sectors was distributed as follows: 5 people represented public authorities (at the level of the minister, the following states: India, the UAE, Norway, Botswana, Switzerland), 7 people – business (including, presenting to IT technology), 10 people – the public and research organizations [Prestes 2019]. The representation from the countries was distributed as follows: 3 persons presented to the USA, 19 more countries received on 1 representative (including Russia).

The group was created for the nine-month period after which it had to submit the report containing recommendations. The report had to increase the awareness of politicians and the general public about the reformative influence of digital

---

⁴ Progress towards the Sustainable Development Goals: report of the UN Secretary-General, E/2018/64, 2018.

technologies on society and economy. In the report ways of expansion of digital cooperation by identification of gaps in the existing policy, researches and information had to be formulated. It was established that the report has to contain recommendations for the maximum use of potential of digital technologies, in particular, for realization of the 2030 Agenda for Sustainable Development. It was established that all interested parties, the group had to pay special attention to ensuring assistance to participation of youth and women in the digital sphere.

The group finished the discussions and in June, 2019 submitted to the UN Secretary General the report of “The Age of Digital Interdependence”. In this report the word “gender” isn’t used. However, this report also made a contribution to drawing attention to the problem of digital inequality of women. In particular, women are mentioned in a number of social groups whose representation in the World Wide Web needs to be raised. Concerning recommendation 1C the report contained an appeal to civil society and authorities to take concrete strategic measures for ensuring full familiarizing with digital technologies and digital equality for women and other social groups which are traditionally considered as marginalized. High-level Panel’s Report contained specific proposals and measures for advance on the way of achievement of digital gender equality, but his contribution consists in fixing of value of this purpose.

For the purpose of follow-up process of implementation of the report in 2019 8 virtual Roundtable groups were formed. Participants of these groups were divided into categories “Champions” and “Key Constituent”.

The algorithm of activity of virtual Roundtable groups allowed to be shown to the main types of subjects [Kleinwächter, Kettemann, Senges 2019]. In particular, the structure of “Champions” mainly included only public authorities of the national states and specialized structures and the UN agencies. An exception kept the Microsoft and iSPIRT companies and the international public organization Access Now. The structure of category “Key Constituent” was much more numerous and various; their number several times exceeded number of “champions” and in each direction them was on average from 30 to 40. Though among this category also considerable share was occupied by the governments of the national states, but also the share of business structures (especially from information technology), the research organizations and institutes of civil society was big. It is possible to note that among the persons which had the status of full-fledged participants of these discussions the participation of individual faces per se wasn’t provided (for example, from among world famous experts or scientists); such right was granted only to the organizations.

The expediency of division of participants into categories “Champions” and “Key Constituent” consisted in division of roles at discussion of the corresponding directions. The organizations representing the Champions group prepared the conclusion on the basis of studying the report of the High-level Panel on Digital Cooperation. The organizations which are among “Key Constituent” studied after that this conclusion and prepared the response in which were reflected as comments on the main report, and in relation to the conclusion of “Champions”. It is possible

to recognize this operation algorithm as rather effective as it provided higher degree of an internal discussion and dialogue at discussion of the possible directions and measures for achievement of objectives. Possibly, and the distinction of structure of “Champions” and “Key Constituent” could also have effect on contents of final offers: in the first case offers from the point of view of the national states and the UN agencies were presented in the conclusion, in preparation of the alternative conclusion participated in the second case, besides subjects such, also business structures and NPO that allowed to see a problem from a different perspective

On December 6, 2019 virtual Roundtable groups presented results of the discussion of the report within the set directions two of the eight virtual Roundtable groups; in the Roundtable’s recommendations the issue of the gender gap was mentioned. The High-level Panel Follow-up Roundtable 1A (“Global Connectivity”) in its recommendation announced that the gender gap in internet access is increasing in many parts of the world. In the High-level Panel Follow-up Roundtable 1C (“Digital Inclusion”) participants expressed their concern about the need to increase knowledge about that how the gender gaps arises in the use of digital technology, and to develop such knowledge as to how this problem can be eradicated. Gender gaps were set as a priority area for consideration in digital inclusion. The participants in the groups were convinces that the digital divide between women and must be bridged.

It is possible to make the assumptions that participants in the virtual Roundtable groups did not offer new mechanisms or approaches to a solution of the problem of overcoming the gender gap in internet access, but they drew additional attention to him more likely and legitimized the importance of the solution of this problem.

The Issue of the Gender Divide in the UN Secretary-General’s Roadmap for Digital Cooperation

The UN Secretary-General’s Roadmap for Digital Cooperation is one of the new instruments of the United Nations in the sphere of governing digital development: setting norms and providing platforms to coordinate policy and regulation.⁵ This document also raises the questions of gender equality and women’s rights. The UN Secretary-General’s Roadmap for Digital is presented on the United Nations General Assembly in May, 2020.

The gender perspective is mentioned in the text of this document 10 times. The gender gap is called a striking example of the existing digital inequality. It is noted that in two of each three countries of the world more men, than women use the Internet. The road map denies the optimistic assessment of a relative gender gap existing a few years ago in use by digital technologies. In the text of the document it is said that the gender gap grows in use by the Internet, but it isn’t reduced: in 2019 he made 17 percent, and in the least developed countries it is even more, notably 43 percent⁰%.

---

⁵ Road map for digital cooperation: implementation of the recommendations of the High-level Panel on Digital Cooperation. Report of the UN Secretary-General, A/74/821, 29 May 2020.

The Secretary-General's Roadmap pronounced the creation in 2021 of the multilateral coalition for taking measures in the field of innovations and technologies for the benefit of gender equality. The extreme importance of ensuring accounting of gender specifics at acceptance of any measures in the field of digital cooperation and digital technologies was proclaimed. For the most effective system of decision-making The Secretary-General's Roadmap suggested to recognize that degree of vulnerability in a context of digitalization depends on gender accessory.

It is possible to assume, as this document not so much assumes concrete measures of overcoming gender inequality how many postulates importance of this problem and proclaims the need to overcome the problem.

Other Forms of Activity of Specialized Divisions of the UN of Ensuring Digital Gender Equality

At an arsenal of modern means of the UN there are some other forms of activity directed to achievement of progress in questions of protection of women's rights, gender equality and digitalization.

In 2016, the year began with a the form of gender governance: the coalition of programs "EQUALS" (the Global Partnership for Gender Equality in the Digital Age). This project was launched in September 2016 by International Telecommunication Union (ITU) and UN Women.⁶

ITU Secretary-General Houlin Zhao announced that "It's time to make the world more equal ... EQUALS, Global Partnership for Gender Equality in the Digital Age, program where we will collaborate with partners to generate an unstoppable global movement where women and girls are equal participants in the digital technology revolution. Big challenges like these require better data, just as global problems require global action".⁷

Phumzile Mlambo-Ngcuka, Executive Director of UN Women, also highlighted the foundational role of the digitalization project: "The information society is incomplete without the inclusion, contribution and leadership of women and girls ... They must have access to ICTs, and we must foster their capabilities to use the technology. This is central to the realization of women's rights at all levels and can be a real driver of accelerated progress towards the achievement of Agenda 2030" [Gilleri 2020].

EQUALS is a project that aims to achieve the Sustainable Development Goal 5b: "Enhance the use of enabling technology, in particular information and communications technology (ICTs), to promote the empowerment of women". To realize the goals of the program the website (<https://www.equalsintech.org>) was created. Within this project three main activities are emphasized:

---

⁶ Perceptions of Power: Championing Female Leadership in Tech: An EQUALS report by GSMA. London: GSMA, 2020.

⁷ ITU and UN Women announce 'EQUALS': The Global Partnership for Gender Equality in the Digital Age. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2016/9/press-release-itu-and-un-women-announce-global-partnership-for-gender-equality-in-the-digital-age> (accessed: 21.08.2021).

ACCESS (Achieve equal access to contemporary digital technologies)

SKILLS (Empower women with skills to become ICT creators)

LEADERS (Promote women as ICT leaders)

The International Telecommunication Union (ITU) and UN Women are the main specialized UN agencies dealing with issues of digital development and women's rights, respectively. Thus, the launch of this joint project with participation of these two organizations was a highly challenging endeavor. These organizations systematically magnetize other participants to implement the joint program for ensuring gender digital equality. In 2016 entrepreneur and founder of Honest Dollar, William Hurley, was involved with the project. In 2020, Oslo Metropolitan University together with associates from GSMA, ITC, and UNU participated in EQUALS to prepare the analytical report on the global status of the issue: overcoming the digital inequality of women. In the report prepared for the EQUALS project a number of measures and recommendations about achieving gender equality were developed. It was proposed that fostering gender inclusion in the ICT sector to ensure gender balance in decision-making positions (for instance, the boards of directors).

In 2020 the UN Secretary-General announced the launch of the project: "A Global Acceleration Plan for Gender Equality". France, Mexico and UN Women, took a leading part in realizing this project. This project was launched at the Paris Forum and consists of six Action Coalitions: innovative multi-stakeholder partnerships involving national governments, international governmental and non-governmental organizations, civil society and youth organizations.

The ITU in 2020 began a new project that was caused by the new challenges of a pandemic of COVID-19. The webinar "Empowering Women in Cybersecurity" organized by CyberDrill took place in 2020 addressed the communication of women around the world in the ICT sector. Participants discussed obstacles in the field of cyber security which women in different countries were dealing with, and ways of overcoming the constraints women face. Conclusions were drawn on the need to develop new forms of communication between the women working in the sphere of digital technologies, further transformation of culture and to change stereotypes of thinking, development of programs for advancing female leaders in this sphere. The criticism of the myth that the sphere of cyber security has to be a closed professional sphere in which only experts with a long experience have to work became one of the most interesting results of this action. According to participants of the webinar, this conclusion is not true and also interferes with the integration of women into this sphere like an entry barrier to new ICT professionals. In total three main obstacles were revealed: lack of mentors, absence of this sphere of professional activity of female role models of successful career, gender stereotypes of and bias.

One of the aims of the webinar is the program "Empowering Women in Cybersecurity Global Mentorship", that the ITU realized together with the Forum of Incident Response and Security Teams (FIRST) and EQUALS to fill a lack of mentorship of the women working in ICT sector. The program, launched on

International Women's Day, the 8th March 2021, program was focused, first of all, on the countries of Asia and Africa. The first round of the program proceeded from March to August 2021, the future editions of the program have to cover a number of the new countries.

Conclusion

At the present stage the active work of the international community for protecting women's rights and overcoming the gender gap in the digital sphere is only in its initial stage. The United Nations programs in this sphere of regulation differ in the level of commitment, initiative and mobilization of various resources [McQuigg 2018]. The United Nations widely applies a variety of forms of working programs, including creating new forms that allow achieving a synergy of efforts of the international organizations, businesses, civil society, as well as in other directions of United Nations' work.

The activity of the United Nations and its divisions in the sphere of ensuring gender equality and overcoming digital inequality is the work focused directly on society, human beings as planetary inhabitants deserving equal rights and opportunities, has been known to bypasses the national states as intermediaries. However, this line work is characteristic of most of the modern international organizations in various spheres of public life and most member states of the United Nations seek to respect women's rights and even to empower women. The United Nations implements programs of social development, directly addressing recipients of the help that try to influence the process by influencing the policy of national states. This trend corresponds to a current trend of development of global governance of digital women's rights. The United Nations should attract the capacity of national states more, and involve separate government structures to implement specific programs (for example, to the EQUALS program) more systematically and consistently. It is possible to assume that the effectiveness of efforts of the UN could be higher if United Nations would use the capacity of the national states more actively, where as nations state themselves should initiate program to cooperate with the United nations to the norms set by the international community for digital women's rights.

Received / Поступила в редакцию: 22.08.2021

Revised / Доработана после рецензирования: 12.10.2021

Accepted / Принята к публикации: 15.11.2021

References

- Alves, J.E.D. (2016). Desafios da equidade de gênero no século XXI. *Revista Estudos Feministas*, 24(2), 629–638. <https://doi.org/10.1590/1805-9584-2016v24n2p629>
- Arat, Z.F.K. (2015). Feminisms, Women's Rights, and the UN: Would Achieving Gender Equality Empower Women? *American Political Science Review*, 109(4), 674–689. <https://doi.org/10.1017/s0003055415000386>
- Dhar, S. (2018). Gender and Sustainable Development Goals (SDGs). *Indian Journal of Gender Studies*, 25(1), 47–78. <https://doi.org/10.1177/0971521517738451>

- Gilleri, G. (2020). 'How are you actually doing, ladies?' Indicators of gender equality through the lens of the UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women. *International Journal of Human Rights*, 24(8), 1218–1246. <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1717474>
- Girard, M. (2020). We Need Standards for Digital Cooperation to Occur. *IEEE Technology and Society Magazine*, 39(2), 68–74. <https://doi.org/10.1109/MTS.2020.2991501>
- Herr, R.S. (2019). Women's Rights as Human Rights and Cultural Imperialism. *Feminist Formations*, 31(3), 118–142. <https://doi.org/10.1353/ff.2019.0033>
- Kim, E.M. (2017). Gender and the Sustainable Development Goals. *Global Social Policy*, 17(2), 239–244. <https://doi.org/10.1177/1468018117703444>
- Kleinwächter, W., Kettemann, M.C., & Senges, M. (Eds.). (2019). *Towards a Global Framework for Cyber Peace and Digital Cooperation: An Agenda for the 2020s*. Hamburg: Verlag Hans-Bredow-Institut.
- Leenders, A.M. (2020). International relations and technological conditionality. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 1, 96–104. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-62-1-096-104> (In Russian).
- Leenders, A.M., & Grishin, N. (2020). United Nations institutions for the development of digital cooperation. *Political Expertise: POLITEX*, 16(4), 493–504. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.405> (In Russian).
- MacPhail, F. (2017). Progress of the world's women 2015–2016: transforming economies, realizing rights, by UN Women. *Canadian Journal of Development Studies/Revue canadienne d'études du développement*, 38(2), 1–3. <https://doi.org/10.1080/02255189.2017.1303366>
- McQuigg, R. (2018). Is it time for an UN treaty on violence against women? *The International Journal of Human Rights*, 22(3), 305–324. <https://doi.org/10.1080/13642987.2017.1359552>
- Popova, O.V., Maslova, A.E., & Agapitova, M.I. (2016). Problems of reproductive health of women and abortions in programs of the Russian political parties. *The Woman in the Russian society*, 4(81), 72–84. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.4.6> (In Russian).
- Prestes, E. (2019). An Overview of the United Nations High-Level Panel on Digital Cooperation. *IEEE Robotics & Automation Magazine*, 26(1), 103–104. <https://doi.org/10.1109/MRA.2019.2891183>
- Renzulli, I. (2017). 'Women and peace': A human rights strategy for the women, peace and security agenda. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 35(4), 210–229. <https://doi.org/10.1177/0924051917737912>
- Sandler, J., & Goetz, A.M. (2020). Can the United Nations deliver a feminist future? *Gender & Development*, 28(2), 239–263. <https://doi.org/10.1080/13552074.2020.1753432>
- Zipoli, D. (2019). NHRI Engagement with UN Human Rights Treaty Bodies: A Goal-based Approach. *Nordic Journal of Human Rights*, 37(3), 259–280. <https://doi.org/10.1080/18918131.2019.1682241>

About the author:

Anna Maria Rada Leenders – MSc in Political Science of the Columbia University, lecturer of the University of Sofia, postgraduate of the MGIMO University (e-mail: amrada4@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7356-1456)

Сведения об авторе:

Линдерс Анна Мария Рада – магистр политологии Колумбийского университета, преподаватель Софийского университета, аспирант МГИМО МИД России (e-mail: amrada4@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7356-1456)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-64-89

Научная статья / Research article

Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер

А.А. Гнедаш

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

✉ anna_gnedash@inbox.ru

Аннотация. В XXI веке феминистское движение остается одним из крупнейших общественно-политических движений и обретает новую платформу консолидации – Интернет и новые способы мобилизации – социальные медиа. Освещение деятельности участников(ниц) и сторонников(ниц) движений Women’s March и #MeToo, актуализация женского вопроса и проблем гендерного равенства в цифровой социально-политической повестке, а также дискурс о ситуации с правами и свободами женщин в Афганистане делает актуальным поиск объяснительных моделей новых феноменов в развитии феминизма. Социальные медиа демократизировали феминизм и создали прецеденты конвертации политического капитала феминисток из онлайн-пространства в офлайн-деятельность (примеры рассматриваются в статье). Для оценки масштаба, содержания и потенциала четвертой волны феминизма в статье приводятся результаты эмпирического анализа Big Data: выгрузки сетевых данных (общее количество составило более 1 000 000 твитов и ретвитов) из социальной сети Twitter по ключевому слову «women». С помощью сетевого, реляционного и лингводикурсивного анализа были проанализированы полученные дата-сети (в 5 контрольных точках), визуализированы социальные графы, выявлены и описаны лидеры мнений (и цифровой контент, который ими был сформирован) в сформированном политическом дискурсе четвертой волны феминизма в социальной сети Твиттер, определена и охарактеризована динамика ключевых дискурсивных тематик. В результате исследования сделан вывод о том, как проблематика прав афганских женщин вошла в политический дискурс четвертой волны феминизма и как и почему она была замещена проблематикой закона о запрете аборт в штате Техас США. В заключении делается вывод о дальнейших перспективах развития дискурсивного поля четвертой волны феминизма.

Ключевые слова: волны феминизма, четвертая волна феминизма, дискурсивное поле, онлайн-пространство, контент, политическая мобилизация, Twitter, интернет-коммуникация, сетевой анализ, лидеры мнений

Для цитирования: Гнедаш А.А. Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 64–89. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-64-89>

© Гнедаш А.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020–2022). Автор статьи также благодарит кандидата политических наук, доцента Н.А. Рябченко за сбор и первичную обработку эмпирических сетевых данных, составивших более 1 млн сообщений.

The Fourth Wave of Feminism: Political Discourse and Opinion Leaders in Twitter

Anna A. Gnedash

Kuban State University, Krasnodar, Russia

✉anna_gnedash@inbox.ru

Abstract. In the 21st century, the feminist movement continues to be one of the largest socio-political movements, which acquired a new consolidation platform via the Internet and new ways for mobilization via social media. The conceptualization of fourth-wave feminism is an exceptionally relevant topic for research, taking into account the results of the Women’s March and #MeToo movements, the actualization of feminist and gender equality issues in the digital social and political agenda, as well as the discourse around the situation with women’s rights and freedoms in Afghanistan. Social media democratized feminism and created precedents of converting feminist political capital from online to offline activities (examples are discussed in the article). To assess the extent, content and potential of fourth-wave feminism, the article presents the results of a Big Data study: network data upload from the social network Twitter for the keyword “women” (including more than 1,000,000 tweets and retweets). Using the methods of network, relational and discourse analysis the author analyzed the datasets obtained (at 5 control points), visualized social graphs, identified and described the opinion leaders (and the content that they formed) in the political discourse of the fourth-wave feminism on the Internet and described the dynamics of key discursive topics. As a result of the study, the author concluded how the issue of Afghan women’s rights entered the political discourse of fourth-wave feminism and how and why it was replaced by the issue of the Texas abortion law. The article ends in a conclusion about the prospects for the development of the discourse of fourth-wave feminism.

Keywords: waves of feminism, fourth wave of feminism, discursive field, online-space, content, political mobilization, Twitter, Internet communication, network analysis, opinion leaders

For citation: Gnedash, A.A. (2022). The fourth wave of feminism: Political discourse and opinion leaders in Twitter. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 64–89. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-64-89>

Acknowledgements: The study is given a financial support by The Russian Foundation for Basic Research, the research project No. 20-012-00033 entitled “Linguistic models of sociopolitical communication in the online space: discursive fields, patterns and hybrid methodology of network data analysis” (2020–2022). The author of the article also thanks Candidate of Political Sciences, Associate Professor N.A. Ryabchenko for the network data uploading and primary processing of empirical data, which amounted to more than 1 million tweets.

Введение

Пять лет назад в 2017 г. ведущий американский онлайн-словарь Merriam-Webster назвал «феминизм» словом года¹. Как отмечают редакторы интернет-портала, всплеск интереса пользователей был обусловлен: во-первых, активным освещением в СМИ и социальных сетях деятельности движения Women's March² (женские марши, которые ежегодно проходят в январе в США и во многих странах мира начиная с 2016 г., возникшие как реакция американских женщин на мизогинистические и шовинистские выступления на тот момент только избранного президента США Д. Трампа) [Moni 2020:1–16; Just, Muhr 2019:245–267]; во-вторых, инклюзией феминизма во всемирно известную кинопродукцию Голливуда (в том же году вышел популярный блокбастер «Чудо-женщина», снятый к тому же женщиной-режиссером, и сериал «Рассказ служанки», снятый по одноименному популярному роману женщины-писательницы и поднимающий вопросы женского репродуктивного рабства в тоталитарном государстве), невероятным ростом в социальных сетях движения #MeToo³ [Mendes, Ringrose, Keller 2018:236–246] и, как результат, – все больше женщин любого статуса и уровня известности стали открыто говорить о домогательствах на рабочем месте, что повлекло череду новостей об увольнениях мужчин, которым были предъявлены обвинения⁴ [Zarkov, Davis 2018:3–9].

Данные факторы, особенно активная деятельность сторонников и сторонниц движений Women's March и #MeToo в сфере гендерного равенства, феминистская повестка в работе американской киноиндустрии, экстремально религиозно-патриархальный откат в отношении женщин в Афганистане в 2021 г. после прихода к власти талибов и подтверждение того факта, что в 2020 и 2021 гг. женщины во всем мире ощутили на себе более тяжелые

---

¹ 'Feminism' is our 2017 Word of the Year // Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/woty2017-top-looked-up-words-feminism> (accessed: 25.12.2021)

² На сегодняшний день «Women's March» – это крупнейшее и мощнейшее движение, мобилизующее людей на совершение активных социально-политических действий как в online-, так и в offline-пространствах; действий, меняющих поле публичной политики [Felmlee, Blanford, Matthews, MacEachren 2020].

³ Хештег #MeToo был использован известной американской актрисой Алисией Милано около полудня 15 октября 2017 года и к концу дня использовался другими пользователями более 200 000 раз. Facebook констатирует, что хештег #MeToo был использован более чем 4,7 млн человек в 12 млн сообщений в течение первых 24 часов 15–16 октября 2017 г.; социальная платформа также отметила, что у 45% пользователей в Соединенных Штатах был друг, который опубликовал этот термин (More than 12M «MeToo» Facebook posts, comments, reactions in 24 hours // CBS News, October 17, 2017. URL: <https://www.cbsnews.com/news/metoo-more-than-12-million-facebook-posts-comments-reactions-24-hours/> (accessed: 25.12.2021)).

⁴ Движение «#MeToo» привело к возникновению «Эффекта Вайнштейна» – это глобальная тенденция, согласно которой обычные/известные люди открыто признаются в социальных медиа в том, что в отношении них известными персонами были совершены насильственные сексуальные действия для того, чтобы первые получили контракт или продвижение по службе, сохранили свое рабочее место [Wahyudiputra, Amrullah, Adrian 2021:39–47].

социальные и экономические последствия пандемии COVID-19 (рост домашнего насилия, более высокая нагрузка на работе – женщины составляют от 70 до 86% медицинских служб и социальных работников, кризис в традиционно «женских» отраслях экономики)⁵ – все эти факторы доказывают, что феминизм и гендерное равенство продолжают оставаться наиболее острыми политическими темами в мировом пространстве.

Метафора волн феминизма – это способ структурировать многогранное феминистское движение и в исторической ретроспективе выделить характерные для определенных временных периодов цели, задачи, технологии, ключевых теоретиков и практиков (лидеры движения), а также достигнутые результаты каждой волны феминизма. Периодизация и выделение волн феминизма необходимы для определения того, почему цель абсолютного равенства прав мужчин и женщин даже в XXI веке в некоторых странах остается «точкой за линией горизонта».

Первая, вторая и третья волны феминизма: чего добились и что не удалось?

Определим феминистское движение как ряд политических кампаний и активизм, направленный на постепенные реформы/изменения в отношении мужчин и женщин как субъектов жизнедеятельности общества, государства и семьи.

Традиционно периодом формирования и расцвета первой волны феминизма считается середина XIX в. – 1920-е гг. В этот период происходит формирование новой политической идентичности женщин (разделяются идентичность «женщины-гражданки» и идентичность «жены и матери») [Капелли 2015:467]; женщины выходят за пределы приватного пространства; трансформируются каноны допустимого женского поведения [Women in German History... 1989; Prochaska 1980; Smith-Rosenberg 1971]; женщины включаются в решение социальных вопросов общества посредством деятельности общественных организаций [LeGates 2001]; происходит частичное включение женщин в рабочее и профсоюзные движения (без внесения женских интересов в повестку дня); в некоторых странах женщины получили права на развод и владение имуществом⁶.

В конце XIX – начале XX в. в политическую повестку государств вносятся (и успешно решается) вопрос избирательных прав⁷; реформируется

⁵ International Women's Day 2021: COVID-19 pandemic is a major challenge for gender equality // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_1011 (accessed: 25.12.2021).

⁶ A Timeline of Women's Legal History in the United States. URL: <http://wlh.law.stanford.edu/wp-content/uploads/2011/01/cunnea-timeline.pdf> (accessed: 25.12.2021).

⁷ Griffin, B. The Politics of Gender in Victorian Britain: Masculinity, Political Culture and the Struggle for Women's Rights. URL: https://books.google.ru/books?id=jsnnyrckKqQC&pg=PA80&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 25.12.2021); Seibert, A., Roslaniec, D. Women, Power and The Public Sphere. URL: http://www.austlii.edu.au/au/legis/nsw/num_act/eca1899n38176.pdf

система образования; в печатной прессе и художественной литературе поднимаются дискуссии о профессиональном самоопределении женщин и возможностях равной оплаты за равный труд мужчин и женщин [Crawford 2002].

Фактически к затуханию первой волны феминизма привело, во-первых, получение женщинами в ряде европейских стран избирательных прав; во-вторых, Первая мировая война и включение женщин в рабочую силу взамен ушедших на фронт мужчин способствовали идейному и организационному снижению темпов развития феминистского движения в межвоенный период; в-третьих, падение рождаемости, начавшееся с 1900-х гг., в условиях межвоенных лет стало вызывать постоянное беспокойство и вину за этот спад одновременно в разных странах возложили на растущую независимость женщин.

Возникновение второй волны феминизма⁸ связано с тем, что получение женщинами избирательных прав не решило, а скорее вскрыло новые проблемы, возникшие в период 1920–1960-х гг.: политическое равенство де-юре не предопределило равенство де-факто; неравенство в приватной сфере обрело новые формы (домашнее насилие, финансовая зависимость, неоплачиваемый домашний труд); усилились дискриминация в политической и экономической сферах; профессиональная гендерная сегрегация; угнетение женщин и мужчин посредством символической политики, стереотипы по поводу гендерных ролей; сексуальная объективация женщин в массовой культуре и проституция. Как тема обсуждения возникли репродуктивные права и контроль над сексуальностью и телом [Бовуар 2015; Hall 2010; История женщин на Западе... 2015]. Особенность второй волны феминизма заключается в том, что феминизм как теория и практика продолжил институционализироваться и усложняться [French Feminist Thought 1987; Брайсон 2001; Orloff 2009:317–343; Bonfiglioli 2020:144–147].

В 1990-е гг. возникает третья волна феминизма: движение, во-первых, возникшее как ответ на неудачи и негативную реакцию на действия феминисток второй волны, а во-вторых, как выход за рамки точки зрения «белой женщины» и западной культуры и понимание того, что женщины имеют разный цвет кожи, принадлежат к разным этносам, национальностям, религиям, культурам и традициям. Феминизм расширяется за счет включения женщин с разным набором идентичностей. Переход от второй волны к третьей ознаменовался еще и тем, что во многих странах были расширены права женщин и созданы институциональные условия для обеспечения гендерного равенства, но вопрос со стереотипами, образами женщин в медиа и языковыми конструктами остался нерешенным. Некоторые исследователи и феминистки⁹ критикуют развитие феминизма в период третьей волны, заявляя,

---

(accessed: 25.12.2021); Larsen, J. The women's movement in Denmark. URL: <http://www.kvinfo.dk/side/680/article/3/> (accessed: 25.12.2021).

⁸ Рождение термина и метафоры волн феминизма связаны со статьей «Вторая феминистская волна» Марты Вайнман Лир в New York Times в 1968 году.

⁹ Epstein, B. What Happened to the Women's Movement? URL: <http://monthlyreview.org/2001/05/01/what-happened-to-the-womens-movement/> (accessed: 25.12.2021).

что феминистские организации этого периода стали бюрократическими машинами, использующими «пафосные и усталые» акции и мероприятия. Наш взгляд, феминизм третьей волны сделал концепт женщины более многогранным и сместил вектор публично политики с улучшения положения «второго пола» на создание условий для гендерного равенства.

Генезис четвертой волны феминизма

Безусловно, в современных социальных науках три волны феминизма – это устоявшийся теоретический конструкт [Брайсон 2001], но фактический перенос и активное развитие феминизма, а также накопление политического капитала в онлайн-формате (и его монетизация в офлайн) – привели к дефициту теоретических моделей современных феноменов феминизма, аналогов которым в современных формах, технологиях, масштабах и результатах нет в исторической ретроспективе. Впервые в зарубежной науке термин «четвертая волна феминизма» возник в СМИ и околонучной публицистике¹⁰ в 2008 г. В российской политической науке термин впервые вводится в 2016 г. [Гнедаш 2016:75–76].

Четвертая волна феминизма возникает в конце 2000-х гг. и связана с online-деятельностью (и новыми формами политической мобилизации) и развитием социальных медиа (Facebook, Twitter, Instagram, YouTube и т.д.). Диана Даймонд определяет движение этого периода как феминизм, «сочетающий в себе политику, психологию, духовность и всеохватывающее видение перемен» [Diamond 2009:213–223]. Интернет бросил вызов современной культуре, активировав гендерное равенство и социальную справедливость. Четвертая волна, безусловно, несет в себе зерна третьей волны, с ее акцентами на анализе микрополитик в формировании концептов сложного скрытого сексизма и женоненавистничества в структурах и институтах общества и государства [Phillips, Cree 2014:930–943]; сексизма и женоненавистничества, проявляющихся в повседневной риторике, рекламе, кино, телевидении и литературе, СМИ в любой стране мира [Maclaran 2015:1732–1738]. Влияние онлайн-технологий и появление новых форм и каналов коммуникации, распространение информации о событиях и практиках, создание и деятельность международных движений (Women's March и #MeToo) [Vickery 2018:402–411; Looft 2017:892–902; Burgess 2018:342–367], постоянное воздействие политического онлайн-контента на жизнь и действия граждан в офлайн – все это приводит к формированию четкой границы между нынешней и предшествующей волн феминизма.

Роль и значение социальных медиа и сосредоточение активности индивида именно в сфере Интернет, которая не только позволяет накапливать

---

¹⁰ См.: Grady, C. The waves of feminism, and why people keep fighting over them, explained. URL: <https://www.vox.com/2018/3/20/16955588/feminism-waves-explained-first-second-third-fourth> (accessed: 25.12.2021); Rampton M. Four Waves of Feminism. URL: <https://www.pacificu.edu/magazine/four-waves-feminism> (accessed: 25.12.2021).

политический капитал в онлайн-пространстве и создает особые условия и формы мобилизации граждан и сообществ, но и конвертирует политический капитал в конкретные результаты феминистской активности и политики гендерного равенства в офлайн-пространстве, – все это позволяют нам концептуализировать четвертую волну феминизма. Также важен тот факт, что четвертая волна формируется не только в личностном измерении или отдельном страновом контексте, она генерируется в масштабе всего мира.

Социальные медиа демократизировали феминизм и открыли любому человеку возможности бороться с патриархатом при помощи социальных сетей. Приведем несколько известных примеров.

В 2013 г. сенатор Венди Дэвис в Техасском парламенте в течение 11 часов непрерывно выступала против принятия закона о запрете абортов с 20-й недели. Коллеги-демократы вели прямую трансляцию в Твиттер и YouTube и запустили блогволну с хештегом #StandWithWendy, так как классические СМИ посчитали неинтересной данную тему и не освещали ее. В результате трансляцию смотрели 180 тысяч человек¹¹. Этот кейс показывает, что блогволны и хештеги на актуальную феминистскую и политическую тематику могут пробивать классическую политическую повестку, формируемую традиционными СМИ.

В 2013 г. около 2800 американских женщин, протестующих против сексистских футболок для детей (надписи «Слишком хороша, чтобы делать домашние задания», «Женофоб (никто не совершенен)» и т.д., буквально затопили отрицательными постами страницу производителя одежды The Children's Place в Facebook. В результате руководству компании пришлось принести публичные извинения матерям и девочкам и изъять продукцию из продажи¹². Это кейс показывает, как обычный пользователь и покупатель может менять устоявшиеся патриархальные стереотипы и влиять на производителя товаров и услуг.

В том же году американская организация Women Action and the Media развернула кампанию, направленную на запрет в Facebook изображений и комментариев, связанных с насильственными действиями над женщинами. Стронники (60 000 твиттов и 5000 постов) этой акции бомбардировали сотни страниц Facebook с хештегом #FBrape. В результате Facebook совместно с Women Action and the Media внесли ряд поправок о запрете ненависти и насилия на гендерной почве в принципы функционирования социальных сообществ в Интернет¹³. Данный кейс показывает, как онлайн-сообщества

---

¹¹ Stand with Wendy: Texas senator's abortion bill filibuster captivates the internet. URL: <http://www.theverge.com/2013/6/26/4465316/texas-senator-abortion-filibuster-wendy-davis> (accessed: 25.12.2021).

¹² Children's Place Pulls 'Sexist' T-Shirt. URL: <http://abcnews.go.com/blogs/lifestyle/2013/08/childrens-place-pulls-insensitive-t-shirt/> (accessed: 25.12.2021).

¹³ #FBrape Campaign Takes on Facebook Misogyny and Wins! URL: <http://msmagazine.com/blog/2013/05/30/fbrape-campaign-takes-on-facebook-misogyny-and-wins/> (accessed: 25.12.2021).

вливают на политику IT-гигантов и требуют изменения условий работы социальных медиа в сторону гендерной толерантности.

В 2016 г. участнику президентской избирательной кампании Джеббу Бушу пришлось уволить своего сотрудника, после того как в Интернете всплыл один из старых твитов этого человека, в котором он называл женщин «sluts». Этот пример иллюстрирует рождение современной культуры отмены¹⁴.

В 2016 г. вопрос о домашнем насилии и его решении снова возник в социальных сетях. Группа ирландских активисток запустила проект The Black Dot: женщины, подвергающиеся насилию, рисовали на своей ладони черную точку и публиковали фото с этой точкой в любой доступной социальной сети. Таким образом, фото становилось своеобразным сигналом о нужде этих женщин в помощи со стороны родственников, друзей, полицейских и социальных служб, которые выезжали по адресу и оказывали поддержку или решали проблему насилия¹⁵. Данный пример очень важен в контексте борьбы с домашним насилием, с одной стороны, когда у жертвы нет времени или возможности рассказать о проблеме, а с другой – это способ сделать жертв насилия видимыми в публичном пространстве.

Активность в социальных медиа не заменит традиционное конвенциональное и неконвенциональное политическое поведение (протесты, митинги, демонстрации, пикеты и т.д.), но социальные медиа дают возможность одному человеку или сообществу создать политический дискурс и цифровую повестку дня, стать лидером мнения и привлечь внимание общественности, СМИ, власти и граждан к вопросу, проблеме, решению и т.д., если это имеет значение для офлайн-пространства.

Методология исследования политического дискурса в онлайн-пространстве

В 2018 г. научным коллективом под руководством Н.А. Рябченко была апробирована методика исследования политического контента современных общественно-политических движений на примере одного из самых крупных (в глобальном, региональном и локальном форматах) и результативных социальных движений современности – Women’s March [Рябченко, Катермина, Гнедаш, Малышева 2018:139–162]. Посредством структурного сетевого анализа сетевых данных социальной платформы Twitter январь-июнь 2018 г. была смоделирована сетевая структура движения Women’s March в виде социального графа. Реляционный анализ смоделированного социального графа позволил выделить и описать дискуссионное ядро Women’s March как

¹⁴ Культура отмены (от англ. *Cancel culture*) – «способ привлечь к ответственности за правовые, социальные, этические нарушения известного и облеченного властью человека или группу через отказ от поддержки и/или публичное осуждение, в основном, в социальных сетях» (цит. по: Что такое «культура отмены»? // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f141f629a7947a2dd971850> (дата обращения: 25.12.2021)).

¹⁵ Почему нужно звонить в полицию, если вы увидели на ладони у женщины черную точку. URL: <https://fb.ru/post/environment/2019/5/5/95144> (дата обращения: 25.12.2021).

совокупность кластеров, определяющих основные направления дискурса в сетевом сообществе данного движения. Лингводискурсивный анализ выделенных кластеров проводился как семантический и дискурсивный анализ тегов и хештегов (фолксономический анализ) смоделированного дискуссионного ядра политического контента, продуцируемого социальным движением Women's March. Данная методика позволяет проанализировать, насколько любое исследуемое социальное движение является устойчивой сетевой структурой; визуализировать структуру движения (акторы, подсообщества, ядро, периферия, участники, сторонники, потребители контента); выявить качественные характеристики, определяющие взаимосвязи как внутри самого сообщества/движения, так и взаимодействие с внешней средой; определить возможные точки роста и векторы трансформации социального движения, как в online-, так и в офлайн-пространствах; спрогнозировать дальнейшее развитие движения и характер его действий там.

Основные выводы, которые были получены при проведении этого исследования, касаются и доказательств развития четвертой волны феминизма.

Социальное движение Women's March является устойчивой сетевой структурой по отношению к внешним воздействиям, так как ядро социального движения состоит из взаимодействующих кластеров. В случае недееспособности одного из кластеров, движение не перестанет быть функциональным с точки зрения способности формирования политического контента и осуществления социально-политической деятельности в офлайн-пространстве. Сетевое сообщество движения Women's March является открытым, центральный хаб дискуссионного ядра движения находится в США и объединяет представительства в разных странах мира. При этом представительства функционируют как отдельные кластеры со своей собственной социально-политической повесткой дня. Хабами-популяризаторами сетевого сообщества движения Women's March являются знаменитости мирового уровня и медийные персоны. Они объединены в отдельный кластер в дискуссионном ядре социального движения, который является связующим элементом для включения в сетевое сообщество ранее существовавших институциональных социально-политических групп в разных странах мира. На сегодняшний момент одним из самых крупных кластеров сетевого сообщества движения Women's March является кластер, предназначенный для конвертации политического капитала сообщества из онлайн-пространства в офлайн-пространство. Результатом конвертации стало увеличение числа женщин-кандидатов на выборах всех уровней в США. Выявленные точки роста движения Women's March отражают социально-политическую повестку как в США, так и в других странах (например, странах Европы и Африки). Это означает, что в сетевой структуре социального движения могут появиться новые кластеры, способные продуцировать социально-политические действия в офлайн-пространстве: права мигрантов, права детей, запрет оружия. Например, именно так в августе 2021-го в мировом онлайн-пространстве возникает тема прав афганских женщин.

Цифровой политической дискурс в условиях четвертой волны феминизма: методика и результаты эмпирического исследования социальной сети Твиттер

Для оценки масштаба, содержания и потенциала четвертой волны феминизма в период с 1 августа 2021 года по 1 ноября 2021 года мы провели эмпирическое исследование масштаба Big Data. Период исследования определен беспрецедентным для XXI века ухудшением положения женщин в Афганистане после прихода к власти радикального религиозно-политического военизированного движения «Талибан»¹⁶ и ужесточившейся политике в отношении прав, свобод и даже самого существования афганских женщин. В подобные моменты кризисов можно выявлять и анализировать структуру и деятельность политического дискурса и сообществ четвертой волны феминизма в онлайн-пространстве.

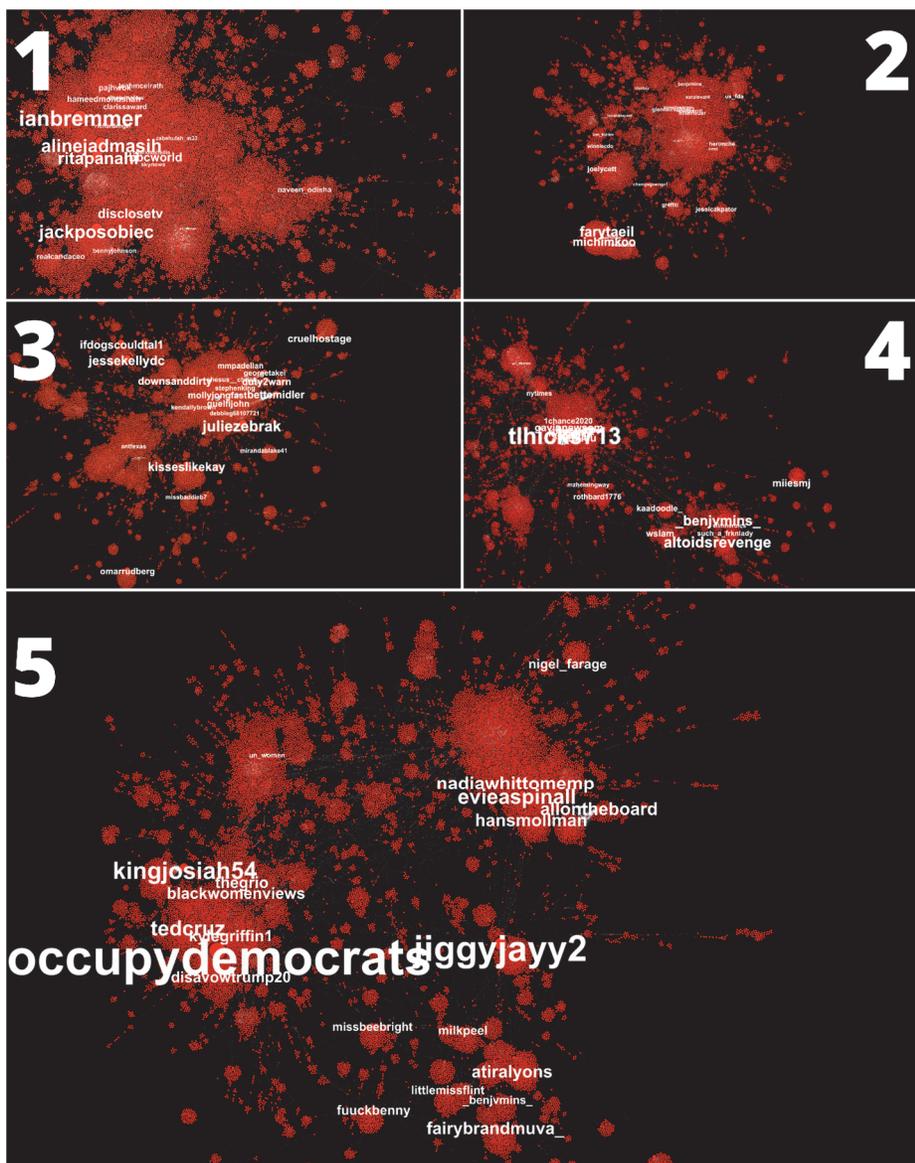
Эмпирической базой исследования послужила сплошная выборка сообщений из социальной сети Twitter по ключевому слову «women». Социальная сеть Twitter является второй по популярности социальной сетью в мире, рейтинг составлен компанией Statcounter GlobalStats¹⁷. Кроме того, Twitter является своего рода политическим рупором современного мира. Используя API-интерфейс Twitter, был составлен дата-сет (по пяти контрольным точкам для отслеживания динамики изменения сетевых данных: 27 августа, 4 сентября, 17 сентября, 21 сентября, 10 октября); общее количество сообщений, входящих в дата-сет, составило более 1 000 000 сообщений. Сетевые данные представлены в виде cvs- и gexf-файлов (Graph Exchange XML Format – формат, позволяющий анализировать данные как социальный граф).

Сетевые данные, входящие в полученную эмпирическую базу, содержали следующие массивы данных:

- сообщения, публикуемые пользователями указанных сетей;
- динамика ответов (ретвитов) на публикуемые сообщения;
- публичные данные о пользователях, публикующих эти сообщения, с фиксацией их взаимодействия для анализа их активности как социального графа;
- используемые пользователями хештеги для маркирования и классификации информации в социальных сетях;
- часто употребляемые слова и словосочетания, с фиксацией их взаимодействия для анализа активности их употребления как социального графа с целью выявления доминирующих тематик в исследуемой цифровой повестке дня;
- наборы используемых пользователями эмоджи.

¹⁶ Запрещенная в России террористическая организация.

¹⁷ About Statcounter GlobalStats // GlobalStats. URL: <https://gs.statcounter.com/about> (accessed: 25.12.2021).

Рис. 1. Лидеры мнений (хабы) ядра сетевого сообщества «Women2021 – Пользователи» в политическом дискурсе четвертой волны феминизма в 5 контрольных точках
Fig. 1. Opinion leaders (hubs) of the core of the network community "Women2021 – Users" in the political discourse of the fourth wave of feminism at 5 control points

Используя массив «публичные данные о пользователях» всех пяти датасетов мы смоделировали в программе Gephi ядро сетевого сообщества пользователей «Women2021 – Пользователи», публикующего сообщения с ключевым словом «women» (рис. 1) в каждой контрольной точке. Для моделирования мы использовали ранжирование пользователей по показателю «Page Rank» с учетом веса ребер (оценка важности узла в социальной сети) и фильтр «Глобальная связанная компонента». Как мы видим из данных рис. 1, ядро сетевого сообщества «Women2021 – Пользователи» не является стабильным,

оно распадается на подсообщества с разными лидерами мнений в разных контрольных точках проведения исследования.

Ядро сетевого сообщества в каждой контрольной точке складывается из хабов – лидеров мнений политического дискурса четвертой волны феминизма (табл. 1), который они формируют посредством создания цифрового контента. Именно они задают векторы развития феминизма и формируют цифровую повестку движения, при этом данная повестка может быть и отрицательной в отношении феминизма.

Таблица 1

Лидеры мнений в контрольной точке «27 августа» (см. рис. 1, 1)

Лидер мнения (аккаунт)	Ранг по показателю «Page Rank»	Владелец аккаунта	Статус
@ianbremmer	0,008545 – максимальное значение для контрольной точки	Ян Бреммер	Известный американский политолог и автор, специализирующийся на глобальных политических рисках
@alinejadmasih	0,007104	Масумех Алинеджад	Иранская журналистка, писательница и защитница прав женщин; живет в изгнании в Нью-Йорке в США. Работает в агентстве США по глобальным медиа
@jackposobiec	0,006973	Джейк Пособец	Ультраправый политический деятель, телевизионный корреспондент и ведущий
@ritapanahi	0,006507	Рита Панахи	Австралийский обозреватель, ведущая утреннего шоу круглосуточного кабельного и спутникового канала Sky News в Австралии ¹⁸

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 1

Opinion leaders at the August 27 checkpoint (Figure 1, 1)

Opinion Leader (Account)	Page Rank	Account Owner	Status
@ianbremmer	0.008545	Ian Bremmer	Famous American political scientist and author specializing in global political risks
@alinejadmasih	0.007104	Masoumeh Alinejad	Iranian journalist, writer and women's rights activist; lives in exile in New York, USA. Works at the US Agency for Global Media
@jackposobiec	0.006973	Jack Posobiec	Far-right politician, television correspondent and host
@ritapanahi	0.006507	Rita Panahi	Australian columnist and host of Sky News, the 24/7 cable and satellite morning show in Australia

Source: made by author by the author based on research results.

¹⁸ Аккаунт канала в Twitter тоже является лидером мнения в ядре сетевого сообщества «Women2021 – Пользователи», Page rank = 0,001645.

Лидеры мнений в первой контрольной точке начали создавать цифровой контент, посвященный ухудшению положения женщин в Афганистане после прихода к власти Талибов:

– Ян Бреммер распространил видеоролик с протестами женщин в первые дни после захвата Кабула, который вызвал огромную дискуссию и обсуждение того факта, что все эти видео носят постановочный характер (45-секундный ролик посмотрело 3,9 млн пользователей);

– цифровой контент в блоге Масумех Алинеджад был посвящен раскрытию лжи о правах иранских женщин, которую распространяют онлайн и в СМИ талибанские спикеры;

– Джейк Пособец продолжил критиковать деятельность наднациональных структур и разместил фото, на котором были изображены афганские женщины и дети, стоящие под прицелом оружия у стены с граффити, посвященным программе устойчивого развития ООН. Это фото спровоцировало блогеров и дискуссию об эффективности борьбы за женские права и эффективности работы ООН в данной сфере. Отметим, что данную персону можно характеризовать как антифеминиста, постоянно критикующего феминисток и феминистское движение.

– Рита Панахи, предвидя скорую потерю интереса у СМИ к теме прав женщин в Афганистане, активно призывала к организации действий офлайн – проводить акции протеста у посольств Афганистана по всему миру.

Таким образом, в контрольной точке 27 августа дискурсивное поле, сформированное ядром сетевого сообщества «Women2021 – Пользователи», было посвящено проблемам прав женщин в Афганистане. Само ядро не расщеплено на подсообщества (см. рис. 1, 1).

В отличие от первой контрольной точки второе ядро сетевого сообщества «Women2021 – Пользователи» (табл. 2) расщеплено на подсообщества, в каждом из которых имеются хабы, которые создавали неконсолидированный и очень тематически разрозненный цифровой социально-политический контент:

– несмотря на развлекательный характер создаваемого цифрового контента, в аккаунте @michimkoo регулярно поднимается женский вопрос. Так, в исследуемый период были популяризированы женщины – лидеры музыкальной индустрии, с которыми группа BTS работала и работает, чтобы показать значимость вклада женщин в их становление и популярность. Также фанаты группы запустили акцию сбора средств для помощи женщинам по всему миру. Отметим, что любая поднятая тема в данном аккаунте становится популярной в первую очередь из-за огромного числа поклонников музыкальной группы BTS во всем мире;

– @us_fda стал лидером мнения из-за огромного числа упоминаний в сотнях тысяч сообщений разных пользователей, обсуждающих твит данного управления о необходимости вакцинации беременных женщин в условиях текущей пандемии;

Лидеры мнений в контрольной точке «4 сентября» (см. рис. 1, 2)

Лидер мнения (аккаунт)	Ранг по показателю «Page Rank»	Владелец аккаунта	Статус
@michimkoo	0,01471 – максимальное значение для контрольной точки	Аккаунт принадлежит фангруппе одной из самых популярных в мире музыкальных групп – BTS	Международное сообщество фанатов популярнейшей музыкальной группы BTS
@us_fda	0,00509	Аккаунт принадлежит управлению по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов	Одно из основных управлений Министерства здравоохранения и социальных служб США
@heronche	0,005066	Аккаунт принадлежит афроамериканской девушке	Актор движения Black Lives Matter и борец за права афроамериканских женщин
@glennkirschner2	0,004688	Гленн Киршнер	Американский поверенный и бывший прокурор армии США, юридический аналитик NBC News/MSNBC
@hillelneuer	0,004648	Гиллель Нойер	Международный юрист, писатель и исполнительный директор UN Watch, правозащитной неправительственной организации и контрольной группы ООН

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 2

Opinion leaders at the September 4 checkpoint (Figure 1, 2)

Opinion Leader (Account)	Page Rank	Account Owner	Status
@michimkoo	0,01471	The account belongs to the fan group of one of the most popular music groups in the world – "BTS"	The international community of fans of the most popular music group "BTS"
@us_fda	0,00509	The account is owned by the Food and Drug Administration	One of the main departments of the US Department of Health and Human Services
@heronche	0,005066	The account belongs to an African American girl	Actor of the Black Lives Matter movement and a fighter for the rights of African American women
@glennkirschner2	0,004688	Glenn Kirschner	American attorney and former US Army Attorney, legal analyst for NBC News/MSNBC
@hillelneuer	0,004648	Hillel Neuer	International lawyer, writer and executive director of UN Watch

Source: made by author by the author based on research results.

– @heronche и Гленн Киршнер вошли в цифровой дискурс с тематикой прав женщин, но первый лидер мнения подняла вопросы о правах только афроамериканских женщин, а второй лидер мнения создавал цифровой контент, связанный с правами всех женщин и национальных меньшинств в США;

– Гиллель Нойер сформировал дискуссионное поле и контент, направленный на обращение внимания стран – членов ООН на проблему прав женщин и права людей в целом в таких странах, как Афганистан и Иран. Он активно призывал к недопущению членства Афганистана в ООН и Юнеско.

В этой контрольной точке мы наблюдаем, насколько неустойчивым может быть сетевое основание ядра сообщества «Women2021 – Пользователи» и как сильно оно зависит от цифровой социально-политической повестки.

В третьей контрольной точке 17 сентября лидерами мнений ядра сетевого сообщества «Women2021 – Пользователи» (табл. 3) начинает формироваться контент и дискурс, посвященные антиабортному законодательству в США:

– цифровой контент Джулии Зебрак, направленный на предупреждение принятия в штате Техас закона о запрете аборт, становится ключевым в политическом дискурсе;

Таблица 3

Лидеры мнений в контрольной точке «17 сентября» (см. рис. 1, 3)

Лидер мнения (аккаунт)	Ранг по показателю «Page Rank»	Владелец аккаунта	Статус
@ juliezebrak	0,009149 – максимальное значение для контрольной точки	Джулия Зебрак	Политический консультант, директор по цифровой стратегии и информационно-пропагандистской работе в Washington Monthly
@ jessekellydc	0,00761	Джесси Келли	Консервативный комментатор, ведущий радиопрограммы «Шоу Джесси Келли» и цифрового телешоу «Я прав с Джесси Келли»
@bettemidler	0,006093	Бетт Дэвис Мидлер	Известная американская актриса и певица
@downsanddirty	0,005935	Мэгги Даунс	Известная писательница и путешественница

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 3

Opinion leaders at the September 17 checkpoint (Figure 1, 3)

Opinion Leader (Account)	Page Rank	Account Owner	Status
@ juliezebrak	0,009149	Julie Zebrak	Political Consultant, Director of Digital Strategy and Advocacy at Washington Monthly
@ jessekellydc	0,00761	Jesse Kelly	Conservative commentator, host of The Jesse Kelly Show radio program and digital TV show I'm Right with Jesse Kelly
@bettemidler	0,006093	Bette Davis Midler	Famous American actress and singer
@downsanddirty	0,005935	Maggie Downes	Famous writer and traveler

Source: made by author by the author based on research results.

– создаваемый Джесси Келли цифровой контент – это неоднозначные высказывания на тему положения и прав женщин в США. Этот контент постоянно продуцирует благовольны негативных высказываний в адрес женщин, что и было выявлено в исследуемый период;

– Бетт Мидлер стала одним из лидеров движения против закона о запрете абортс с 6-й недели (так называемый «Техасский акт сердцебиения»), принятого в Техасе в сентябре 2021 г. В своем посте она предложила творческий подход к протесту против строгого закона о запрете абортс: «I suggest that all women refuse to have sex with men until they are guaranteed the right to choose by Congress / Я предлагаю, чтобы все женщины отказывались от секса с мужчинами до тех пор, пока Конгресс не гарантирует им право выбора»¹⁹. Этот твит (22 тысячи ретвитов, 5 тысяч твитов с цитатами, более 100 тысяч отметок «Нравится») запустил благоволну обсуждения прав женщин и закона о запрете абортс не только в социальных сетях, но и в классических СМИ. Так журнал People с многомиллионной аудиторией читателей опубликовал статью *Bette Midler Advises Women to 'Refuse to Have Sex' with Men in Protest of Texas Abortion Law* («Бетт Мидлер советует женщинам «отказываться от секса» с мужчинами в знак протеста против абортс в Техасе») ²⁰, которая вышла в онлайн- и в офлайн-версии. Это пример того, как социальный капитал неполитической персоны конвертируется в политический капитал в онлайн-пространстве и трансформирует классическую политическую повестку дня в традиционных СМИ (в данном случае в прессе);

– Мэгги Даунс, так же как и Бетт Мидлер, одним твитом запустила благоволну обсуждения прав женщин и закона о запрете абортс: «I wish women didn't have to share their most personal stories and relive their trauma in an effort to help others understand the necessity of reproductive choice / Я бы хотела, чтобы женщинам не приходилось делиться своими самыми личными историями и заново переживать свою травму, чтобы помочь другим понять необходимость иметь репродуктивный выбор»²¹.

Цифровой контент, сформированный в данной точке (табл. 4), можно назвать конфликтным, политизированным и сегрегированным:

– известный бизнесмен Том Хикс создавал цифровой контент, направленный на объяснение того, что низкий уровень абортс в любой стране должен достигаться не запретами, а просветительской деятельностью среди подростков и улучшением прав женщин²²;

¹⁹ Описываемый пост см.: URL: https://twitter.com/BetteMidler/status/1433626916003586053?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Cwterm%5E1433626916003586053%7Cwgr%5E%7Cwcon%5Es1_ref_url=https%3A%2F%2Fpeople.com%2Fhealth%2Fbette-midler-advises-women-refuse-sex-with-men-protest-texas-abortion-law%2F (дата обращения: 25.12.2021).

²⁰ Bette Midler Advises Women to 'Refuse to Have Sex' with Men in Protest of Texas Abortion Law. URL: <https://people.com/health/bette-midler-advises-women-refuse-sex-with-men-protest-texas-abortion-law/> (accessed: 25.12.2021).

²¹ Описываемый пост см.: URL: <https://mobile.twitter.com/downsanddirty/status/1433171878617751552> (дата обращения: 25.12.2021)

²² Описываемый пост см.: URL: <https://mobile.twitter.com/kalmantibs/status/1435179047047372802> (дата обращения: 25.12.2021).

Таблица 4

Лидеры мнений в контрольной точке «21 сентября» (см. рис. 1, 4)

Лидер мнения (аккаунт)	Ранг по показателю «Page Rank»	Владелец аккаунта	Статус
@tlhicks713	0,017819 – максимальное значение для контрольной точки	Том Хикс	Американский бизнесмен и инвестор, входит в список Форбс
@altoidsrevenge	0,01094	Аккаунт, принадлежащий пользователю с именем piss yönky	Обычный гражданин
@_benjvmins_	0,009956	THAT BITCH	Президент и соучредитель организации Hoochies Helping Humans
@tedlieu	0,007173	Тед Лье	Член Палаты представителей США (демократическая партия)
@gavinnewsom	0,006801	Гэвин Ньюсом	Американский политический деятель, губернатор Калифорнии, член Демократической партии

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 4

Opinion leaders at the September 21 checkpoint (Figure 1, 4)

Opinion Leader (Account)	Page Rank	Account Owner	Status
@tlhicks713	0,017819	Tom Hicks	American businessman and investor, included in the Forbes list
@altoidsrevenge	0,01094	Account owned by a user named "piss yönky"	Ordinary citizen
@_benjvmins_	0,009956	THAT BITCH	President and Co-Founder of Hoochies Helping Humans
@tedlieu	0,007173	Ted Lieu	Member of the US House of Representatives (Democratic Party)
@gavinnewsom	0,006801	Gavin Newsom	American politician, governor of California, member of the Democratic Party

Source: made by author by the author based on research results.

– в дискурсивное поле вошел обычный пользователь, который опубликовал твит-осуждение²³ известного рэп-исполнителя Хайкима Джамаала Картера-младшего, написавшего, что считает неинтересными и старыми женщин, которые могут вспомнить, где они были 11 сентября 2001 года: «*a 40 year old man just said he's not interested in women who remember where they were on 9/11... if that's not a red flag i don't know what is / 40-летний мужчина только*

²³ Описываемый пост см.: URL: <https://twitter.com/altoidsrevenge/status/1437822299441401857> (дата обращения: 25.12.2021).

что сказал, что его не интересуют женщины, которые помнят, где они были 11 сентября... если это не красный флаг, то я не знаю, что...»²⁴. Таким образом, пользователь с именем «r1ss u0nku» спровоцировал блогволну, источником которой не являлся лидер мнения всей социальной сети Twitter, однако контент, входящий в твит, содержал две ключевые темы, имеющие сильную эмоциональную составляющую – права женщин и теракт 11 сентября 2021 года. Именно контент стал источником блогволны, а не пользователь;

– контент лидера мнения @_benjvmins_ посвящен расширению прав и возможностей чернокожих людей и защите черных женщин²⁵. В данном случае создаваемый цифровой контент крайне жестко сегрегирует женщин по цвету кожи и вводит в политический дискурс тематику прав только черных женщин, игнорируя женщин с белым цветом кожи (лидер мнения постоянно делает на этом упор в контенте). Особенность данного контента в том, что он одновременно получает волну положительных откликов и при этом запускает волны дискуссий, связанных с отрицательным обсуждением разделения тематики прав женщин по цвету кожи («теперь женщины борются за свои права, сражаясь не только с мужчинами, но и с женщинами»²⁶);

– Тед Лью в своем аккаунте в исследуемый период активно формировал дискурсивное поле, связанное с выборами в Палату представителей США 8 ноября 2022 года. Он постоянно критиковал республиканскую партию за принятие закона о запрете аборт, подчеркивая, что республиканцы опасны и препятствуют развитию женских прав и свобод: «*The GOP law to ban abortions has no exceptions for rape or incest, and it pays people to snitch on you like in communist countries. Democrats will pass the Women's Health Protection Act to reverse this extreme law. Radical Republicans are dangerous and their actions affect you / В законе Республиканской партии о запрете абортов нет исключений для изнасилования или инцеста, и людям платят за то, что они доносят на вас, как в коммунистических странах. Демократы примут Закон о защите здоровья женщин, чтобы отменить этот крайний закон. Радикальные республиканцы опасны, и их действия влияют на вас*»²⁷. Данного политика сложно отнести к профеминистам, скорее борьба за женские права для него стала основой для привлечения внимания общественности и получения электорального преимущества на фоне популярной темы;

– Гэвин Ньюсома в сентябре 2021 года выиграл досрочные выборы у представителя партии республиканцев Ларри Элдера и неожиданно стал хэблом политического дискурса четвертой волны феминизма в социальной сети

²⁴ Twitter Хайкима Джамаала Картера-младшего и описываемый пост см.: URL: <https://twitter.com/KEEMSTAR/status/1437444447164411909> (дата обращения: 25.12.2021).

²⁵ Примечание автора статьи: это дословный перевод, поэтому используем слово «черные», так как пользователь подчеркивает и настаивает на упоминании в отношении себя «этого цвета кожи».

²⁶ Описываемый пост см.: URL: Твиттер пользователя Princess Margaret. URL: <https://twitter.com/CremaAnhydrous/status/1438241008203059205> (дата обращения: 25.12.2021).

²⁷ Описываемый пост см.: URL: <https://twitter.com/tedlieu/status/1433494984448086037> (дата обращения: 25.12.2021).

Твиттер. Это пример того, как лидером мнения становится не сама политическая персона, а цифровой контент в ее отношении: пользователи в исследуемый период обсуждали, что, «выбирая между республиканцем Элдером и демократом Ньюсомом, они выбрали высокие налоги с Ньюсомом, чем мини-Трампа, эксплуатирующего Covid-19 и контролирующего женские детородные органы» (твит Анны Наварро, 1,7 млн подписчиков: «*Californians decided they rather live w/high taxes and a guy who eats a The French Laundry, than under mini-Trump's, exploiting COVID and controlling women's uteruses*»²⁸). Активное обсуждение данных выборов и вывело Гэвина Ньюсома в лидеры мнений, при том что о проблематике прав женщин сам он высказывался минимально.

В пятой контрольной точке (табл. 5) созданный лидерами мнений цифровой контент был полностью посвящен полемике и проблеме закона о запрете абортов:

Таблица 5

Лидеры мнений в контрольной точке «10 октября» (см. рис. 1, 5)

Лидер мнения (аккаунт)	Ранг по показателю «Page Rank»	Владелец аккаунта	Статус
@occupydemocrats	0,017407 – максимальное значение для контрольной точки	Политическая организация Occupy Democrats	Один из самых влиятельных медиа ресурсов
@tedcruz	0,006238	Тед Круз	Американский политик, сенатор США от штата Техас
@evieaspinall_	0,00621	Эви Аспиналл	Глава представительства Великобритании в молодежной группе G7, старший научный сотрудник The British Foreign Policy Group и бывший президент Кембриджского студенческого союза

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Table 5

Opinion leaders at the October 10 checkpoint (Figure 1, 5)

Opinion Leader (Account)	Page Rank	Account Owner	Status
@occupydemocrats	0,017407	Political organization "Occupy Democrats"	One of the most influential media resources
@tedcruz	0,006238	Ted Cruz	American politician, US Senator from Texas
@evieaspinall_	0,00621	Evie Aspinall	UK Head of the G7, Senior Fellow at The British Foreign Policy Group and former President of the Cambridge Students' Union

Source: made by author by the author based on research results.

²⁸ Описываемый пост см.: URL: Twitter Анны Наварро. URL: <https://twitter.com/anavarro/status/1437986907267473408?lang=ar-x-fm> (дата обращения: 25.12.2021).

– медиатеатральность «Occupy Democrats», объединившей представителей демократической партии в США в борьбе с Трампом²⁹, в 2016–2019 гг. сделала организацию одним из самых влиятельных медиаресурсов (количество подписчиков в социальной сети Facebook – 10 млн). После победы на выборах в 2020 г. Дж. Байдена популярность движения стала падать, и его представители активно включились в популярное политическое дискурсивное поле – права женщин и права афроамериканцев. Цифровой контент в исследуемый период был полностью посвящен противодействию закону о запрете абортов в Техасе³⁰;

– аккаунт и цифровой контент Теда Круза – пример антилидера в дискурсивном поле четвертой волны феминизма: многочисленные неодобрительные высказывания в его адрес с цитированием публикаций в его аккаунте привели к тому, что сексистский контент, контент, связанный со сторонниками абортов, и контент, связанный с расизмом, – стал маркироваться хештегом #tedcruz³¹;

– формируемый Эви Аспиналл цифровой политический контент был посвящен правам женщин и борьбе с насилием в отношении женщин. В одной из своих публикаций она написала о том, что 6 из 7 мужчин пишут ей оскорбительные сообщения как ответ на призыв борьбы с насилием над женщинами: «*And to the 6/7 men who have used this tweet as an opportunity to send abusive messages into my dms, all you've done is prove my point. Women are right to be scared and people like you are the reason why /*»³², – именно этот твит вывел ее в лидеры мнения и сделал хабом политического дискурса.

Проанализировав лидеров мнений и цифровой контент, созданный ими в 5 контрольных точках, можно сделать следующие микровыводы. Дискурсивное поле четвертой волны феминизма в онлайн-пространстве формировалось спонтанными акторами. Эти акторы могли быть как политическими (органы власти, политики, кандидаты, общественные организации и т.д.), так и неполитическими персонами (например, обычными гражданами или известными людьми). Среди хабов не было аккаунтов структур ООН, работающих в сфере гендерного равенства и в сфере прав женщин, а это значит, что они не являются лидерами мнений и не создают политическую повестку в отношении вопросов, актуальных для онлайн- и офлайн-пространств. Четвертая волна феминизма, как мы видим из исследования, формируется снизу. Формат онлайн-коммуникации позволяет обычным гражданам создавать цифровой контент, который формирует цифровую политическую повестку (посредством блог-волн) и влияет на классическую политическую повестку дня в офлайн.

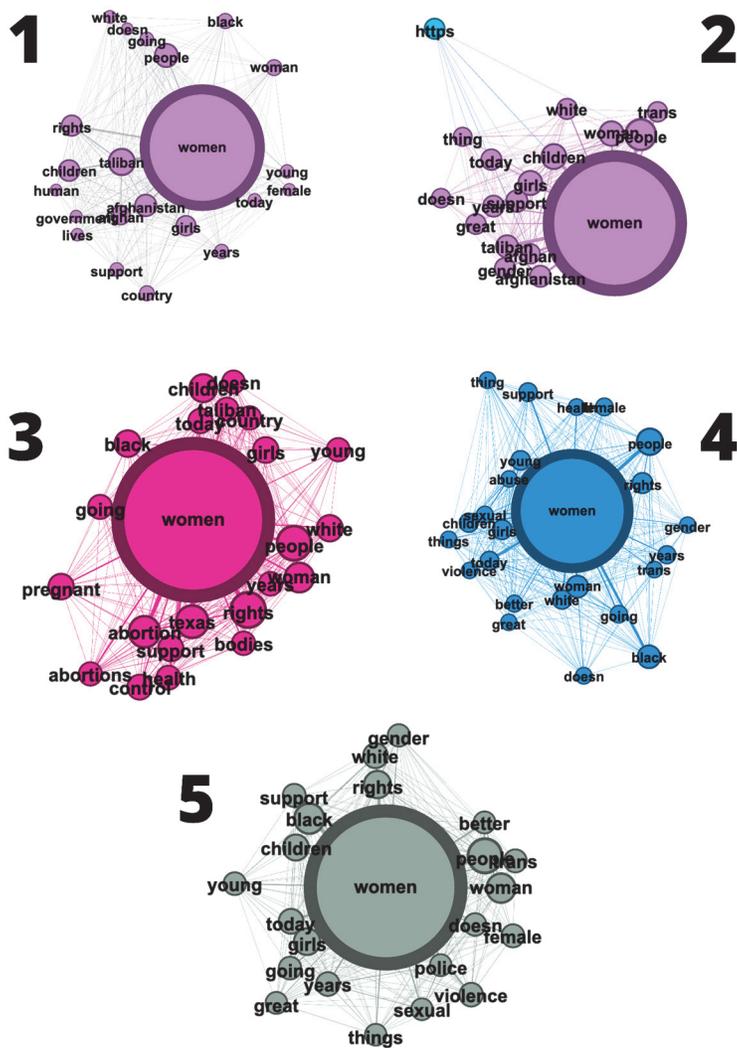
²⁹ About Us. Occupy Democrats. URL: <https://occupydemocrats.com/about-us/> (accessed: 25.12.2021).

³⁰ Twitter Occupy Democrats. URL: <https://twitter.com/SMichaels3/status/1446115732991864845> (accessed: 25.12.2021).

³¹ Twitter The Daily Edge. URL: <https://twitter.com/TheDailyEdge/status/1443338015301160962> (accessed: 25.12.2021).

³² Описываемый пост см.: URL: https://twitter.com/EvieAspinall_/status/144333372382744582 (дата обращения: 25.12.2021).

Но среди лидеров мнения нет ключевых фигур, которые бы формировали цифровой политической дискурс и цифровую политическую повестку постоянно (в отличие от трех предыдущих волн феминизма, где мы можем назвать лидеров движения).

Рис. 2. Доминирующие тематики в пяти контрольных точках дискурсивного поля четвертой волны феминизма

Источник: составлено автором по результатам исследования

Fig. 2. Dominant themes in the five checkpoints of the discursive field of the fourth wave of feminism
Source: made by author by the author based on research results

Перейдем к рассмотрению анализа контента, который публиковали пользователи (в том числе, лидеры мнения) в пяти контрольных точках. Используя программу Gephi с целью выявления доминирующих тематик в пяти контрольных точках дискурсивного поля «women», характеризующего цифровой

политический дискурс четвертой волны феминизма в мире, мы визуализировали массив данных «часто употребляемые слова и словосочетания» как социальный граф «Дискурсивное ядро – Women». На рис. 2 представлены доминирующие тематики в пяти контрольных точках, для их выделения мы подвергли полученные социальные графы процедуре укладки «Force Atlas 2» и произвели фильтрацию по количеству связей (сколько раз одно частотное слово встречается с другими словами).

На рис. 2, 1 мы видим основные дискурсивные тематики первой контрольной точки «27 августа»: «талибан», «Афганистан», «права детей и девочек в Афганистане», «права женщин в Афганистане», «черные женщины». При этом тема, связанная с Афганистаном, и тема черных женщин не образуют одно сплошное дискурсивное поле, а существуют в двух отдельных субполях (они находятся практически в диаметрально противоположных сторонах относительно ключевого слова «women»).

Во второй контрольной точке «4 сентября» (см. рис. 2, 2) мы видим сближение субполя «Афганистан» и субполя «права женщин», которое происходит за счет многочисленных публикаций в сети Интернет, создавших контент, связанный с Афганистаном. Данный контент создавался активистами движения четвертой волны феминизма, представляющих собой людей разных национальностей, возраста, пола, социального положения и статуса в обществе (эти выводы подкрепляются анализом лидеров мнения). Сближение дискурсивных субполей с точки зрения сетевого анализа означало возможность тематики «Афганистан» стать частью цифровой повестки всего онлайн-пространства и тем самым увеличило бы вероятность возникновения социально-политических действий как со стороны общественности, так и со стороны новой власти Афганистана в пользу афганских женщин. Однако в третьей контрольной точке «17 сентября» (см. рис. 2, 3) мы видим, что субполе «права женщин» расширяется за счет появления новой темы – «закон о запрете абортов в Техасе». В результате субполе «права женщин» и субполе «Афганистан» становятся диаметрально противоположными по отношению к ключевому слову «women» – это означает, что пользователи обсуждают либо Афганистан, либо права женщин и нет общей повестки, включающей обе эти темы. Как результат – в четвертой контрольной точке «21 сентября» (см. рис. 2, 4) нет доминирующей тематики, связанной с Афганистаном, она размыта дискурсивным полем «закон о запрете абортов в Техасе». Мы видим плотное обсуждение прав женщин, здоровья, насилия над женщинами, т.е. фокус внимания общественности полностью сосредоточен на проблемах женщин США и Европы. В пятой контрольной точке – «10 октября» (см. рис. 2, 5) мы видим полное исчезновение темы «Афганистан» в дискурсивном поле «women».

Выводы и дискуссия

Появление социальных медиа в онлайн-пространстве и сосредоточение активности индивида именно в сфере Интернет, которая может переходить из сетевого пространства в конкретные результаты публичной политики

гендерного равенства в офлайн-реальность, позволяют нам концептуализировать именно четвертую волну феминизма. Волну, которая отличается от предыдущих волн своим временным периодом; особыми технологиями и инструментами, используемыми акторами публичной политики; конкретными социально-политическими действиями; результатами этой деятельности, представленными изменениями в политической повестке публичной политики. Четвертая волна формируется не только в личностном измерении или отдельном страновом контексте, но и в масштабе всего мира.

В результате проведенного эмпирического исследования мы делаем вывод, что четвертая волна феминизма имеет большой потенциал и мощный сетевой фундамент политической мобилизации в международном масштабе. Онлайн-пространство и социальные медиа, с одной стороны, становятся ни с чем несравнимой площадкой мобилизации и консолидации женщин и сторонников феминизма и гендерного равенства, а с другой – цифровая повестка представляется нам мозаичной конструкцией, в которой актуальные темы можно менять посредством запуска блогволн и переключения внимания пользователей и подписчиков. В исследовании мы показали, как в политический дискурс активно включилась тематика афганских женщин в конце августа и как дискурс закона о запрете абортов в одном штате США фактически ее выключил и стал развиваться в другом направлении спустя месяц.

Лидерами мнений в дискурсивном поле «women» («женщины») являются люди с высоким социальным статусом и разным полом. Однако многие из них используют эту тему как способ политического продвижения, а не как саму борьбу за права женщин. Также мы делаем вывод, что зачастую тема прав женщин является оружием в борьбе с политическими оппонентами. Феминизм, как политическая стратегия, приводит к тому, что многие вопросы, связанные с правами женщин в таких странах, как Афганистан, Иран, просто остаются на периферии цифровой повести или существуют в ней малое количество времени (хотя в самих странах эти вопросы не решаются десятилетиями). Это не позволяет провести конвертацию социально-политического капитала и сдвинуть с мертвой точки вопросы, связанные с правами женщин в этих странах. Еще одной проблемой четвертой волны феминизма является сознательное разделение движения на движение за права «белых» женщин и движения за права «черных» женщин. И это разделение инициировано в первую очередь активистками движения BLM. К чему это приведет? Наш прогноз таков: либо эти движения соединятся и мы будем исследовать пик четвертой волны феминизма и анализировать результаты, успехи и неудачи, либо современное феминистское движение будет представлять собой лоскутное одеяло: сотни движений за права женщин разного цвета кожи, статуса, возраста и т.д. И вполне возможно, что именно такой будет пятая волна феминизма.

Поступила в редакцию / Received: 16.09.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 18.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 22.11.2021

Библиографический список

- Бовуар де С.* Второй пол. Москва: Алетейя, 2015. 832 с.
- Брайсон В.* Политическая теория феминизма. Москва: Идея-Пресс, 2001. 304 с.
- История женщин на Западе. Т. V: Становление культурной идентичности в XX столетии.* Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. 624 с.
- Гнедаш А.А.* Концептуализация феномена четвертой волны феминизма в условиях новой политической реальности // Россия в условиях новой политической реальности: стратегии и методы развития: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва, РАНХиГС при Президенте РФ, 25–26 ноября 2016 г. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. Москва: Проспект, 2016. С. 75–76.
- Капелли А.-М.* Образы феминизма // История женщин на Западе. Т. IV: Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. 536 с.
- Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П.* Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 3. С. 139–162.
- Bonfiglioli C.* Women’s Activism, the Cold War, and the UN Decade for Women (1975–1985) // *Aspasia*. 2020. Vol. 14, no. 1. P. 144–147. <https://doi.org/10.3167/asp.2020.140110>
- Burgess S.K.* Between the Desire for Law and the Law of Desire: #MeToo and the Cost of Telling the Truth Today // *Philosophy & Rhetoric*. 2018. Vol. 51, no. 4. P. 342–367. <https://doi.org/10.5325/philrhet.51.4.0342>
- Crawford E.* The Women’s Suffrage Movement: A Reference Guide 1866–1928. London, 2002.
- Diamond D.* The fourth wave of feminism: psychoanalytic perspectives // *Studies in Gender and Sexuality*. 2009. Vol. 10, no. 4. P. 213–223. <https://doi.org/10.1080/15240650903228187>
- Felmlee D.H., Blanford J.I., Matthews S.A., MacEachren A.M.* The geography of sentiment towards the Women’s March of 2017 // *PLOS ONE*. 2020. Vol. 15, no. 6. e0233994. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0233994>
- French Feminist Thought: A Reader.* New York, 1987.
- Hall S.* American Patriotism, American Protest: Social Movements Since the Sixties. Philadelphia, 2010.
- Just S.N., Muhr S.L.* “Together We Rise”: Collaboration and Contestation as Narrative Drivers of the Women’s March // *Leadership*. 2019. Vol. 15, no. 2. P. 245–267. <https://doi.org/10.1177/1742715018809497>
- LeGates M.* In Their Time: A History of Feminism in Western Society. NY., 2001.
- Loofit R.* #girlgaze: photography, fourth wave feminism, and social media advocacy // *Continuum*. 2017. Vol. 31, no. 6. P. 892–902. <https://doi.org/10.1080/10304312.2017.1370539>
- Maclaran P.* Feminism’s fourth wave: a research agenda for marketing and consumer research // *Journal of Marketing Management*. 2015. Vol. 31. P. 1732–1738. <https://doi.org/10.1080/0267257X.2015.1076497>
- Mendes K., Ringrose J., Keller J.* #MeToo and the promise and pitfalls of challenging rape culture through digital feminist activism // *European Journal of Women’s Studies*. 2018. Vol. 25, no. 2. P. 236–246. <https://doi.org/10.1177/1350506818765318>
- Moni S.* Intersectionality in the Contemporary Women’s Marches: Possibilities for Social Change // *Journal of Feminist Scholarship*. 2020. Vol. 16. P. 1–6. <https://doi.org/10.23860/jfs.2019.16.01>
- Orloff A.S.* Gendering the Comparative Analysis of Welfare States: An Unfinished Agenda // *Sociological Theory*. 2009. Vol. 27, no. 3. P. 317–343. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2009.01350.x>
- Phillips R., Cree V.E.* What does the ‘Fourth Wave’ Mean for Teaching Feminism in Twenty-First Century Social Work? // *Social Work Education*. 2014. Vol. 33, no. 7. P. 930–943. <https://doi.org/10.1080/02615479.2014.885007>

- Prochaska F.K. *Women and Philanthropy in 19th Century England*. London, 1980.
- Smith-Rosenberg C. *Religion and the Rise of American City*. Ithaca, 1971.
- Vickery A.E. After the march, what? Rethinking how we teach the feminist movement // *Social Studies Research and Practice*. 2018. Vol. 13, no. 3. P. 402–411. <https://doi.org/10.1108/SSRP-05-2018-0020>
- Wahyudiputra A., Amrullah A.T., Adrian D. The Weinstein Effects: forecasting the genesis of cancel culture in Hollywood industry // *Journal of Language Literary and Cultural Studies*. 2021. Vol. 4, no. 1. P. 39–47. <https://doi.org/10.30996/anaphora.v4i1.4710>
- Women in German History: From Bourgeois Emancipation to Sexual Liberation*. Oxford, 1989.
- Zarkov D., Davis K. Ambiguities and dilemmas around #MeToo: #ForHow Long and #WhereTo? // *European Journal of Women's Studies*. 2018. Vol. 25, no. 1. P. 3–9. <https://doi.org/10.1177/1350506817749436>

References

- De Beauvoir, S. (1949). *Le Deuxième Sexe*. Paris: Gallimard [Beauvoir, de S. (2015). *Second sex*. Moscow. (In Russian)].
- Bonfiglioli, C. (2020). Women's activism, the Cold War, and the UN Decade for Women (1975–1985). *Aspasia*, 14(1), 144–147. <https://doi.org/10.3167/asp.2020.140110>
- Bryson, V. (1992). *Feminist political theory: An introduction*. UK: MacMillan [Bryson, V. (2001). *The political theory of feminism*. Moscow. (In Russian)].
- Burgess, S.K. (2018). Between the desire for law and the law of desire: #MeToo and the cost of telling the truth today. *Philosophy & Rhetoric*, 51(4), 342–367. <https://doi.org/10.5325/philrhet.51.4.0342>
- Käppeli, A.-M. (2015). Feminist Scenes. In G. Fraisse & M. Perrot (Eds.), *A history of women in the West, Vol. 4. Emerging feminism from revolution to World War*. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press [Käppeli, A.-M. (2015). Images of feminism. In *History of women in the West. Volume IV: The Rise of Feminism: From the French Revolution to the World War*. St. Petersburg. (In Russian)].
- Crawford, E. (2002). *The Women's Suffrage Movement: A Reference Guide 1866–1928*. London.
- Diamond, D. (2009). The fourth wave of feminism: psychoanalytic perspectives. *Studies in Gender and Sexuality*, 10(4), 213–223. <https://doi.org/10.1080/15240650903228187>
- Felmlee, D.H., Blanford, J.I., Matthews, S.A., & MacEachren, A.M. (2020). The geography of sentiment towards the Women's March of 2017. *PLOS ONE*, 15(6), e0233994. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0233994>
- French Feminist Thought: A Reader*. (1987). New York.
- Gnedash, A.A. (2016). Conceptualization of the phenomenon of the fourth wave of feminism in the new political reality. In O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunova & L.N. Timofeeva (Eds.), *Russia in the New Political Reality: Strategies and Methods of Development* (pp. 75–76). Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of the RAPS. Moscow: RANEPa. (In Russian).
- Hall, S. (2010). *American Patriotism, American Protest: Social Movements Since the Sixties*. Philadelphia.
- Thébaud, F., Duby, G., & Perrot, M. (Eds.) (2000). *Toward a cultural identity in the twentieth century (Volume V) (History of women in the West)*. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press [*History of Women in the West. Volume V: The Formation of Cultural Identity in the 20th Century* (2015). St. Petersburg. (In Russian)].
- Just, S.N., & Muhr, S.L. (2019). “Together We Rise”: Collaboration and contestation as narrative drivers of the Women's March. *Leadership*, 15(2), 245–267. <https://doi.org/10.1177/1742715018809497>
- LeGates, M. (2001). *In Their Time: A History of Feminism in Western Society*. NY.
- Looft, R. (2017). #girlgaze: photography, fourth wave feminism, and social media advocacy. *Continuum*, 31(6), 892–902. <https://doi.org/10.1080/10304312.2017.1370539>

- Maclaran, P. (2015). Feminism's fourth wave: a research agenda for marketing and consumer research. *Journal of Marketing Management*, 31, 1732–1738. <https://doi.org/10.1080/0267257X.2015.1076497>
- Mendes, K., Ringrose, J., & Keller, J. (2018). #MeToo and the promise and pitfalls of challenging rape culture through digital feminist activism. *European Journal of Women's Studies*, 25(2), 236–246. <https://doi.org/10.1177/1350506818765318>
- Moni, S. (2020). Intersectionality in the contemporary women's marches: Possibilities for social change. *Journal of Feminist Scholarship*, 16, 1–16. <https://doi.org/10.23860/jfs.2019.16.01>
- Orloff, A.S. (2009). Gendering the comparative analysis of welfare states: An unfinished agenda. *Sociological Theory*, 27(3), 317–343. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2009.01350.x>
- Phillips, R., & Cree, V.E. (2014). What does the 'fourth wave' mean for teaching feminism in twenty-first century social work? *Social Work Education*, 33(7), 930–943. <https://doi.org/10.1080/02615479.2014.885007>
- Prochaska, F.K. (1980). *Women and Philanthropy in 19th Century England*. London.
- Ryabchenko, N.A., Katermina, V.V., Gnedash, A.A., & Malysheva, O.P. (2018). Political content of social movements in the online space of modern states: methodology of the analysis and research practices. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 19(3), 139–162. (In Russian).
- Smith-Rosenberg, C. (1971). *Religion and the Rise of American City*. Ithaca.
- Vickery, A.E. (2018). After the march, what? Rethinking how we teach the feminist movement. *Social Studies Research and Practice*, 13(3), 402–411. <https://doi.org/10.1108/SSRP-05-2018-0020>
- Wahyudiputra, A., Amrullah, A.T., & Adrian, D. (2021). The Weinstein Effects: forecasting the genesis of cancel culture in Hollywood industry. *Journal of Language Literary and Cultural Studies*, 4(1), 39–47. <https://doi.org/10.30996/anaphora.v4i1.4710>
- Women in German History: From Bourgeois Emancipation to Sexual Liberation*. (1989). Oxford.
- Zarkov, D., & Davis, K. (2018). Ambiguities and dilemmas around #MeToo: #ForHow Long and #WhereTo? *European Journal of Women's Studies*, 25(1), 3–9. <https://doi.org/10.1177/1350506817749436>

Сведения об авторе:

Гнедаш Анна Александровна – кандидат политических наук, доцент Кубанского государственного университета (e-mail: anna_gnedash@inbox.ru) (ORCID: 0000-0002-3516-107X)

About the author:

Anna A. Gnedash – PhD of Political Science, Associate Professor, Kuban State University (e-mail: anna_gnedash@inbox.ru) (ORCID: 0000-0002-3516-107X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-90-106

Научная статья / Research article

Женщины и анархизм: анархо-феминистическое движение в странах Европы и Соединенных Штатах Америки

Г.С. Брехов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ 1042200137@rudn.university

Аннотация. Как идеология анархизм имеет множество ответвленных течений, образуемых в результате симбиоза с различными общественно-политическими философиями, в том числе и с феминизмом. В современном мире из-за роста поддержки феминизма в западных странах изучение анархо-феминизма как одного из самых активных анархических течений представляется ценным для понимания общественно-политической ситуации в странах Европы и США. В статье исследуется вопрос положения женщины в идеологии анархизма в контексте развития анархо-феминистического движения с XIX века и до наших дней. На основе работ классиков анархо-феминизма (Э. Гольдман, В. Дэ Клер) и современных исследований (Д. Коваль, М. Рахманинова) был проведен сравнительно-ретроспективный анализ взаимосвязи анархизма и феминизма в одном общественно-политическом течении. В ходе исследования выясняется, что, несмотря на идейную схожесть анархизма и феминизма в вопросах равенства и отношения к власти, в классическом анархизме женщине была отведена довольно незначительная, и даже депривировавшая роль. Слияние феминизма и анархизма, возникшее как ответ на несправедливое положение женщин в обществе привело к изменению статуса женщины в понимании анархистов, а также дало толчок развитию современного анархо-феминизма (La Rivolta!, Eskalera Karakola, Wemooon's Army, Radical cheerleading) с включением в движение все большего количества мужчин.

Ключевые слова: анархизм, феминизм, анархо-феминизм, квир-анархизм, экофеминизм, ЛГБТ

Для цитирования: Брехов Г.С. Женщины и анархизм: анархо-феминистическое движение в странах Европы и Соединенных Штатах Америки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 90–106. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-90-106>

Women and Anarchism: The Anarcha-Feminism Movement in Europe and the United States

Gleb S. Brekhov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

✉ 1042200137@rudn.university

Abstract. As an ideology, anarchism has many currents formed through its symbiosis with various socio-political philosophies, including feminism. In the modern world, due to the growing support

© Брехов Г.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

for feminism in Western countries, the study of anarcho-feminism as one of the most active anarchist movements seems to be useful for understanding the socio-political situation in Europe and the United States. The article examines the position of women in the anarchism ideology upon the development of the anarcho-feminist movement from the 19th century to the present day. Based on the works of the classics of anarcho-feminism (E. Goldman, W. De Claire) and modern research (D. Koval, M. Rachmaninova), the author conducted a comparative retrospective analysis of the relationship between anarchism and feminism within a single socio-political trend. The study revealed that despite the ideological similarity of anarchism and feminism in matters of equality and attitude to power, in classical anarchism women were assigned a rather insignificant, and even deprived, role. The fusion of feminism and anarchism, which came as a response to the unfair position of women in society, led to a change in the status of women in the understanding of anarchists, and also gave impetus to the development of modern anarcho-feminism (La Rivolta!, Eskalera Karakola, Wemooon's Army, Radical cheerleading) including more and more men in the movement.

Keywords: anarchism, feminism, anarcho-feminism, queer-anarchism, ecofeminism, LGBT

For citation: Brekhov, G.S. (2022). Women and anarchism: The anarcho-feminism movement in Europe and the United States. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 90–106. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-90-106>

Введение

На сегодняшний день в мировой политической практике, помимо традиционных политических институтов и партий, влияние на жизнь того или иного государства оказывают и общественные течения, и ранее маргинальные направления общественно-политической мысли. Особенно это характерно для стран «Запада», где политика толерантности и плюрализма мнений проявляет себя в наибольшей степени. В этот список сил можно отнести как феминистическое движение, которое с каждым годом получает все большую поддержку, так и анархизм, а именно – некоторые новейшие его трактовки и определения [Брехов 2021], в том числе и анархо-феминизм.

При исследовании анархической части движения автор опирался на классические работы М. Неттлау [Nettlau 1951], М. Бакунина [Bakunin on Anarchism 1980], Б. Таккера [Tucker 1891] и П. Прудона [Proudhon 1927], а также на современные наработки об идеологии Льюиса Колла [Call 2002], Ноама Хомского [Chomsky 2016] и Саймона Спрингера [Springer 2013].

В современной научной литературе феминизм представляется как течение, быстро набирающее популярность, – согласно исследованиям Кэтрин И. Бользендаль и Дэниела Дж. Майерса, начиная с 70-х годов XX века все больше и больше людей поддерживают идеи гендерного равенства и феминизма [Bolzendahl, Myers 2004]. К подобного рода выводам пришло и американское исследовательское агентство Pew Research Center¹. Сам феминизм, как общественно-политическое явление, широко представлен в научных исследованиях (работы Салли Митчелл [Mitchell 2015], Сильвии Уолби [Walby 2011],

¹ Most Americans support gender equality, even if they don't identify as feminists. (2020). Pew Research Center: 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/07/14/most-americans-support-gender-equality-even-if-they-dont-identify-as-feminists/> (accessed: 26.10.2021).

Эвелин Фокс Келлер [Keller, Longino 1996] и Элизабет Прюгль [Prügl 2015]), но его взаимосвязь с анархизмом, как и наиболее современные проявления анархо-феминизма, изучается достаточно редко. В работах, посвященных анархо-феминизму, чаще всего исследуется именно «классический» период его развития в XIX–XX вв. (как, например, в статьях Донны М. Коваль [Kowal 2019]), а другие авторы (Дерик Шеннон [Shannon 2009], Марта Иньигес де Эредиа [De Heredia 2007]) изучают второе десятилетие XXI в., в рамках которого появились некоторые новые анархо-феминистические организации.

С помощью социологических и исторических методов был проведен сравнительно-ретроспективный анализ взаимосвязи анархизма и феминизма в одном общественно-политическом течении. Также в работе предпринята попытка осветить развитие самых современных проявлений анархо-феминизма (в рамках деятельности Women's International Terrorist Conspiracy from Hell, La Rivolta!, Radical cheerleading и других движений) и их влияние (как и течения в целом) на общественно-политическую ситуацию в западных странах.

Исследование такого значимого для политики западных стран явления (согласно опросам Pew Research Center, 61% американских женщин считают себя феминистками), равно как и его отдельных проявлений, может быть полезно для лучшего понимания общественно-политической ситуации в описываемых странах, а также прогнозирования исходов тех или иных политических событий. В статье ставится вопрос о том, насколько сильно течение анархо-феминизма повлияло как на развитие анархизма, так и развитие феминизма, и защищается следующая гипотеза – именно активистки-феминистки, деятельность которых базировалась на идеях анархизма (Эмма Гольдман, Вольгарина де Клер, Луиза Мишель, Люсия Санчес Саорниль, Люси Парсонс), способствовали изменению отношения к положению женщины в анархической идеологии и развитию анархо-феминистического направления «левой» мысли (наряду с другими анархистами), а также популяризировали феминизм как движение за права женщин. Несмотря на то что не всеми исследователями некоторые представленные активистки (Гольдман, Парсонс) признаются феминистками, по мнению ряда ученых (Донны М. Коваль [Kowal 2019], К. Эшбо [Ashbaugh 1976], П. Маршалл [Marshall 1992]), их идеи и борьбу – за эмансипацию женщин, свободную любовь и свободу принятия решений о собственном теле – можно назвать феминистическими.

Классический и современный анархизм: истоки появления анархо-феминизма

Впервые анархические идеи появились в мировой общественно-политической практике еще до нашей эры [Неттлау 1951:397], а само определение «анархизм» было введено в научный оборот в XIX веке Пьером-Жозефом Прудоном [Proudhon 1927:45], и с этого момента начинается стремительное развитие идеологии: за время своего существования анархизм прошел через несколько периодов формирования, на каждом из которых в рамках идеологии

появлялись все новые течения и трактовки, отвечающие вызовам своего времени. И если классический период в научной сфере изучен довольно подробно, то наиболее современный анархизм исследован в куда меньшей степени, хотя и представлен работами П. Гербаудо [Gerbaudo 2017] и А. Быкова [Быков 2008].

Анархо-феминизм возник для борьбы с несправедливым социальным положением женщины в западном обществе в XIX в., развивая популярные в то время феминистические идеи в более радикальном ключе. Течение переживало свое наибольшее развитие вплоть до Второй Мировой войны, и после временного упадка вновь обрело популярность уже в XXI в., сливаясь с другими проявлениями анархизма. Анархо-феминизм, который из-за этого может быть отнесен к наиболее новым проявлениям анархизма, нашел отражение в научных исследованиях как современных авторов (Г. Гульельмо [Guglielmo 2010]), так и тех, кто занимался его изучением во времена наибольшего расцвета движения (например, Л. Туттл [Tuttle 1986]).

Само определение «анархо-феминизм» появилось куда позже событий, которые положили начало существованию течения. В XIX в. активистки не причисляли себя ни к «феминисткам», ни к «анархистам», но их политические пристрастия смешивали в себе как анархические, так и феминистические идеи: они выступали против принудительной иерархии в обществе, к которой приводили традиционные гендерные роли и патриархат, предлагая заменить ее децентрализованными свободными ассоциациями. Согласно определению Оксфордской энциклопедии феминизма, анархо-феминизм – это группы анархисток феминистской направленности, которые выступают против всех правительств, любых иерархий и лидеров [Tuttle 1986]. Там же уточняется, что для создания альтернативы существующей системе, в которой женщина сможет сама контролировать свою жизнь, необходимо использовать методы прямого действия, основанные на революционном потенциале женщин. Важно отметить, что в отличие от некоторых других анархических движений, в термине «анархо-феминизм» оба течения выступают в роли равнозначных «партнеров», без превалирования одной идеологии над другой, хотя ранний анархо-феминизм можно считать разновидностью анархизма [Черненко 2019].

Основная идея анархо-феминизма состоит в том, что патриархат и традиционные гендерные роли являются проявлением принудительной иерархии, а поэтому должны быть заменены децентрализованными свободными ассоциациями. При этом борьба против патриархата – неотъемлемая часть борьбы анархизма против государства, и в некоторых случаях капитализма. Как отмечает канадская писательница анархо-коммунистического толка Л. Сьюзен Браун, известная по книге «Политика индивидуализма», анархистская борьба – это необходимый компонент феминистской борьбы, и наоборот: «анархизм – это политическая философия, которая противостоит всем властным отношениям; он феминистский по своей сути» [Brown 1993].

Положение женщины в идеологии анархизма

Несмотря на то, что анархизм и феминизм в итоге образовали симбиоз, взгляд на роль женщины в общественно-политическом пространстве у многих теоретиков анархизма сильно различается. В XIX в. женщины были исключены из государственных дел через правовые, политические, экономические, семейные и религиозные институты [Evans 1989:68]. Сфера влияния женщин ограничивалась традиционной семьей, что обязывало их выполнять роли матери и жены – эту идею поддерживал и Прудон, возлагая на женщину ответственность за поддержание семьи [Broude, Garrard 1992:303]. В то время белые женщины из среднего класса могли работать только на дому, а бедные женщины и иммигранты вынуждены были трудиться на фабриках и фермах, где не могли рассчитывать на равные условия с мужчинами и использовались как дешевая рабочая сила. Подобное положение вещей поддерживал Петр Кропоткин, ставя «интересы мужчин из рабочего класса выше, чем женщин» [Kowal 2019] (хотя и писал о том, что женщины должны совершить собственную революцию), а также американский идеолог индивидуального анархизма Бенджамин Такер, заявлявший о превосходстве мужчин над женщинами в контексте оплаты труда из-за отсутствия у последних амбиций и чувства ответственности [Tucker 1891].

Хотя в анархистском нарративе о депривации женщин встречались и исключения (например, Михаил Бакунин, полагал, что «закон подчинил женщин абсолютному господству мужчины»), поэтому женщины в анархическом обществе должны стать независимыми во всех отношениях [Bakunin 1980:346]), анархисты-мужчины или были безразличны к проблемам женщин, или оспаривали аргументы в пользу их равноправия. Проблемы возникали и в среде сексуальных отношений – представители классического анархизма того времени не оставляли за женщиной собственного выбора, теоретическая часть идеологии этого не предполагала. За связи вне брака женщины подвергались общественному порицанию, а единственной отведенной им ролью было рождение и воспитание детей. Одновременно с этим в идеях, например, анархо-индивидуализма мужчинам было позволено выбирать и менять партнеров в любых количествах. И хотя вопрос сексуальной свободы не является политическим, без его освещения нельзя в полной мере понять мотивы активисток того времени, равно как и исследовать движение анархо-феминизма в целом.

В этой связи интересен тот факт, что нападки анархо-феминисток на традиционные институты брака и семьи в контексте раскрепощенной женской сексуальности, по мнению М. Марш, отдалили их не только от большинства феминисток, которые не разделяли подобную свободу, но и от многих их товарищей-мужчин, приведя к еще большему расколу внутри и так неоднородной анархической идеи [Marsh 1981:72], хотя некоторые классические анархисты (например, Годвин), поддерживали идеи отказа от института брака.

«Золотой век» анархо-феминизма и изменение роли женщины в идеологии анархизма

Социально-политические условия, сложившиеся в Европе в XIX и XX веках, ознаменовали собой «золотой век» анархо-феминизма. Именно с 60-х годов XIX в. до 40-х гг. XX в. представители анархо-феминизма были наиболее активны, как и множество других радикалов разной политической направленности. В это время появляются первые и самые известные идеологи анархо-феминизма: Эмма Гольдман, Вольтарина де Клер, Луиза Мишель, Люсия Санчес Саорниль, Люси Парсонс и некоторые другие – примечательно, что течение анархо-феминизма представлялось в трудах и деятельности определенных активисток по-разному. Хотя всех перечисленных женщин-анархисток того времени объединяла общая борьба против капитализма и за расширение своих прав и свобод, каждая из них вышла из разных кругов и принадлежала к своей этнической группе, что отразилось как на внутреннем представлении об анархической идеологии, так и на выборах методов борьбы. Например, как отмечает американский историк Гленна Мэттьюс, из-за того что женщины из рабочего класса были меньше связаны нормами «приличного поведения», они чаще прибегали к тактике «прямого действия» и вступали в конфронтацию с представителями власти [Matthews 1992:197]. А наибольшие дискуссии в плане понимания самого анархизма вызвал вопрос сексуальной свободы: многие известные анархистки вступали в сексуальные отношения вне брака и требовали отмены патриархата в целом, в то время как другая часть выступала хоть и за более свободные отношения, но в рамках традиционной семьи и сексуальной ориентации.

Эволюцию анархо-феминизма вплоть до современного этапа лучше всего проследить через деятельность активистов, представляющих течение. Самые известные женщины-анархистки способствовали определению анархо-феминизма как движения, выступающего против патриархата и социального неравенства. Европейская практика течения представлена деятельностью Луизы Мишель и Шарлотта Уилсон. Первая известна своим вооруженным участием в Парижской коммуне. Мишель продвигала право женщин на участие в революции, выступала за предоставление женщинам избирательных прав и против традиционного брака, за что часто подвергалась критике со стороны других анархистов [Michel 1981:140]. Шарлотта Уилсон, единственная из анархо-активисток, вышедшая из знатного рода, известна по основанию вместе с Кропоткиным анархического журнала «Freedom». Активно выступала за равные трудовые права для женщин и мужчин, принимала участие в анархических сетях по изучению брака и сексуальности, а также является одной из основательниц международной анархистской школы, которая должна была готовить детей к «свободе», то есть жизни при анархическом строе [Хайнли 2012:9].

Дальнейшее свое развитие идеи анархо-феминизма получили в США в деятельности Люси Парсонс, Вольтарин де Клер и Эммы Гольдман.

Люси Парсонс была женой анархиста, а в основе ее представлений об анархизме лежала воинственная классовая борьба. Парсонс была редактором нескольких анархических журналов, проводила публичные собрания рабочих, а в 1879 г. организовала «Чикагский союз трудящихся женщин». Несмотря на мирные активности, Люси признавала значимость индивидуальных действий и призывала к насильственным выступлениям против власти и «привилегий белых мужчин» [Basson 2012:162], в том числе и через террористические акты.

Вольтарин де Клер – одна из первых «анархистов без прилагательных», которые не причисляли себя ни в какому направлению внутри идеологии. Де Клер не выступала против капитализма, а рассматривала частную собственность как часть индивидуальной автономии [De Cleure 1917:217]. В своем эссе «Почему я анархист» она определила анархизм как единственное логическое решение проблемы человеческого угнетения: сюда же относилось и угнетение в браке [De Cleure 1978].

Однако самой известной анархисткой была Эмма Гольдман. Знакомая со многими видными анархистами того времени, она привлекла внимание СМИ и стала «олицетворением анархизма для американцев». Подход Гольдман к анархизму подчеркивал экономическую и психосоциальную необходимость эмансипации женщин, которая, по ее мнению, могла быть достигнута только благодаря способности анархизма преодолевать искусственные различия и классовые разделения между женщинами и мужчинами. Примечательно, что в вопросе сексуальной свободы Гольдман, практически единственная из всех анархисток, выступала в защиту прав гомосексуалистов.

Отдельного внимания заслуживает женское анархическое движение в Испании. С таким развитием анархизма в стране связана деятельность некоторых специфических организаций, в том числе «Свободных женщин». Она была создана на базе одноименного журнала и включала в себя радикальных женщин-анархистов. Главной целью «Свободных женщин» было достижение социального равноправия между полами. Для этого они старались, с одной стороны, способствовать интеллектуальному и профессиональному развитию женщин, с другой – включить в эту борьбу как можно больше мужчин.

Как отмечают некоторые исследователи, рост общественно-политической активности женщин-анархисток в Испании привел к серьезным культурным изменениям в стране [Pradas Baena 2006].

Если рассматривать значение анархо-феминизма для общества в целом, то активисты и организации XIX–XX вв. оказали большое влияние на следующие поколения. Через создание школ и просветительскую деятельность молодежь обучалась идеям свободы от государственного контроля, что в дальнейшем привело к появлению множества новых анархических течений. Через работу с женским населением европейских стран, оказание им медицинской и психологической помощи анархо-феминистки готовили женщин к участию в политической жизни (после получения избирательных прав) и учили их отстаивать свои права, в том числе личные и трудовые. Более конкретно

деятельность испанской организации *Mujeres Libres* (существующей и сегодня) способствовала борьбе Народного фронта против диктатуры Франко. На основе идей Эммы Гольдман был создан «Женский центр Западного Берлина», в том числе защищающий права ЛГБТ-сообщества, а призывы Люси Парсонс и Эммы Гольдман отразились в деятельности «Фракции Красной Армии», террористической анархической организации. Симбиоз с феминизмом дал крупный толчок для развития анархического движения. Все течения внутри анархизма, которые появились в последние 100 лет, полностью пересмотрели отношение к женщине. В риторике анархистов больше не появлялись тезисы о превосходстве мужчин над женщинами и традиционной семейной роли «хранительницы очага». Все течения постклассического анархизма, в том числе «зеленый» анархизм, анархо-примитивизм, крипто-анархизм, анархо-популизм, рассматривают женщину как полноценную часть свободного общества и борьбы против государства, а некоторые специфические течения, такие как квир-анархизм, ставят вопросы защиты женщин на передний план своей активности.

Анархо-феминизм сегодня

Свое дальнейшее развитие движение анархо-феминизма получило уже в 70-х гг. XX в. – до этого, в послевоенный период, все анархические организации и движения были в упадке. Такой спад не удивителен: после разрушительной войны многие страны восстанавливались от потрясений, и бороться против государства, основного проводника этого восстановления, было неразумно. Но уже ближе к концу века во многих странах Европы начали появляться различные женские группировки, которые практиковали анархические методы деятельности. Основной площадкой по созданию и поддержанию активности феминистических групп стала Германия, где женщины с недоверием относились к тогдашнему правительству из-за ограничения своих прав и страдали от постоянных полицейских обысков и проверок.

Многие европейские анархисты 70–80-х гг. XX в. использовали террористические методы борьбы против государства, что не обошло стороной и различные женские анархические движения. Основной платформой для прямого действия стала организация *Militant Women*, представители которой призывали к вооруженным восстаниям и партизанской борьбе против правительства Германии. Хотя движение было неоднородным по классовому признаку и слабо институционализированным, у него были свои информационные и агитационные материалы с инструкциями по протестной деятельности и примерами других стран, в основном Кубы². Позднее наиболее активные деятели из *Militant Women* перешли под знамена других террористических анархических организаций, которые не пропагандировали мужское превосходство, в частности «Фракция красной армии» и «Движения 2 июня», которые были

² *Militant Women* // *Berlin Goes Feminist*. October 28, 2020. URL: <https://feministberlin1968ff.de/leftist-experience/militant-women-1970/#Gender%20Perspective> (accessed: 09.07.2021).

ответственны за множественные подрывы, ограбления и убийства на территории Германии. При этом, несмотря на то, что анархисты-террористы того времени не ставили гендерных ограничений и принимали женщин в свои ряды, в 1980-х гг. образовалась отдельная организация Rote Zora, состоящая исключительно из женщин, за последние несколько десятилетий атаковала заводы технологических гигантов, таких как Siemens и Nixdorf, а также исследовательские институты био- и генной инженерии.

Справедливо будет отметить, что, хотя большая часть женщин-анархистов описываемого периода и состояла в террористических организациях, в Европе существовали и мирные проявления анархо-феминизма. Так, например, в Германии до сих пор функционирует «Женский центр Западного Берлина», на базе которого было сформировано автономное феминистическое движение. Его участники работали в небольших группах, проводя просветительскую работу по проблемным для женщин и общества темам: сексуальное насилие, аборт, контрацепция и т.п. Примечательно, что официально центр не проводил никакой политической линии, в отличие от других анархических организаций того времени, но выступления и акции его активистов влияли на общественно-политическую ситуацию в стране, особенно в контексте отношения к ЛГБТ-сообществу. Также, согласно работам Кристины Перинчиоли³, швейцарского автора по проблемам домашнего насилия и анархо-феминизма, именно активисты-женщины из «недогматичных левых», одного из политических движений конца XX века, заново возродили феминистическое движение, развивая идеи Эммы Гольдман.

Впоследствии движение анархо-феминизма стало уделять меньше внимания вопросам, связанным с политическими и социальными правами женщин, но сосредоточилось на сексуальной свободе (в рамках ориентации) и охране окружающей среды. Смена основной направленности движения обусловлена тем, что в XXI в. на Западе большую популярность набрала политика толерантности, а вкупе с развитым гражданским обществом и демократическими институтами женщины получили практически все права, за которые боролись родоначальницы движения – фактически феминистическая часть течения выполнила свою функцию. При этом важно отметить, что анархо-феминизм не исчез полностью, так как принцип социальной иерархии в обществе, который является одним из главных объектов критики представителей течения, в современном обществе преодолен не до конца – теперь он существует по большей части невербально [Рахманинова 2010].

Адаптируясь под новые социальные реалии, на современном этапе анархо-феминизм в своей деятельности часто сливается с другими анархическими течениями. Чаще всего это происходит в контексте борьбы за права сексуальных меньшинств и всего ЛГБТ-сообщества – тут анархо-феминизм может отождествляться с квир-анархизмом. Квир-анархизм – это направление анархизма,

³ Perincioli C. Starting the Berlin Women's Center // Berlin Goes Feminist. 1972. URL: <https://feministberlin1968ff.de/womens-center/berlin-womens-center-1972/> (accessed: 28.10.2022).

считающее социальную революцию способом достижения равноправия геев, лесбиянок, транссексуалов и представителей иных нетрадиционных ориентаций, а также преодоления гомофобии, гетеронормативности, патриархата и иных предрассудков гендерного характера.

В борьбу за права ЛГБТ-сообщества анархо-феминистки включились еще в 90-е годы XX века, выступая как против притеснений любых сексуальных меньшинств, так и против патриархата и гендерной бинарности. Сегодня активной поддержкой женщин и представителей ЛГБТ занимается испанский феминистический центр Eskalera Karakola. Eskalera Karakola – это самоуправляющаяся община на основе социального ценза, которая организует различные мероприятия, посвященные проблемам насилия и уязвимости женщин в постиндустриальном обществе [Casas-Cortés 2021]. Помимо этого представители Eskalera Karakola помогали в проведении первого гей-парада в Европе, а также стояли у истоков LGBT pride, призванного обратить внимание на проблемы сексуальных меньшинств.

На сегодняшний день акции LGBT pride проводятся по всему миру, включают в себя несколько форматов (в том числе и демонстрации), и являются самым значимым форматом представления идей сексуального равенства и узнаваемости ЛГБТ-сообщества как социальной группы. Организация также имела тесные отношения с Народной партией Испании, представитель которой был мэром Мадрида (городом дислокации Eskalera Karakola), и получала от них площади для ведения своей деятельности.

Также следует обратить внимание и на экофеминизм, с которым анархо-феминистические течение практически полностью срослось в единое течение. Экофеминизм – общественное движение, которое проводит параллель между эксплуатацией природы и женщины в патриархальном западном обществе, подчеркивая их философское единство, а также рассматривает взаимосвязь деградации окружающей среды и подчиненного положения женщины [MacGregor 2021]. Активистки выступают против незаконного сброса ядерных отходов, загрязняющих сельскую местность, а также критикуют политику евроцентризма и большей интеграции Евросоюза, так как, по их мнению, это приведет к разрушению всей экосистемы планеты [Salleh 1997].

Отдельного упоминания заслуживает сеть взаимопомощи The Protection Network Action Fund (далее – ProNet). Эта американская организация была создана на основе нескольких более мелких (The Southside Worker Center, Derechos Humanos, Tierra y Libertad Organization, Fortin de las Flores, Corazon de Tucson и Mariposas sin Fronteras) и со второй половины XX в. занимается помощью мигрантам из Латинской Америки – предоставляет им убежище, проводит митинги в их поддержку, помогает с защитой собственных прав и т.п. ProNet состоит из множества горизонтально устроенных ячеек взаимопомощи и практикует анархические принципы самоорганизации и солидарности. И хотя сама организация не определяет себя как «анархическую» или «феминистическую», состоит она в основном из анархо-активистов

феминистической направленности, и, по мнению Кэрри Мотт (которая в ней состояла), является именно анархо-феминистической [Mott 2018:425]. На современном этапе своего развития ProNet расширился и на сетевую сферу деятельности, предлагая площадку для организации любых мероприятий, направленных на защиту свободы и борьбу против угнетения: на ее основе были проведены такие акции, как Black Friday Walmart Strikes и Women’s March.

На сегодняшний день в рамках анархо-феминистического течения анархической философии функционирует несколько организаций: помимо уже названных можно привести в пример «Ла Ривольта!», «Радикальные чирлидерши», Mujeres Libres и некоторые другие. И хотя все они основаны на общей идеологии, их деятельность и формат организации могут довольно сильно отличаться, о чем подробнее указано в табл. 1.

Таблица 1

Анархо-феминистические организации

Страна	Название	Тип	Лидеры	Основные идеи
США	La Rivolta!	Ежегодная конференция	Множество андеграундных деятелей искусства, в том числе Соня Рене Тейлор	Объединение всех анархистов для классовой борьбы
Международная	Wemoon’s Army	Организация	Анонимные руководители ячеек	Борьба против патриархата и капитализма через просвещение и прямое действие
США, Канада, Европейский союз	Radical cheerleading	Субкультура	Сестры Кара Дженнингс, Эйми Дженнингс и Колин Дженнингс	Поддержка различных демонстраций без четкой цели
Испания	Eskalera Karakola	Социальный центр	Лаура Гаэлкс и ведущие подкаста Sangre Fucsia	Борьба против домашнего насилия и уязвимости женщин в обществе
Германия	Frauenzentrum Westberlin	Государственные женские центры	Основатели: Хельке Сандер и Верена Стефан	Поддержка автономного женского движения в стране
США	Women’s International Terrorist Conspiracy from Hell	Объединение женских движений	Робин Морган, Роз Пейн, Шэррон Кребс и Нэнси Куршен	Борьба против патриархата вместе с другими левыми силами
США	The Protection Network Action Fund	Организация	Любой может стать организатором акции	Защита мигрантов из Латинской Америки, борьба против угнетения и несправедливости

Источник: составлено автором.

Anarcha-feminist organizations

Country	Name	Type	Leaders	Key ideas
USA	La Rivolta!	Annual conference	Many underground artists, including Sonia Rene Taylor	Uniting all anarchists for the class struggle
International	Wemoon's Army	Организация	Anonymous cell leaders	Fight against patriarchy and capitalism through education and direct action
USA, Canada, European Union	Radical cheerleading	Subculture	Sisters Kara Jennings, Aimee Jennings and Colin Jennings	Support for various demonstrations without a clear purpose
Spain	Eskalera Karakola	Social center	Laura Gaelks and Sangre Fucsia podcast hosts	Combating domestic violence and women's vulnerability in society
Germany	Frauenzentrum Westberlin	State Women's Centers	Founders: Helke Sander and Verena Stefan	Support for the autonomous women's movement in the country
USA	Women's International Terrorist Conspiracy from Hell	Unification of women's movements	Robin Morgan, Rose Payne, Sharon Krebs and Nancy Courchen	Fight against patriarchy alongside other left-wing forces
USA	The Protection Network Action Fund	Организация	Anyone can become an organizer of the action	Protecting Latin American migrants, fighting oppression and injustice

Source: compiled by the author.

Помимо тех организаций, что указаны в табл. 1, есть и менее институционализированные анархо-феминистические образования: радиостанции (Anarcha-Feminism on Odeo, The Feminist Radio Collective on Free Radio Santa Cruz), информационные магазины (Lucy Parsons Center, Red Emma's Bookstore Coffeehouse), медицинские центры (Brighton anarcha-feminist health collective, Pomegrante Health Collective) и некоторые другие. Как видно из сравнительного анализа, анархо-феминистические движения и организации распространены как в США, так и в европейских странах. В дополнение к этому многие онлайн-ресурсы наравне с офлайн-организациями имеют международное распространение. Среди практических проявлений анархо-феминизма есть и институционализированные организации, и объединения активистов без четкой структуры, и даже поддерживаемые государством центры. Представленные объединения могут как иметь четких лидеров и основателей, так и базироваться на горизонтальной структуре без четкого института лидерства. Но, несмотря на значимые отличия, практически все организации

нацелены на борьбу против власти патриархата и поддержку женщин по всему миру. «Власть патриархата» в контексте анархо-феминизма понимается как власть государства и капиталистического мира, в основном представленного мужчинами. И важно отметить, что цели анархо-феминистического движения на сегодняшний день уже куда более конкретны и узконаправлены, чем цели основателей движения: достижение равных прав для мужчин и женщин.

Заключение

Хотя в современном мире анархо-феминизм не имеет такого общественного значения, какое было у движения в XX веке, это течение все равно остается одним из самых активных среди анархической мысли, пусть и с определенными изменениями. Как уже было указано, цели течения со временем изменились и эволюционировали от общей борьбы за равноправие для обоих полов, до поддержки женщин в современном мире и искоренения нетолерантного отношения к сексуальным меньшинствам. Анархистки и феминистки по всему миру занимаются просветительской деятельностью, стараются защитить женщин от домашнего и государственного насилия, а также выступают против власти патриархальных государств и капиталистического мира, в котором женщина рассматривается как товар.

Рост поддержки анархо-феминистического движения можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, анархизм как идеология набирает все большую популярность в западных странах, чаще отождествляясь с протестной культурой в целом и аккумулируя недовольство традиционными государственными институтами. Во-вторых, идеи феминизма, которые с развитием демократии и гражданского общества, казалось бы, должны были уходить на второй план, столкнулись с новыми вызовами и получили новую жизнь в контексте современной проблемы ЛГБТБ-сообщества (хотя и не все течения внутри феминизма поддерживают идеи LGBTQ+) и растущей объективизацией женщин вкупе с проблемами домашнего и сексуального насилия (которые, однако, не новы для феминистического дискурса).

В рамках политического спектра анархо-феминизм и феминизм в целом пусть и не определяют общую повестку «левых» сил, к которым относятся, но активно взаимодействуют с ними. Уже упомянутое движение «Радикальных чирлидерш» принимает участие в протестных акциях, организованных другими движениями, самой яркой из которых можно назвать ежегодный March for Women's Lives, поддерживаемый демократической партией США, а Frauenzentrum Westberlin изначально образовался из представителей недоматичных левых. Большое влияние анархо-феминизм оказал и на анархистскую идеологию, фактически полностью изменив представление современных анархистов о положении женщины в обществе – постклассические течения анархизма отказались от обязательных традиционных семейных ролей и перестали считать права мужчин более значимыми, чем женские.

Подводя итоги, можно ответить, что анархо-феминизм, определившийся в отдельное движение уже в современном мире, в свои «золотые годы» был представлен не чем-то однородным в политическом смысле, а деятельностью отдельных активистов и активисток. Все они приносили в общую идею что-то свое: новые методы борьбы (например, прямое действие в рамках женских групп), новые способы просвещения (специализированные анархические школы), новое понимание сексуальной свободы (связи вне брака, свободу выбора пола партнеров) и многое другое. И даже несмотря на то, что активисты «золотого века» анархо-феминизма по-разному трактовали положение женщины в обществе – кто-то поддерживал нетрадиционные связи, кто-то ратовал за семейные ценности, но все они сходились в том, что власть над женщиной в лице патриархата в том или ином виде должна быть также устранена, как и государственная власть над свободной личностью. И даже если сегодня анархо-феминизм практически полностью растворился в других социально-ориентированных анархических течениях, квир-анархизме и зеленом анархизме, он играл и играет достаточно большую роль в общественно-политической жизни стран Европы и США.

Поступила в редакцию / Received: 10.07.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 14.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Библиографический список

- Бреков Г.С.* Анархизм и COVID-19: гражданская кооперация и взаимопомощь в условиях пандемии // Диалог цивилизаций: Восток – Запад: материалы XXI научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 01 февраля 2021 года. 2021. С. 434–446.
- Быков И.А.* Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука. 2008. № 2. С. 79–98.
- Неттлау М.* Очерки по истории анархических идей и статьи по разным вопросам. Детройт: Профсоюз г. Детройта, 1951.
- Рахманинова М.Д.* Генеалогия и теоретические основания современных форм анархизма: от XIX к XXI веку : дис. ... канд. философских наук: 09.00.11. Москва, 2010. 215 с.
- Черненко Ж.* «Анархо-феминизм»: содержание и происхождение термина // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2019. № 1. С. 114–120.
- Ashbaugh C.* Lucy Parsons: American Revolutionary. Chicago: Charles H. Kerr Publishing Co., 1976.
- Bakunin on Anarchism* / ed. by M. Bakunin, S. Dolgoff. Montreal: Black Rose Books, 1980.
- Basson L.* White Enough to Be American?: Race Mixing, Indigenous People, and the Boundaries of State and Nation. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012.
- Bolzendahl C.I., Myers D.J.* Feminist Attitudes and Support for Gender Equality: Opinion Change in Women and Men, 1974–1998 // *Social Forces*. 2004. Vol. 83. № 2. P. 759–789. <https://doi.org/10.1353/sof.2005.0005>
- Broude N., Garrard M.* The Expanding Discourse: Feminism And Art History. Boulder: Westview Press, 1992.
- Brown, L.* The Politics of Individualism: Liberalism, Liberal Feminism and Anarchism. Montreal: Black Rose, 1993.

- Call L. Postmodern anarchism. Maryland: Lexington Books, 2002.
- Casas-Cortés M. Precarious Writings: Reckoning the Absences and Reclaiming the Legacies in the Current Poetics/Politics of Precarity // *Current Anthropology*. 2021. Vol. 62, no. 5. P. 510–538.
- Chomsky N. Notes on anarchism. Bristol: Active Distribution, 2016.
- De Cleyre V. In Defense of Emma Goldman and the Right of Expropriation. New York: Mother Earth, 1917.
- De Cleyre V. Voltairine De Cleyre, the Making of an Anarchist; with an Introduction by Marian Leighton. London: Black Bear Publishing, 1978.
- De Heredia M.I. History and actuality of Anarcha-feminism: Lessons from Spain // *Lilith: A Feminist History Journal*. 2007. No. 16. P. 42–56.
- Evans S. Born for Liberty: A History of Women in America. New York: Free Press, 1989.
- Gerbaudo P. The mask and the flag: Populism, citizenism, and global protest. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Goldman E. Anarchism and Other Essays. New York: Mother Earth Publishing Association, 1910.
- Guglielmo J. Transnational Feminism's Radical Past: Lessons from Italian Immigrant Women Anarchists in Industrializing America // *Journal of Women's History*. 2010. Vol. 22, no. 1. P. 10–33.
- Hinely S. Charlotte Wilson, the “Woman Question”, and the Meanings of Anarchist Socialism in Late Victorian Radicalism // *International Review of Social History*. 2012. Vol. 57, no. 1. P. 3–36. <https://doi.org/10.1017/S0020859011000757>
- Keller E.F., Longino H.E. Feminism and science. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Kowal D. Anarcha-Feminism / C. Levy, M. Adams (Eds.). *The Palgrave Handbook of Anarchism*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 265–279.
- MacGregor S. Making matter great again? Ecofeminism, new materialism and the everyday turn in environmental politics // *Environmental Politics*. 2021. Vol. 30, no. 1–2. P. 41–60. <https://doi.org/10.1177/1464700120988639>
- Marsh M. Anarchist Women, 1870–1920 (American Civilization). Philadelphia: Temple University Press, 1981.
- Marshall P. Demanding the Impossible: A History of Anarchism. London: HarperCollins, 1992.
- Matthews G. The Rise of Public Woman: Woman's Power and Woman's Place in the United States, 1630–1970. New York: Oxford University Press, 1992.
- Michel L. ‘Women's Rights’, The Red Virgin: Memoirs of Louise Michel / ed. by B. Lowry, E. Ellington. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1981.
- Mitchell S. Feminism // *The Encyclopedia of Victorian Literature*. 2015. Vol. 1, no. 1. P. 1–10. <https://doi.org/10.1002/9781118405376.wbev1119>
- Mott C. Building Relationships within Difference: An Anarcha-Feminist Approach to the Micropolitics of Solidarity // *Annals of the American Association of Geographers*. 2018. Vol. 108, no. 2. P. 424–433. <https://doi.org/10.1080/24694452.2017.1385378>
- Pradas Baena M.A. Teresa Claramunt, la «virgen roja» barcelonesa. Barcelona: Virus editorial, 2006.
- Proudhon P. Solution to the Social Problem / ed. H. Cohen. New York: Vanguard Press, 1927.
- Prügl E. Neoliberalising feminism // *New Political Economy*. 2015. Vol. 20, no. 4. P. 614–631. <https://doi.org/10.1080/13563467.2014.951614>
- Salleh A. Ecofeminism as Politics: Nature, Marx and the Postmodern (1st ed.). London: Zed Books, 1997.
- Shannon D. Articulating a Contemporary Anarcha-Feminism // *Theory in Action*. 2009. Vol. 2, no. 3. P. 58–74. <https://doi.org/10.3798/tia.1937-0237.09013>
- Springer S. Anarchism and Geography: A Brief Genealogy of Anarchist Geographies // *Geography Compass*. 2013. Vol. 7, no. 1. P. 46–60. <https://doi.org/10.1111/gec3.12022>
- Tucker B. On Picket Duty // *Liberty*. 1895. Vol. 11, no. 9. URL: <http://fair-use.org/liberty/1895/09/07/on-picket-duty> (accessed: 04.01.2022).
- Tuttle L. Encyclopedia of feminism. Harlow: Longman, 1986.
- Walby S. The future of feminism. Cambridge: Polity Press, 2011.

References

- Ashbaugh, C. (1976). *Lucy Parsons: American revolutionary*. Chicago: Charles H. Kerr Publishing Co.
- Bakunin, M., & Dolgoff, S. (Eds.). (1980). *Bakunin on anarchism*. Montreal: Black Rose Books.
- Basson, L. (2012). *White enough to be American? Race mixing, indigenous people, and the boundaries of state and nation*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Bolzendahl, C.I., & Myers, D.J. (2004). Feminist Attitudes and Support for Gender Equality: Opinion Change in Women and Men, 1974–1998. *Social Forces*, 83(2), 759–789. <https://doi.org/10.1353/sof.2005.0005>
- Brekhov, G.S. (2021). Anarchism and COVID-19: Civil cooperation and mutual assistance in a pandemic. *Dialogue of Civilizations: East – West: Proceedings of the XXI Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists*, 434–446. (In Russian).
- Broude, N., & Garrard, M. (1992). *The Expanding discourse: Feminism and art history*. Boulder: Westview Press.
- Brown, L. (1993). *The politics of individualism: Liberalism, liberal feminism and anarchism*. Montreal: Black Rose.
- Bykov, I.A. (2008). Cyberspace as a factor of the development of political ideologies. *Political Science (RU)*, 2, 79–98. (In Russian).
- Call, L. (2002). *Postmodern anarchism*. Maryland: Lexington Books.
- Casas-Cortés, M. (2021). Precarious writings: Reckoning the absences and reclaiming the legacies in the current poetics. Politics of precarity. *Current Anthropology*, 62(5), 510–538.
- Chernenko, Zh. (2019). “Anarcho-feminism”: the content and origin of the term. *Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archeology. Philosophy. Political Science*, 1, 114–120. (in Ukrainian)
- Chomsky, N. (2016). *Notes on anarchism*. Bristol: Active Distribution.
- De Cleyre, V. (1917). *In defense of Emma Goldman and the right of expropriation*. New York: Mother Earth.
- De Cleyre, V. (1978). *Voltairine De Cleyre, the making of an anarchist*. London: Black Bear Publishing.
- De Heredia, M.I. (2007). History and actuality of anarcho-feminism: Lessons from Spain. *Lilith: A Feminist History Journal*, 16, 42–56.
- Kowal, D. (2019). Anarcho-feminism. In C. Levy & M. Adams (Eds.), *The Palgrave Handbook of Anarchism* (pp. 265–279). Cham: Palgrave Macmillan.
- Evans, S. (1989). *Born for liberty: A History of women in America*. New York: Free Press.
- Gerbaudo, P. (2017). *The mask and the flag: Populism, citizenism, and global protest*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldman, E. (1910). *Anarchism and other essays*. New York: Mother Earth Publishing Association.
- Guglielmo, J. (2010). Transnational feminism’s radical past: Lessons from Italian immigrant women anarchists in industrializing America. *Journal of Women’s History*, 22(1), 10–33.
- Hinely, S. (2012). Charlotte Wilson, the “woman question”, and the meanings of anarchist socialism in late victorian radicalism. *International Review of Social History*, 57(1), 3–36. <https://doi.org/10.1017/S0020859011000757>
- Keller, E.F., & Longino, H.E. (1996). *Feminism and science*. Oxford: Oxford University Press.
- MacGregor, S. (2021). Making matter great again? Ecofeminism, new materialism and the everyday turn in environmental politics. *Environmental Politics*, 30(1–2), 41–60. <https://doi.org/10.1177/1464700120988639>
- Marsh, M. (1981). *Anarchist women, 1870–1920 (American civilization)*. Philadelphia: Temple University Press.
- Marshall, P. (1992). *Demanding the impossible: A history of anarchism*. London: HarperCollins.
- Matthews, G. (1992). *The rise of public woman: Woman’s power and woman’s place in the United States, 1630–1970*. New York: Oxford University Press.

- Michel, L., Lowry, B., & Ellington, E. (Eds.). (1981). *'Women's rights', The Red Virgin: Memoirs of Louise Michel*. Tuscaloosa: University of Alabama Press.
- Mitchell, S. (2015). Feminism. *The Encyclopedia of Victorian Literature*, 1, 1–10. <https://doi.org/10.1002/9781118405376.wbev1119>
- Mott, C. (2018). Building relationships within difference: An anarcho-feminist approach to the micropolitics of solidarity. *Annals of the American Association of Geographers*, 108(2), 424–433. <https://doi.org/10.1080/24694452.2017.1385378>
- Nettlau, M. (1996). *A short history of anarchism*. London: Freedom Press [Nettlau, M. (1951). *Essays on the history of anarchist ideas and articles on various issues*. Detroit: Trade Union of Detroit. (In Russian)].
- Pradas Baena, M.A. (2006). *Teresa Claramunt, la "virgen roja" barcelonesa*. Barcelona: Virus editorial. (In Spanish).
- Proudhon, P., & Cohen, H. (Eds.). (1927). *Solution to the social problem*. New York: Vanguard Press.
- Prügl, E. (2015). Neoliberalising feminism. *New Political Economy*, 20(4), 614–631. <https://doi.org/10.1080/13563467.2014.951614>
- Rachmaninova, M.D. (2010). *Genealogy and theoretical foundations of modern forms of anarchism: from the 19th to the 21st century* (Doctoral dissertation). Peoples' Friendship University of Russia. Moscow. (In Russian).
- Salleh, A. (1997). *Ecofeminism as politics: Nature, Marx and the postmodern* (1st ed.). London: Zed Books.
- Shannon, D. (2009). Articulating a contemporary anarcho-feminism. *Theory in Action*, 2(3), 58–74. <https://doi.org/10.3798/tia.1937-0237.09013>
- Springer, S. (2013). Anarchism and geography: A brief genealogy of anarchist geographies. *Geography Compass*, 7(1), 46–60. <https://doi.org/10.1111/gec3.12022>
- Tucker, B. (1891). On Picket Duty. *Liberty*, 11(9). Retrieved January 01, 2022, from <http://fair-use.org/liberty/1895/09/07/on-picket-duty>
- Tuttle, L. (1986). *Encyclopedia of feminism*. Harlow: Longman.
- Walby, S. (2011). *The future of feminism*. Cambridge: Polity Press.

Сведения об авторе:

Брехов Глеб Сергеевич – аспирант политологии кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1042200137@rudn.university) (ORCID: 0000-0001-5723-4957)

About the author:

Gleb S. Brekhov – postgraduate of Political Science, Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: 1042200137@rudn.university) (ORCID: 0000-0001-5723-4957)

ЖЕНЩИНЫ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ: УЧАСТИЕ И КВОТИРОВАНИЕ

WOMEN IN PUBLIC POLICY: REPRESENTATION AND QUOTAS

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-107-119

Научная статья / Research article

«Хрупкое представительство», или Женщины в большой политике: случай административной элиты

Н.В. Колесник

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
✉ n.kolesnik@socinst.ru

Аннотация. В работе представлены результаты эмпирического исследования административной элиты десяти российских регионов (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Ростовская, Калининградская, Костромская и Новосибирская области, Хабаровский и Ставропольский край, Республика Дагестан). Анализ социально-демографических характеристик административной элиты показал, что существенных различий по возрасту, месту рождения, типу и месту полученного первого высшего образования (и последующего) между мужчинами и женщинами практически не наблюдается. Исследование карьерных траекторий женщин в министерской элите показало, что чаще всего они занимают элитные позиции, как и мужчины, в среднем возрасте, реже приходят из экономических и силовых структур, горизонтальные и вертикальные перемещения в большинстве случаев осуществляют в рамках одной профессиональной институции – органов исполнительной власти. В работе были выделены региональные правительства со схожими гендерными характеристиками (относительного гендерного паритета и относительного гендерного дисбаланса). В ходе исследования выявлено, что в приграничных и экономически успешных регионах формируются более феминизированные правительства, а режим гендерного дисбаланса в правительстве чаще всего характерен для экономически зависимых регионов и тех, что расположены на юге РФ (за некоторым исключением).

Ключевые слова: гендер, женщина, мужчина, административная элита, власть, российский регион, феминизация власти, рекрутирование, карьерные траектории

© Колесник Н.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Колесник Н.В. «Хрупкое представительство», или Женщины в большой политике: случай административной элиты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 107–119. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-107-119>

“Fragile representation” or Women in Big Politics: The Case of the Administrative Elite

Natalya V. Kolesnik

Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ n.kolesnik@socinst.ru

Abstract. The research of the “feminization” of administrative politics is important to understand the transformation of power and the overall development of the Russian society amidst political, economic and social instability. This article presents the study results for the administrative elite in ten Russian regions (Moscow, St. Petersburg, Leningrad, Rostov, Kaliningrad, Kostroma and Novosibirsk Oblasts, Khabarovsk and Stavropol Krai, Republic of Dagestan). The analysis of the socio-demographic characteristics of the administrative elite showed no significant differences between men and women in terms of age, birthplace, as well as the type and the place where first (and subsequent) higher education was received. Studying the career trajectories of women in the ministerial elite showed that they most often occupy elite positions, like men, in middle age, but less often come from economic and security structures; horizontal and vertical movements mostly take place within the same professional institution – executive power agencies. The author identified regional governments with similar gender specifics (relative gender parity and relative gender imbalance). The study revealed that more feminized governments are formed in bordering and economically successful regions, while gender imbalance is most characteristic for the governments of economically dependent regions and those located in the south of the Russian Federation (with some exceptions).

Keywords: gender, woman, man, administrative elite, power, Russian region, feminization of power, recruitment, career trajectories

For citation: Kolesnik, N.V. (2022). “Fragile representation” or women in big politics: The case of the administrative elite. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 107–119. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-107-119>

Вводные замечания

Вопросы «феминизации» административной элиты оказываются крайне важными для понимания не только процесса трансформации власти, но и векторов развития российского общества в условиях нестабильности политического, экономического, социального порядков. В этой связи научную проблему представляет не только изучение процесса гендерной представленности в данном сегменте власти, но и прояснение самого концепта «административная элита». В научной литературе, как в зарубежной, так и в российской, существует некоторая тенденция к тому, чтобы не дифференцировать политический и административный (исполнительный) сегмент власти. Почему так происходит?

На эту проблему обращает внимание итальянский ученый Л. Верзичелли, который отмечает, что в науке существуют некоторые трудности с дефинициями «политическая» и «административная» элита. Так, по мнению исследователя, крайне сложно определиться с тем, кто такая административная элита. Трудности с наполнением данного сегмента власти связаны с тем, что может существовать один и тот же набор должностей, но при этом не учитываться национальный контекст и историческое время, которые неизбежно влияют на определение такой «узкой группы индивидов», как административная элита [Verzichelli 2018]. Не менее важной проблемой является вопрос о том, включать ли в пул административной элиты лиц, которые участвуют в процессе принятия решений, но формально не занимают высшие позиции в административной власти (например, отдельные категории государственных служащих, советники и др.) [Verzichelli 2018:364].

В более поздний период изучения административной элиты получают распространение работы, в которых основной фокус сосредоточен на том, как измерить значимость каждого министерского поста, выявить границы исполнительной власти [Druckmann, Warwick 2005]. Особое звучание в дискуссии по «министерской элите» получили такие вопросы для исследований, как измерение парламентского опыта и партийной принадлежности министров, особенности конституционного устройства страны и его влияния на формирование кабинета министров. Если исследователь Д. Брайт [Bright, Doering, Little 2015] анализирует факторы, которые определяют и влияют на министерские карьеры, то ученый К. Пинто и его коллеги [Costa Pinto, Cotta, Tavares de Almeida 2017] в своей работе рассматривают такой феномен, как министры-технократы.

Что же касается процесса феминизации административной элиты, то как в зарубежных, так и российских исследованиях данная проблема слабо артикулирована [см. Айвазова 2012; Овчарова 2007; Попова 2013; Тартаковская 2015; Тартаковская 2017; Хасбулатова 2014; Escobar-Lemmon, Taylor-Robinson 2005; Krook, O'Brien 2012; Whitford, Wilkins, Ball 2007]. По мнению С. Энсли, в имеющихся работах основное внимание уделяется анализу факторов, которые влияют на доступность и возможности женщин занять высшие руководящие позиции в органах исполнительной власти. Отмечается, что демографические, социально-экономические, культурные и политические факторы на разных уровнях управления влияют на доступ женщин к власти. Выявлено, что существует корреляция между представленностью женщин на министерских должностях, феминизацией властных органов в стране и типом демократии [Annesley, Franceschet 2015]. Пристальное внимание в работах по вопросу феминизации властных структур уделяется гендерным квотам и значимости численного присутствия женщин во властных структурах, в том числе и в парламентах [Krook, O'Brien 2012]. Р. Бернард в соавторстве с коллегами, анализируя политические амбиции женщин-кандидатов на высокие властные позиции, заключают, что политические амбиции женщин-кандидатов варьируются в зависимости от состава домохозяйств и таких структурных

барьеров, как уровень дохода и источники дохода [Bernard, Davis, Teele 2021]. Именно политическая экономия семьи удерживает самых амбициозных женщин-кандидатов от выдвижения [Там же].

Отдельный пул эмпирических исследований по рекрутированию женщин на министерские позиции представляют кейсы тех стран, в политических режимах которых имеются сходные черты с российскими реалиями. Так, исследование М. Эскобар-Леммон и М. Тейлор-Робинсон о правительствах стран Латинской Америки показало, что степень вовлеченности женщин в процесс принятия решений и получение ими министерских портфелей на национальном уровне связаны со степенью демократизации страны и типом управления (парламентская/президентская) [Escobar-Lemmon, Taylor-Robinson 2005]. Не выявлена положительная корреляция с количеством женщин в правительстве и в парламенте страны с политической идеологией (левый/правый и др.) президента, находящегося у власти. Более того, увеличение числа женщин на высоких позициях в правительственных органах Латинской Америки не связано с их уровнем образования и опытом работы [Escobar-Lemmon, Taylor-Robinson 2005:840]. По мнению авторов исследования, женщины все чаще рекрутируются на министерские позиции в странах Латинской Америки, и в первую очередь это объясняется ростом политических издержек в случае их исключения из власти и увеличением для президента страны политических выгод в случае их назначения¹.

Результаты исследования

Социально-демографические характеристики административной элиты

В основе данного исследования лежит анализ эмпирических данных по административной элите десяти российских регионов (Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Ростовская, Калининградская, Костромская и Новосибирская области, Хабаровский и Ставропольский край, Республика Дагестан). Административная элита регионов представлена губернаторами (главы региона), вице-губернаторами (заместителями), министрами, руководителями комитетов, департаментов, управлений (всего 464 персоны). Биографические сведения были собраны в 2020–2021 гг. через открытые источники информации: официальные сайты органов региональной исполнительной власти, интервью с представителями региональной элиты в СМИ, персональные страницы в социальных сетях представителей элиты. Далее систематизированные биографические данные были обработаны через SPSS.

---

¹ По мнению исследователей, в 2003 г. женщины составляли в среднем 18% от общего числа председателей (глав) правительства стран Латинской Америки, однако занимали высокие посты в министерствах лишь в шести из 18 стран. Женщины представлены в кабинетах министров и на других значимых властных позициях в Чили, Колумбии, Коста-Рике, Доминиканской Республике, Гватемале, Гондурасе, Никарагуа и Венесуэле.

С целью анализа полученных данных были сформированы следующие переменные: социально-демографическая (возраст, пол, место и год рождения), образовательная (место получения и тип образования, наличие первого, второго и последующего высшего образования, ученой степени кандидата, доктора наук, и по какой специальности). В число переменных были включены также сведения о профессиональной карьере, в которую вошли данные о предэлитной работе, о предшествующей элитной должностной позиции, до того, как персона заняла первую, вторую или иную элитную должность, номер элитной должности. При обработке данных учитывался также номенклатурный и депутатский опыт, работа в структурах органов власти, силовых, экономических институциях в различные периоды.

Прежде всего проанализируем общие социально-демографические характеристики административной элиты десяти исследуемых регионов. Если оценивать полученные данные в количественном выражении, то заметно, что в среднем на всех высших административных позициях наблюдается «мужское доминирование», когда мужчины занимают большинство высших позиций в региональных правительствах (83%) и только 17% женщин. Как среди мужчин, так и среди женщин преобладающей возрастной когортой является группа тех, кому 41–50 лет (каждый третий в административной элите). Среди представителей административной элиты немало тех, кого относят к молодежи (31–40 лет): молодых мужчин (11,8%) и молодых женщин (10%) примерно одинаковое количество. В административной элите десяти регионов среди мужчин и женщин, представителей среднего и старшего поколений (после 50 лет), также не выявлено существенных различий. Анализ данных по возрастным когортам показывает, что в административном сегменте региональной элиты наблюдается гендерный паритет. Однако мужчины чаще занимают предэлитную должность в молодом и среднем возрасте, чем женщины (58% мужчин и 47% женщин в возрасте 22–40 лет), что в первую очередь объясняется тем, что в это время женщины вступают в брак, повышают свой образовательный статус. Женщина занимает свою первую предэлитную позицию в 26 лет, а у мужчин это происходит на пять лет раньше (в 21 год). В возрастной период с 26–29 лет у женщин наблюдается спад и после 29 лет женщины вновь начинают свои карьерные перемещения и уже чаще занимают предэлитные позиции. Определены и активные пики в возрастных флуктуациях женщин. Первый пик приходится на возраст 31–32 года (9,1%), далее наблюдается спад и второй пик связан с более поздним периодом – в 37–38 лет (14,5%). Таким образом, важными возрастными точками в предэлитных перемещениях у женщин является возраст 26 лет, 31–32 года и 37–38 лет.

Полученные данные позволяют выявить, что существенных различий в уровне образования между мужчинами и женщинами внутри административной элиты десяти российских регионов не наблюдается. В большинстве случаев административная элита во всех исследуемых регионах имеет высокий образовательный статус: более половины (54%) имеют второе высшее

образование и у каждого четвертого имеется ученая степень. Если рассматривать образовательный уровень в разрезе полученных специальностей, то здесь все же выявлены некоторые различия между мужчинами и женщинами. В большинстве своем мужчины имеют высшее техническое образование – 32%, далее идет экономическое – 15%, юридическое (14%) и военное образование (13%). Среди женщин преобладают специалисты с дипломами юристов (29%) и экономистов (28%), а также гуманитарии (20%)². Следует отметить, что данные, которые были получены в 2020 г. по политической элите (депутатскому корпусу) исследуемых регионов, показали, что в части образования депутаты имеют примерно такие же характеристики в своем образовательном профиле, что и представители административной элиты.

Карьерные траектории

Эмпирические данные по административной элите десяти российских регионов позволяют определить начало, ключевые моменты и точки перехода в профессиональных карьерах представителей административной элиты. Анализ биографий министров, глав регионов (губернаторов), их заместителей показывает, что наблюдается гендерный баланс при вхождении на высокую должность в зависимости от возраста среди мужчин и женщин. Впервые как мужчины, так и женщины в большинстве случаев занимают высшую элитную позицию уже в среднем возрасте – 41–60 лет.

Структурирующее влияние на планирование профессиональной карьеры оказывают те институции, в которых в разные жизненные периоды заняты представители региональной элиты. Биографические данные показывают, что чаще всего «предэлитная» позиция как у женщин, так и у мужчин связана с низшей или средней позицией в районной администрации (63% мужчин и 84% женщин). Второй по значимости среди предэлитных позиций является позиция, связанная с руководством экономической структуры: 18% мужчин занимали эту позицию до высокого правительственного поста и только 7% женщин. Заметно, что женщины реже имеют опыт работы в экономических структурах, тогда как каждый пятый мужчина-министр является не просто выходцем из этих структур, но еще и занимал в этих структурах высшие позиции.

Полученные данные показывают, что для мужчин важным каналом рекрутирования являются не только экономические структуры, но и силовые органы (7%), тогда как для женщин этот канал вообще оказался несущественным. Мужчины на правительственные позиции в исследуемых регионах чаще всего приходят из таких силовых структур, как МВД, армия³, ФСБ. При этом

² Технический крен в образовании среди мужчин объясняется в первую очередь возрастом представителей административной элиты. Н.А. Николаев, изучавший специфику советского образования, преобладание у элиты дипломов технического образования объясняют политическими, экономическими процессами, которые развернулись еще в СССР.

³ В российской армии служит 41 тыс. женщин (всего в армии насчитывается 793,5 тыс. военнослужащих). Лента.ру. 11 июля 2019 г. URL: <https://lenta.ru/news/2019/07/11/policewoman/> (дата обращения: 05.06.2021).

следует отметить, что только в структуре МВД РФ (всего трудоустроено около 900 000 человек) каждая третья позиция занята женщиной⁴.

Административный сегмент элиты изучаемых регионов в части карьерных траекторий в целом по своим характеристикам отличается от политической элиты. Наше исследование 2020 г. по депутатскому корпусу этих же регионов показало, что в региональные парламенты женщины чаще всего приходят из социальной сферы (28%), 20% женщин и 49% мужчин рекрутируются из экономических структур [Колесник 2021]. Для женщин карьера в политических структурах (парламенте) чаще всего определяется как пример горизонтального перемещения из одной (часто властной) институции в другую, например, случай, когда глава администрации получает депутатский мандат. В административной же элите женщины часто демонстрируют иные карьерные траектории, основанные на принципах вертикального перемещения, когда в действительности осуществляется вертикальная мобильность и происходит изменение профессионального статуса. Не случайно среди действующих региональных министров большинство из них (64% мужчин и 84% женщин) в разные годы занимали предэлитную позицию именно в органах исполнительной власти (позиция работника районной, областной администрации низшего или среднего звена).

Важной переменной для понимания степени профессионализации административной элиты оказывается индикатор «номер элитной должности в биографии», по которому определяется степень обновляемости административной элиты в российских регионах. Например, полученные данные позволяют нам определить, что 63% мужчин впервые заняли позицию в региональном правительстве, среди женщин таких – 70%. Обращает на себя внимание и тот факт, что примерно одинаковое число мужчин и женщин (21 и 23% соответственно) до прихода на министерский пост уже занимали элитную должность. В этом случае наблюдается горизонтальное перемещение внутри элитной общности, которое является важной характеристикой при рассмотрении процесса функционирования элиты.

В ходе исследования определено, что женщины нередко занимают элитные позиции до их попадания в региональный «министерский пул», но мужчины преобладают среди тех, для кого пребывание на министерской позиции оказывается третьей и четвертой элитной должностью в их послужном списке. В целом это означает, что приток новых министров на фоне самозакрыва региональной элиты крайне ограничен, и еще меньше возможностей занять высшую позицию в правительстве имеют женщины. Важно отметить, что 37% мужчин из правительственной элиты до этого занимали другие элитные позиции и чаще всего работали в структурах исполнительной власти, тогда как среди женщин горизонтальное перемещение с одной элитной позиции на другую происходит реже (у каждой третьей).

⁴ Названа доля женщин в МВД. Лента.ру. 11 июля 2019 г. URL: <https://lenta.ru/news/2019/07/11/policewoman/> (дата обращения: 05.06.2021).

Таким образом, определяя характеристики министерской элиты с точки зрения гендерной представленности, следует отметить, что административный сегмент региональной элиты оказывается более обновляемым, чем политический, и дает множественные примеры вертикальной социальной мобильности как для мужчин, так и для женщин. Более половины мужчин и 70% женщин впервые заняли пост министра в региональном правительстве. При этом приток женских кадров из других институций практически не фиксируется, что означает, что женщины-министры выстраивают карьеру в рамках властных институций (и чаще всего в органах исполнительной власти). 66% мужчин-министров также попадают в министерский пул региона из политико-административных структур, 26% до занятия элитной позиции в региональном правительстве занимались хозяйственно-экономической деятельностью (женщин только 13%) и 6% работали в силовых структурах. В отличие от европейской ситуации партийные, политические и гражданские структуры в РФ не являются основными каналами для рекрутирования женщин и мужчин на высшие властные позиции [Чирикова, Лапина 2009:71–72]⁵.

Существуют ли гендерные различия в региональных правительствах?

При оценке гендерных диспропорций в региональных правительствах следует отметить, что самыми феминизированными правительствами из исследованных нами регионов являются правительственная элита Калининградской области (21% женщин), Москвы (14% женщин), Ленинградской области и Хабаровского края (13 и 11% женщин), в которых наблюдается относительный гендерный паритет⁵. Во вторую группу вошли регионы с менее феминизированной правительственной элитой и определяемые по типу правительств с гендерным дисбалансом. Так, одинаковое количество женщин зафиксировано в правительствах Санкт-Петербурга и Республики Дагестан, Костромской области (по 8%), в Ростовской, Новосибирской области и Ставропольском крае по 6% в министерской элите каждого региона.

Для прояснения выявленных гендерных различий в правительствах регионов обратимся к анализу внутренних характеристик. Полученные данные показывают, что в первую группу регионов с феминизированными правительствами вошли в большинстве случаев территории (за исключением Москвы), имеющие давние границы с зарубежными государствами [Ангапова 2014]⁶. Все три региона (Калининградская, Ленинградская области и Хабаровский край) дают примеры относительно гендерного баланса в составе регионального министерства. Возникает вопрос о том, каковы социально-экономические

⁵ В зарубежных эмпирических исследованиях, в которых анализируются политическая и гражданская активность, показано, что мужчины в большей степени выбирают политическую активность, тогда как женщины гражданскую [Albanesi, Zani, Cicognani 2012].

⁶ А.Г. Гранберг различает критерий давности границ и выделяет регионы со старыми и новыми границами. К приграничным регионам со старыми границами (до распада СССР) относятся 18 субъектов РФ.

характеристики этих российских регионов и имеют ли они отличительные особенности?

Исследование И.В. Задорина, посвященное регионам «рубезжа», показывает, что, например, Калининградская область отличается высокой долей приезжих из других регионов, имеет эксклавный статус, геополитически и экономически зависима от центра [Задорин 2018:114]. Кроме того, в этом регионе высока трансграничная мобильность и для жителей характерна открытость к культурному обмену. В рейтинге качества жизни среди российских регионов Калининградская область в 2020 г. занимала 10-е место, Ленинградская область – 7-е. Среди дальневосточных регионов Хабаровский край также имеет прочные позиции по качеству жизни и занимает второе место в рейтинге ДВФО и 30-е место в общероссийском рейтинге⁷.

Что касается другой группы регионов, которые оказались схожими в низкой представленности женщин в министерской элите, то эти регионы не имеют давнего приграничного статуса и для них характерен различный уровень экономического развития. Так, Костромская область не отличается высоким уровнем экономического развития, и по качеству жизни эта область из всех исследуемых нами регионов занимает самые низкие позиции (67-е место), пропуская вперед Республику Дагестан (56-е), Санкт-Петербург (2-е), Ростовскую (17-е) и Новосибирскую области (22-е). Тем не менее по своему составу костромское правительство с точки зрения представленности женщин и мужчин характеризуется сильным доминированием последних.

Таким образом, введенные дополнительные характеристики регионов показывают, что регионы с феминизированными правительствами не только имеют приграничный статус, но и часто занимают устойчивые позиции по экономическим позициям, качеству жизни. Группа регионов с менее феминизированными правительствами по уровню экономического развития и качеству жизни оказалась не столь однородной: в этой группе представлены как регионы-лидеры, так и регионы-аутсайдеры. В этой связи для прояснения подобной ситуации необходимо вводить другие переменные с целью объяснения существующих эмпирических разбросов.

В целом же в большинстве исследованных регионов в административной элите наблюдается гендерная диспропорция. Подобные практики являются отражением той исторической ситуации, которая формировалась на протяжении последнего столетия в России, когда в сложившейся системе властвования мужчины тотально доминировали на высших позициях. Если обратиться к данным советского и начала постсоветского периодов, то заметно, что в послевоенном СССР намечается возврат к минимальному представительству женщин в высших органах власти: в советский период среди министров на долю женщин приходилось 0,5%, а среди 38 министров последнего правительства СССР работала только одна женщина [Беляева 2008:154].

⁷ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2020. М.: 2021. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2020.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

Ситуация с гендерным неравенством не изменилась и в более поздний период, по-прежнему на высших позициях в органах исполнительной власти крайне мало женщин. Так, в российском правительстве в 2019 г. было только две женщины в статусе вице-премьера (Т. Голикова и О. Голодец), две женщины-министра, среди заместителей федеральных министров женщин – 23 (мужчин – 130). В новом правительстве М. Мишустина – одна женщина возглавила министерство и две стали вице-премьерами. При этом важно отметить, что 72% российских государственных служащих – женщины⁸.

Заключение

Анализ данных по десяти российским регионам показал, что в целом в административной элите наблюдается абсолютное доминирование мужчин, когда они занимают большинство высших позиций в региональных правительствах (83%). При анализе социально-демографических характеристик административной элиты существенных различий в возрасте, уровне образования, времени занятия элитной позиции между мужчинами и женщинами не наблюдается. В большинстве своем представители административной элиты во всех исследуемых регионах имеют высокий образовательный статус, более половины имеют второе высшее образование и у каждого четвертого имеется ученая степень кандидата наук.

Сравнивая карьерные траектории женщин и мужчин внутри административной элиты десяти российских регионов, следует отметить, что впервые свои элитные позиции мужчины и женщины занимают в среднем возрасте 41–60 лет. В молодой когорте административной элиты женщин оказывается в шесть раз меньше, чем мужчин. Самыми распространенными каналами для рекрутирования в административную элиту среди мужчин оказались административные (органы власти), экономические и силовые структуры, далее идут политические структуры (позиция депутата). На этом фоне преобладание администраторов среди женщин-министров не кажется удивительным ввиду того, что чаще всего профессиональная социализация женщин происходит в рамках исполнительных органов власти. При этом среди женщин-министров в исследуемых нами регионах имеются случаи «аномальных карьер», когда происходит стремительное восхождение на министерский пост и наблюдается ускоренная социальная мобильность. Важно отметить, что треть мужчин из правительственной элиты уже до этого занимали другие высшие позиции, тогда как среди женщин горизонтальное элитное перемещение с одной элитной позиции на другую происходит гораздо реже. На фоне политической элиты (депутаты) этих же регионов административная элита обновляется чаще, что обуславливает приток новых административных кадров в российские регионы.

⁸ Минтруд сообщил о феминизации госслужбы в России. РБК. 17 октября 2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/10/2019/5da85ea39a794720327a6bd7> (дата обращения: 17.09.2021).

В ходе проведенного исследования выявлены гендерные различия в региональных правительствах. Правительства с различными гендерными характеристиками (относительного гендерного паритета и относительного гендерного дисбаланса) позволяют предположить, что для приграничных (регионы, имеющие давние границы) и экономически успешных регионов чаще всего характерен режим гендерного паритета в правительстве. Во вторую группу вошли регионы с менее феминизированной правительственной элитой, менее экономически развитые (за исключением Санкт-Петербурга) и чаще всего расположенные на юге России.

Поступила в редакцию / Received: 01.09.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 14.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Библиографический список

- Айвазова С.Г.* Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг. // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 3. С. 3–11.
- Ангапова О.Б.* Классификация приграничных регионов Российской Федерации // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 2. С. 76–80.
- Беляева Г.Ф.* Политическая активность женщин // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2008. № 1. С. 143–164.
- Задорин И.В.* Регионы «Рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // *Полития*. 2018. № 2 (89). С. 102–136.
- Колесник Н.В.* Гендерное (не) равенство в политической власти российских регионов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 4. С. 468–491.
- Николаев А.Н.* Становление технократической элиты в России: историко-социологические аспекты. Саратов: Изд. центр Саратовской гос. экономической академии, 1995.
- Овчарова О.Г.* Гендерная асимметрия в сфере политики: поиски институционального решения проблемы // *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2007. № 5 (57). С. 214–219.
- Попова О.В.* Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3. С. 21–30.
- Тартаковская И.Н.* Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // *Социологические исследования*. 2015. № 5. С. 84–93.
- Тартаковская И.Н.* Женственность прекарности // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2017. № 14. С. 45–53.
- Хасбулатова О.А.* Гендерный подход как технология повышения эффективности кадровой политики // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 4. С. 3–10.
- Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю.* Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт // *ИНАБ № 3*. М.: Институт социологии РАН, 2009.
- Albanesi C., Zani B., Cicognani E.* Youth civic and political participation through the lens of gender: The Italian case // *Human Affairs*. 2012. Volume 22 (3). P. 360–374.
- Annesley C., Franceschet S.* Gender and the executive branch // *Politics & Gender*. 2015. № 11. P. 613–617.
- Bernard R., Davis S.S., Teele D.L.* To Emerge? Breadwinning, motherhood and women's decisions to run for office // *American Political Science Review*. 2021. № 115, 2. P. 379–394.
- Bright J., Doering H., Little C.* Ministerial importance and survival in government. Tough at the top? // *West European Politics*. 2015. № 38 (3). P. 441–464.

- Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. (eds.). *Technocratic ministers and political leadership in European democracies*. London: Palgrave, 2017.
- Druckmann J.N., Warwick P.V. The missing piece: measuring portfolio salience in western European democracies // *European Journal of Political Research*. 2005. № 44 (1). P. 7–42.
- Escobar-Lemmon M., Taylor-Robinson M. Women ministers in Latin American government: when, where, and why? // *American Journal of Political Science*. 2005. № 49 (4). P. 829–844.
- Gender, politics and institutions: toward a feminist institutionalism / Krook M.L., Mackay F. (eds.). Basingstoke: Palgrave, 2011.
- Krook M.L., O'Brien D.Z. All the president's men? The appointment of female cabinet ministers worldwide // *Journal of Politics*. 2012. № 74 (3). P. 840–855.
- Verzichelli L. Executive elites // *The Palgrave Handbook of Political Elites* / Heinrich Best, John Higley (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 363–380.
- Whitford A., Wilkins V., Ball M.G. Descriptive representation and policymaking authority: evidence from women in cabinets and bureaucracies // *Governance*. 2007. № 20 (4). P. 559–80.

References

- Aivazova, S.G. (2012). Gender characteristics of the political behavior of Russians in the context of the electoral cycle of the parliamentary and presidential elections of 2011–2012. *Woman in Russian society*, 3, 3–11. (In Russian).
- Albanesi, C., Zani, B., & Cicognani, E. (2012). Youth civic and political participation through the lens of gender: The Italian case. *Human Affairs*, 22(3), 360–374.
- Angapova, O.B. (2014). Classification of border regions of the Russian Federation. *Bulletin of Buryat State University*, 2, 76–80. (In Russian).
- Annesley, C., & Franceschet, S. (2015). Gender and the executive branch. *Politics & Gender*, 11, 613–617.
- Belyaeva, G.F. (2008). Political activity of women. *Issues of state and municipal administration*, 1, 143–164. (In Russian).
- Bernard, R., Davis, S.S., & Teele, D.L. (2021). To Emerge? Breadwinning, motherhood and women's decisions to run for office. *American Political Science Review*, 115(2), 379–394.
- Bright, J., Doering, H., & Little, C. (2015). Ministerial importance and survival in government. Tough at the top? *West European Politics*, 38(3), 441–464.
- Chirikova, A.E., & Lapina, N.Yu. (2009). Woman on the highest floors of government. Russian practices and French experience. *INAB*, 3. M. Institute of Sociology, RAS. (In Russian).
- Costa Pinto, A., Cotta, M., & Tavares de Almeida, P. (Eds.). (2017). *Technocratic ministers and political leadership in European democracies*. London: Palgrave.
- Druckmann, J.N., & Warwick, P.V. (2005). The missing piece: measuring portfolio salience in western European democracies. *European Journal of Political Research*, 44(1), 7–42.
- Escobar-Lemmon, M., & Taylor-Robinson, M. (2005). Women ministers in Latin American government: when, where, and why? *American Journal of Political Science*, 49(4), 829–844.
- Khasbulatova, O.A. (2014). Gender approach as a technology to improve the effectiveness of personnel policy. *Woman in Russian society*, 4, 3–10. (In Russian).
- Kolesnik, N.V. (2021). Gender (not) equality in the political power of the Russian regions. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 4, 468–491. (In Russian).
- Krook, M.L., & Mackay, F. (Eds.). (2011). *Gender, politics and institutions: toward a feminist institutionalism*. Basingstoke: Palgrave.
- Krook, M.L., & O'Brien, D.Z. (2012). All the president's men? The appointment of female cabinet ministers worldwide. *Journal of Politics*, 74(3), 840–855.
- Nikolaev, A.N. (1995). The formation of the technocratic elite in Russia: historical and sociological aspects. Saratov: Ed. center of the Saratov State Academy of Economics, 166 p. (In Russian).
- Ovcharova, O.G. (2007). Gender asymmetry in politics: the search for an institutional solution to the problem. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*, 5(57), 214–219. (In Russian).

- Popova, O.V. (2013). Gender aspects of the political career of the Russian subfederal elite: opinions of experts. *Woman in Russian society*, 3, 21–30. (In Russian).
- Tartakovskaya, I.N. (2015). Reproduction of gender order through career strategies: an attempt at intersectional analysis. *Sociological research*, 5, 84–93. (In Russian).
- Tartakovskaya, I.N. (2017). Femininity of precarity. *Interaction. Interview. Interpretation*, 14, 45–53. (In Russian).
- Verzichelli, L. (2018). Executive Elites. In H. Best & J. Higley (Eds.), *The Palgrave Handbook of Political Elites* (pp. 363–380). London: Palgrave Macmillan.
- Whitford, A., Wilkins V., & Ball, M.G. (2007). Descriptive representation and policymaking authority: evidence from women in cabinets and bureaucracies. *Governance*, 20(4), 559–580.
- Zadorin, I.V. (2018). Regions of the frontier: territorial identity and perception of “special”. *Politics*, 2(89), 102–136. (In Russian).

Сведения об авторе:

Колесник Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (e-mail: n.kolesnik@socinst.ru) (ORCID: 0000-0003-2323-6799)

About the author:

Natalya V. Kolesnik – PhD in Sociology, Senior Research Fellow of the Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS) (e-mail: n.kolesnik@socinst.ru) (ORCID: 0000-0003-2323-6799)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-120-135

Научная статья / Research article

Гендерное измерение цифрового вигилантизма в России

А.В. Волкова , Г.В. Лукьянова , Т.А. Кулакова Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация AV.Volkova@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию гендерных аспектов цифрового вигилантизма в России. Под цифровым вигилантизмом авторы, опираясь на многочисленные зарубежные исследования, понимают скоординированные действия гражданских групп в виртуальном пространстве (не исключая переход в офлайн) в ответ на мнимые или реальные действия третьих лиц или выражение возмущения событием реального мира, зафиксированным и выложенным в сеть. Цифровой вигилантизм выступает как неформализованный институт сетевого гражданского общества, регулирующий поведение и карающий граждан за недопустимые с точки зрения вигилантов поступки или намерения. Сегодня в России популярны движения, которые были сформированы в результате взаимодействия общественных организаций, активистов-одиночек и власти, которые теперь выступают в роли вспомогательных институтов. Данное явление позволяет говорить о распространении управляемого вигилантизма. Таким образом, мы можем утверждать, что властные структуры признают невозможность разрешения отдельных конфликтных ситуаций в рамках формальных институтов, а потому легитимизируют их урегулирование посредством сетевого взаимодействия. Для исследования гендерных характеристик российских вигилантных сообществ при помощи API (application programming interface) ВКонтакте были собраны данные о подписчиках шести групп: «СтопХам», «Лев Против», «Хрюши против», «Сорок Сороков», «Антидилер», «Трезвый двор». Был сформирован датасет, состоящий из 818 927 записей, включающий основную социально-демографическую информацию о пользователях (ID, указанные пользователем имя, пол, возраст, город). Выполненная при помощи API ВКонтакте выгрузка постов и комментариев за последние два года, а также собранная база подписчиков типичных вигилантных сообществ в социальной сети ВКонтакте (2900 подписок) позволили приблизиться к пониманию мотивов пользователей, описать социальный портрет «типичного цифрового вигиланта» и определить гендерные характеристики движения. Результаты исследования подтверждают проблему сохранения гендерной асимметрии и наследования устойчивых культурных стереотипов о соотношении «женского» и «мужского» даже применительно к такой новой форме гражданского активизма в России, каким является цифровой вигилантизм.

Ключевые слова: цифровой вигилантизм, публичная политика, гражданское общество, гражданское участие, публичные ценности, гендер, сетевое общество

Для цитирования: Волкова А.В., Лукьянова Г.В., Кулакова Т.А. Гендерное измерение цифрового вигилантизма в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 120–135. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-120-135>

© Волкова А.В., Лукьянова Г.В., Кулакова Т.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011-31445 «Цифровой vigilantизм и практики формирования публичных ценностей: захват сетевого гражданского общества?».

Gender Dimension of Digital Vigilantism in Russia

Anna V. Volkova , Galina V. Lukyanova , Tatiana A. Kulakova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 AV.Volkova@rambler.ru

Abstract. Digital vigilantism can be defined as the coordinated actions of civic groups in virtual space (not excluding the possibility of going offline) in response to imaginary or real actions of third parties or as the expression of outrage at a real-world event recorded and uploaded online. Digital vigilantism serves as an informalised institution of online civil society, regulating behaviour and punishing citizens for actions or intentions that are inappropriate from the vigilantes' point of view. In modern Russia, movements that were formed as a result of the interactions between NGOs, individual activists and the authorities, that are now acting as auxiliary institutions, become quite popular. This phenomenon suggests the spread of guided vigilantism. The authors argue that the governmental structures recognize the impossibility of solving some conflict situations within formal institutions and therefore legitimize their regulation through network interactions. This article focuses on the gender aspects of digital vigilantism in Russia. In order to analyze gender characteristics of Russian vigilante communities, the authors collected the data on the subscribers of six online communities using the VKontakte API (application programming interface): “StopHam”, “Lev Protiv”, “Khrushi Protiv”, “Sorok Sorokov”, “Anti-Dealer” and “Sober Yard”. A dataset of 818 927 records was generated, which included basic socio-demographic information about the users (ID, user-specified name, gender, age, city). Analyzing the posts and comments uploaded over the last two years and the database of subscribers of typical vigilante communities in the VKontakte social network (2900 subscriptions), the authors were able to come closer to understanding users' motivations, define the social portrait of a “typical digital vigilante” and identify gender characteristics of the movement. Research outcomes confirm the problematic persistence of gender asymmetry and the inheritance of enduring cultural stereotypes regarding the correlation between “the female” and “the male”, even concerning such a new form of civic activism in Russia as digital vigilantism.

Keywords: digital vigilantism, public policy, civil society, citizen participation, public values, gender, networked society

For citation: Volkova, A.V., Lukyanova, G.V., & Kulakova, T.A. (2022). Gender dimension of digital vigilantism in Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 120–135. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-120-135>

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project No 21-011-31445 “Digital vigilantism and the practice of creating public values: hijacking network civil society?”.

Введение

Оптимизм исследователей публичной сферы на протяжении нескольких десятилетий базировался на представлении об Интернете как о пространстве, которое будет способствовать демократическому обсуждению вопросов

публичного управления, формированию публичных ценностей, вовлечению в публичность и обеспечению общественного консенсуса. В настоящее время во всем мире растет беспокойство по поводу того, что Интернет, воспринимаемый как «дикая сеть» [McIure 2000], усиливает процессы поляризации мнений, провоцирует распространение дезинформации, конфликты, дестабилизацию политического поля [Cararini, Gogolewska 2021] и способствует росту социальных размежеваний, в том числе по гендерному признаку. «Режим общения «один-ко-многим», характерный для онлайн-общения, обуславливает появление изолированных индивидуумов и формирование внутренне однородных, но непохожих друг на друга несогласованных подгрупп» [Keijzer 2018:1–2].

Ряду европейских исследователей цифровая революция представляется концом демократии и демократических свобод, которые были кропотливо завоеванные в прошлом веке¹. Актуализируется угроза цифрового авторитаризма, диктата, захвата гражданского общества [Meagher 2007] или формирования «сумеречных» институтов, «действующих на границе между государством и обществом, публичным и частным» [Lund 2006:686; см. также Helmke 2004]. Сумеречные (промежуточные) институты, согласно М.З Ароби, берут на себя управленческие функции и тем самым способствуют нормальному функционированию государства и общества, к примеру, пытаются напрямую бороться с «правонарушителями» [Arrobi 2018:233].

Среди проблем, волнующих обществоведов всего мира, – разрастание и распространение вигилантизма, социального явления (специфической формы гражданской активности), которая привлекла внимание ученых еще в конце XX века, но стала реальной проблемой в эпоху цифровых трансформаций [Brighenti 2007; Dennis 2008; Fuchs 2015]. В научной литературе по криминологии данное явление определялось как «запланированные и организованные гражданами публичные акты насилия» [Burrows 1976; Abrahams 2003], направленные против нарушителей общественного порядка. Формирование общепризнанного определения вигилантизма до сих пор затруднено, но наиболее простой его дефиницией является «взятие закона в свои руки», что подразумевает реакцию инициативных граждан на угрозы или действия, нарушающие формальные границы установленного социально-политического порядка [Rosenbaum 1974:542; Bateson 2021; Nivette 2016]. Цифровой вигилантизм (Internet vigilantism, netilantism, cyber-vigilantism) и такие его формы, как травля (doxxing) [Douglas 2016; Trottier 2019], онлайн-опозоривание (online shaming) [Skoric et al. 2010] и др. во всем мире осознаются как серьезные проблемы сетевого гражданского общества [Stan 2011; Schubert 2013; Smith 2019]. Для российских общественных наук термин нов, хотя встречаются

---

¹ Mechanisms that Shape Social Media and their Impact on Society // Report on the State-of-the-Art in Research. Shaping Europe's digital future. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/mechanisms-shape-social-media-and-their-impact-society-report-state-art-research> (accessed: 04.12.2021).

отдельные работы по данной проблематике [Волкова, 2021]. Под цифровым вигилантизмом мы понимаем скоординированные действия гражданских групп в виртуальном пространстве (не исключая переход в офлайн) в ответ на мнимые или реальные действия третьих лиц или моральное возмущение в отношении события, которое было зафиксировано в реальном мире и передано через мобильные устройства [Trottier 2017]. Цифровой вигилантизм, разворачивающийся через социальные платформы, выступает как неформализованный институт сетевого гражданского общества, регулирующий поведение и карающий граждан за недопустимые с точки зрения вигилантов поступки или намерения (см. также [Anderson 2002; Obert 2018]). В реализации дискурсивных практик он ориентирован как на сложившиеся национальные ценности, так и подвижные «универсальные» ценности, иллюстрируемые феноменом «новой этики».

Это крайне неоднозначный и противоречивый феномен, поскольку вигилантизм может выступать как элемент гражданского общества, базирующийся на таких ценностях как ответственность, участие, открытость, сотрудничество, и оказывать помощь системе публичной власти и управления [Skoric et al. 2010:181–182]. Поддержка со стороны органов государственной власти или спонсоров (при условии явной артикуляции декларируемых движениями публичных ценностей в реальном и информационном пространстве) обусловлена способностью вигилантов поддерживать механизмы идеологической координации общества и компенсировать недостаточно эффективную деятельность органов власти [Кулакова 2021].

Однако с развитием коммуникативных способностей граждан и распространением персональных гаджетов в мире все чаще возникают акции, узурпирующие государственные функции, вплоть до присвоения права на легитимное насилие [Wilkinson 2009:32; Mclure 2000]. Вигилантизм в таком случае ставит под угрозу управляемость государства и является вызовом государственному суверенитету в целом. Сегодня активно изучаются правовые аспекты деятельности бдительных граждан и их участие в процессах формирования публичных ценностей [Asif 2019; Tanner 2019], а тема гендерного изменения цифрового вигилантизма практически не затрагивается. Цель данного исследования – выявить гендерную специфику цифрового вигилантизма в России.

Цифровой вигилантизм в России: общее и особенное

В России цифровой вигилантизм, как новый формат гражданской активности в интернет-пространстве, начинает набирать популярность после 2010 г. как результат действия целого ряда факторов: развития интернет-коммуникации, социальных сетей и распространения персональных гаджетов, трансформации проправительственных молодежных проектов («Наши», «Молодая гвардия» и др.), в результате которой активная молодежь начинает искать новые точки приложения усилий. Сказались и последствия мировых

кризисов 2008–2009 г.: происходит падение доходов, начинает сказываться дефицит доверия институтам власти и предлагаемым политической элитой проектам. За прошедшее десятилетие среди большого числа различных гражданских организаций и движений в России многие были маркированы СМИ как вигилантские, при этом подавляющая часть подобных движений и организаций столкнулась с такой проблемой, как блокирование их сообществ в социальных сетях. В то же время ряд групп, борющихся за общественный порядок и общественную мораль существуют вполне благополучно.

Вигилантские группы «СтопХам», «Лев Против», «Хрюши против» объединяют самопровозглашенных борцов за законность и справедливость. Они действуют на грани закона, проводят яркие, эмоциональные (скандальные) рейды и популярны в социальных сетях, ведь поводом для мобилизации граждан становятся резонансные случаи нарушения общественного порядка (нарушение правил парковки и ПДД, распитие спиртного в общественных местах, реализация просроченных продуктов). Речь идет о достаточно масштабных общероссийских движениях. «СтопХам»² насчитывает ВКонтакте 406 649 участников, «Лев Против»³, «Антидилер»⁴, и «Хрюши против»⁵ – 306 956, 1 230 и 49 600 пользователей соответственно. Они имеют схожий генезис и могут быть отнесены к модели *управляемого* (лояльного) вигилантизма, который старается держаться в рамках вспомогательного института (защищает закон, взаимодействует с правоохранительными органами, получает финансирование и не блокируется в сети), совершая редкие действия «замещающего» института в случае бездействия полиции (драки, порча имущества, случаи самосуда). Эти вигилантские сообщества общероссийского (федерального) масштаба задают тон и институциональные рамки движения, порождают плеяду подражателей на региональном и муниципальном уровнях: так возникают организованные в интересах локальных сообществ, но копирующие стиль федеральных проектов петербургские группы «ДНД. Мушинский паруль», «Петергоф патруль» и др.

Тот факт, что движение «СтопХам» изначально было санкционировано элитными группами и в статусе НКО даже некоторое время получало грантовую поддержку, подтверждает, что создание групп, готовых соблюдать общие принципы правил игры и навязывать общие ценности с лишь небольшими, эпизодическими формальными нарушениями буквы закона, представлялось российской правящей элите работающей (управляемой) моделью выстраивания отношений внутри сетевого гражданского общества. В частности, в 2019 г. член

² Страница движения «СтопХам» ВКонтакте. URL: <https://vk.com/stopxam> (дата обращения: 23.10.2021).

³ Страница движения «Лев Против». URL: <https://vk.com/lionvs> (дата обращения: 15.12.2021).

⁴ Страница движения «Антидилер». URL: https://vk.com/antidiler_official (дата обращения: 16.12.2021).

⁵ Страница движения «Хрюши против». URL: <https://vk.com/hrushigroup> (дата обращения: 16.12.2021).

Общественной палаты Артем Кирьянов предлагал Главе МВД РФ легализовать движения и выдать активистам движений «Лев против» и «СтопХам» аккредитацию народных дружинников⁶. Это стремление к формированию ресурсов, позволяющих контролировать настроения и канализировать публичные практики, используя агрессию одних групп против других, при условии, что эти группы идут не против властей, создающих локализованные узлы недовольства (или клапаны для «выпускания пара»), а параллельно им, сегодня рассматривается во всем мире как неоднозначная и весьма опасная практика. Действительно, что остановит граждан, освоивших технологии социально-политической активности, агрессивной по своему характеру и реализуемой в обход государственно-правовой системы в одной сфере (например, борясь со сбытом просроченных продуктов питания или некачественной уборкой мусора), если они перенесут инициативу насильственного поддержания порядка в другие сферы (как это было в ходе президентской кампании Д. Трампа в 2020 г.)? [Bateson 2021]. Негативные оценки зарубежных исследователей исходят как из чрезмерной криминальной окраски деятельности виgilантов, игнорирования ими процедурных вопросов поддержания правопорядка, несамостоятельности выработки повестки и объектов акций, так и корыстного интереса в получении известности и расширения возможности влияния в цифровой среде.

Данный тезис подтверждается тем, что параллельно в российском сегменте интернет-пространства получают распространение различные *ситуативные* виgilантские сообщества, чье возникновение и институциональный дизайн обусловлены конкретной (часто внезапной) проблемой, как правило острой и имеющей широкий охват. В качестве примера можно привести группы общественных наблюдателей и патрули, которые действовали в период жесткой изоляции в первую волну COVID-19 в России в 2020 г. Бдительные граждане проводили рейды, снимали фото и видеоматериалы, обличающие незаконно работающие магазины, пункты общественного питания и сферы услуг для передачи в правоохранительные органы, на горячие линии, а также выкладывали эту информацию в социальных сетях с целью призвать к ответственности тех, кто нарушает режимные требования в общественных местах.

Кроме институционализированных форм можно обнаружить и проявления «спонтанного» (неинституционализированного) виgilантизма, когда в рамках популярных сетевых проектов периодически возникают «точки концентрации» бдительных граждан, не перерастающие в устойчивые группы. Так, к примеру, «Подслушано» – «социальный развлекательный проект, в котором люди делятся каждый день своими секретами, откровениями и жизненными ситуациями анонимно перед огромной аудиторией»⁷, имеет странички-представительства во всех крупнейших городах. В «Подслушано» «можно

⁶ Главе МВД предложили легализовать движение «Лев против». URL: <https://ria.ru/20190624/1555840298.html> (дата обращения: 24.12.2021).

⁷ Главная страница проекта. URL: <https://ideer.ru/> (дата обращения: 25.12.2021).

увидеть настоящую жизнь во всей красе глазами сотен тысяч людей», а также проблемы и конфликты региональных социумов.

Примечательно, что таким образом формируются не только вигилантские сообщества, но и группы их противников или «анти-вигиланты» (фонд «Общественный вердикт», борцы с антиваксерами и др.).

Сегодня в России вигилантские сообщества претендуют на роль значимого субъекта публичной политики, и, учитывая исследования, показывающие гендерную асимметрию российского политического пространства, возникает вопрос о том, возможно ли сохраняющиеся в российской политике неформальные правила «игры в гендер» [Айвазова 2007] проследить также и в среде российских цифровых вигилантов?

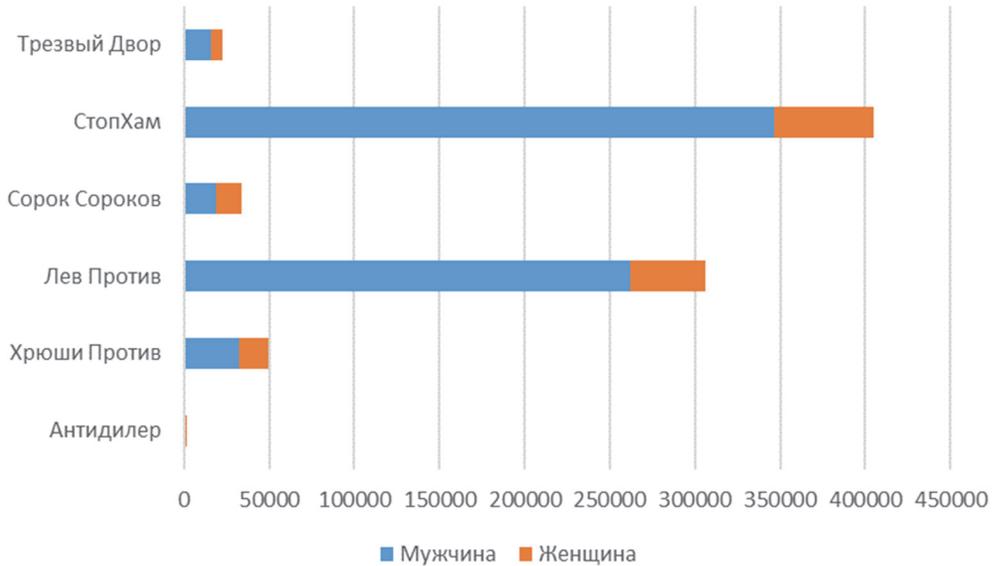
Гендерная асимметрия управляемого вигилантизма

В контексте этой проблемы следует обратить внимание, прежде всего, на созданное в 2013 г. движение «Сорок Сороков», позиционирующее себя как ответную реакцию «на информационную кампанию, направленную против Русской Православной Церкви, и на скандал с „Pussy Riot“⁸, феминистской панк-рок-группой, участницы которой были осуждены по статье «хулиганство» в 2012 г. И несмотря на то что среди направлений можно выделить помощь социально депривированным группам (бездомным, заключенным), сохранение культурного наследия (храмов), охранительные и защитные функции понимаются как основные. Это визуально закрепляется гендерно окрашенной эмблемой движения (суровый русский витязь с обнаженным мечом и щитом). Движение заявляет о своих приоритетах достаточно категорично: «Не вернувшись к православию, Россия вымрет. По сути, вопрос уже стоит ребром: православие или смерть»⁹. Это первая группа такого плана, имеющая внутри разделение по половому принципу на «Братство» и «Сестричество», что соответствует религиозному мировоззрению и традиционному, патриархальному разделению на «мужскую» и «женскую» половину в храме и в доме, православному представлению о гендерных ролях в обществе. На эмблеме Сестричества – женщина-мать в древнерусском одеянии, держащая девочку на руках и укрывающаяся за спиной отрока, стоящего с обнаженным мечом и щитом, что подчеркивает традиционное распределение гендерных ролей и приверженность патриархальному укладу. Дизайн основной страницы, оформление страниц в социальных сетях строится вокруг образа ратника, подавляющее большинство образов – мужчины. Инициаторами создания Движения выступили музыкант, общественный деятель, обладатель почетного знака «Родительская слава г. Москвы» А. Кормухин и мастер спорта международного класса по боксу, чемпион России и Европы (по юниорам) В. Носов.

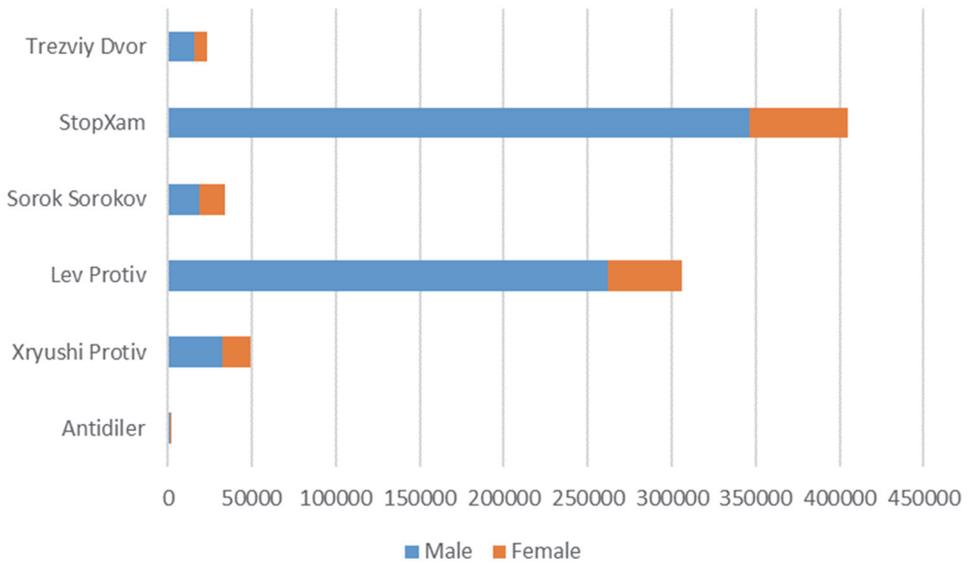
⁸ Официальный сайт движения «Сорок сороков». URL: <https://soroksorokov.ru/sorok-sorokov/> (дата обращения: 21.12.2021); страница движения ВКонтакте. URL: https://vk.com/sorok_sorokov (дата обращения: 23.12.2021).

⁹ Официальный сайт движения «Сорок сороков». URL: <https://soroksorokov.ru/sorok-sorokov/> (дата обращения: 23.12.2021).

В процессе исследования гендерных характеристик российских вигилантских сообществ при помощи API ВКонтакте были собраны данные о подписчиках шести групп: «СтопХам», «Лев Против», «Хрюши против», «Сорок Сороков», «Антидилер», «Трезвый двор» (ID, указанные пользователем имя, пол, возраст, город).

Рис. 1. Гендерное распределение в сообществах вигилантов ВКонтакте
 Источник: составлено авторами по результатам исследования

Fig. 1. Gender distribution in the vigilante communities of VKontakte
 Source: compiled by the authors based on research results

Как наглядно представлено на рис. 1, российские вигилантские сообщества преимущественно состоят из мужчин. Возраст участников 18–35 лет. Только движение «Сорок Сороков», предусматривающее внутри группы «женское» («сестринское») объединение, демонстрирует практически равное число зарегистрированных пользователей. Участники движения относятся к средней возрастной группе.

Данные табл. 1 дают более четкое представление о процентном соотношении участников обоих полов.

Таблица 1

Гендерное распределение в сообществах вигилантов, %

Гендерная принадлежность участников сообщества	СтопХам	Лев Против	Антидилер	Трезвый двор	Хрюши против	Сорок Сороков
Мужчина	86	86	68	68	65	55
Женщина	14	14	32	32	35	45
Итого	100	100	100	100	100	100

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Table 1

Gender distribution in vigilant communities, %

Gender of participants	StopHam	Lev Protiv	AntiDiler	Tresvyi dvor	Hrushy Protiv	Sorok Sorokov
Male	86	86	68	68	65	55
Female	14	14	32	32	35	45
Total	100	100	100	100	100	100

Source: made by the authors.

Наиболее четко «маскулинный характер» выражен в сообществах «Стоп Хам» и «Лев Против», где максимальный процент участников-мужчин. Примечательно, что во главе этих движений, а также во главе «Сорок Сороков», «Антидилер», «Трезвый двор» стоят молодые, харизматичные мужчины с подчеркнутой маскулинностью. Силовая составляющая (спорт, армия, боевые единоборства) является весьма важным элементом идеологии групп и имиджа как самих лидеров, так и активистов движения. Это прослеживается в дискусе сообщества и в паттернах поведения.

Среди крупнейших вигилантских сообществ федерального (общероссийского) уровня исключение составляет только проект «Хрюши против», позиционирующий себя как волонтерское движение и декларирующий своей целью «общественную борьбу с некачественными продуктами в магазинах и на рынках»¹⁰. Несмотря на значительный процент мужчин-участников проект

¹⁰ Официальная страница проекта «Хрюши против». URL: <https://хрюши.рф/about> (дата обращения: 14.12.2021).

может быть назван «женским». Прежде всего потому, что во главе проекта стоят молодые и привлекательные женщины. Это Евгения Сморгочкова, основатель проекта по защите прав потребителей в 2010 г., выступившая против того, что покупателей «часто путают со свиньями» и определившая формат и политику движения, руководитель проекта – Светлана Васильева и специалист по развитию – Валерия Еловацкая. Не менее важно, что тема качества продуктов питания, вопросы приготовления пищи, проблемы здоровья семьи и детей (как и сами походы по магазинам) – темы женской аудитории, важная часть традиционных представлений о роли женщины-матери в российском социуме. Само название движения звучит не агрессивно (именно как «хрюши», а не «свиньи», «поросята»), было выбрано слово не только мягкое по звучанию и не имеющее прямых ассоциаций с питанием, но и ассоциирующееся с персонажем из детской передачи.

Выполненная при помощи API ВКонтакте выгрузка постов и комментариев за последние два года, а также собранная база подписчиков типичных виgilантских сообществ в социальной сети ВКонтакте позволили определить гендерные характеристики движения. Следует отметить, что большинство групп, на которые подписаны участники виgilантских движений, носят неполитический характер и могут быть отнесены к развлекательным.

Группы интересов активистов «Лев Против», «СтопХам» обладают ярко выраженной «маскулиной направленностью». Часть групп имеют четкую гендерную принадлежность («Академия Порядочных Парней», «Мужские мысли», «Мужской рай», «Армия – мужское сообщество» и др.), причем контент большинства групп балансирует на грани норм приличия, содержит откровенные фото и плохо завуалированную ненормативную лексику.

Сравнивая наиболее популярные среди активистов-вигилантов группы социальной сети ВКонтакте, можно увидеть разницу: обозначенная нами условно как «женская группа» «Хрюши против» демонстрирует отличный от других ранжированный перечень интересов, типичный для женской аудитории: «Свадьба в Доминикане», «БОРЩ», «Волосы на заколках», «Клуб красоты – женский журнал», наряду с типичными для виgilантов развлекательными группами «Сарказм», «Черный юмор», «Счастье и смех», «Убойный юмор» и др.

Несмотря на то, что проведение рейдов для выявления и шейминга нарушителей – общая стратегия российских виgilантов, анализ наиболее популярных видео (по 50 на каждое сообщество) и собранные при помощи YouTube Data API текстовые расшифровки также показали разницу поведенческих паттернов «мужских» и «женской» групп.

Так, например, Видеоролики «Лев Против», смонтированы в технике, напоминающей прямой репортаж с места событий, носят достаточно однотипный и агрессивный характер («Пьяная толпа устроила ужас в парке. Масовые нарушения закона. Потасовка...») и т.п). Съемки сюжетов в основном проходят ночью, а характерной чертой данного ютуб-канала является лаконичность и экспрессивная подача материала, задача которого – эмоциональное воздействие на аудиторию с целью вовлечь в собственную деятельность,

получить поддержку в виде лайков или финансовых пожертвований. Характер комментариев позволяет сделать вывод о том, что для большинства подписчиков просмотр данных видео – это вариант грубого развлечения, это общество, позволяющее не сдерживаться в проявлении своих реакций под лозунгом борьбы за общественно значимые цели (против курения и распития алкогольных напитков в общественных местах).

В отличие от других вигилантских пабликов видеоматериалы движения «Хрюши против» не выглядят импровизациями, а материал подается в достаточно мягкой манере, соответствующей традиционному представлению о женщине-матери, женщине-хозяйке, и ориентирован на женскую аудиторию. Видео на официальном ютуб-канале (ролики, посвященные самим акциям, и комментарии руководительницы организации С. Васильевой по поводу особенно резонансных рейдов и их последствий) выходят регулярно. Следует отметить изначально миролюбивый посыл активистов. Ролики начинаются не с агрессивных призывов разгромить торговую площадь, а с предложения разобраться в ситуации («Смотри как грязно! Почему?.. Пойдемте, посмотрим»). Часто происходят обращения к покупателям с просьбой о помощи в поисках просроченного товара, что, с одной стороны, свидетельствует о демонстрации намерения быть вместе с простыми гражданами, открытости, а с другой – заботы, что переводит дискурс движения из разряда общественно-политических в общественно-бытовой. Видео «Хрюши против» не носят развлекательный характер, в них отсутствует стремление к сенсационному разоблачению. Это рассказы о том, как активисты последовательно достигают своих целей в обеспечении исполнения правил торговли и сбыта товаров, включая выступления в суде против магазинов, нарушающих закон «О правах потребителей», и ответы на вопросы пользователей, сочувствующих движению.

Заключение

Распространение цифрового вигилантизма, как практика внесудебного общественного осуждения, возникающая, когда уполномоченные структуры правопорядка не справляются с функционированием и отдельные индивиды или группы в обществе берут исполнение этих функций на себя, свидетельствует о кризисе доверия системе публичной власти. Нельзя забывать о том, что «Хрюши против», как и другие исследованные в рамках проекта вигилантские группы, дублируют или подменяют деятельность конкретных формальных структур, в частности Роспотребнадзора, которые имеют представительства в Интернете, соцсетях¹¹, однако не смогли мобилизовать и привлечь граждан.

При этом исследованные вигилантские сообщества избегают политических тем. Подписок на группы, которые можно было бы отнести к политической сфере (официальные страницы партий и движений), а также группы

¹¹ Официальная страница Роспотребнадзора ВКонтакте. URL: <https://vk.com/rospotrebnadzor.official> (дата обращения: 25.12.2021).

протестного характера (например, связанные с известными оппозиционными лидерами) не было обнаружено. Социальные проблемы они связывают с безответственными гражданами или недобросовестным бизнесом, а не с плохим качеством государственного управления.

Следует признать, что вигилантизм, как социальный феномен, является специфической формой гражданской активности и вовлечения в публичность для определенных групп населения, что и обуславливает его существование при различных режимах, но для системы публичной власти не исключена возможность взаимодействия с такими движениями (как в онлайн, так и в офлайн-форматах). Так, их деятельность воплощается в конкретных управленческих решениях. Например, в декабре 2021 г., согласно поручению Президента России, Правительство должно было начать разрабатывать вопрос об исключении технической возможности продажи просроченных или незаконно введенных в оборот продуктов¹². В случае успеха эта активность, направленная на повышение эффективности государственного контроля в области оборота продуктов, может значительно ослабить позиции «Хрюш» в публичном поле и потенциально сохранить их как вспомогательный и строго контролируемый инструмент дополнительного контроля.

Несмотря на широкое признание того факта, что технологии ощутимо меняют природу человека, на примере российских цифровых вигилантских движений можно убедиться, что даже новейшие, инновационные формы гражданской активности не свободны от гендерных стереотипов. Они показывают, что в системе ценностей многих женщин не только политика, но и гражданская активность воспринимаются как нечто несоответствующее женской природе. Наиболее активны женщины в тех вигилантских группах, которые обозначены организаторами мужчинами как «женские» (Сестричество в «Сорок сороков») или в тех сообществах, которые связаны с такими традиционно женскими вопросами, как быт (домашний очаг) или здоровье детей.

Показательным примером спонтанного вигилантизма, причиной которого стал вопрос гендерных ролей, может быть назван скандал, возникший летом 2021 г. в ходе рекламной кампании ВкусВилл под названием «Рецепты семейного счастья». Когда героями сюжета в числе постоянных покупателей, рассказавших о своих любимых продуктах, оказалась семья из четырех женщин, в которой есть лесбийская пара, в сетях возмущенным сторонникам традиционных ценностей и гендерных ролей противостояли либерально ориентированные активисты.

Таким образом, внедрение цифровых технологий, которое еще десять лет назад казалось вспомогательным технико-технологическим направлением,

---

¹² Путин поручил проработать вопрос исключения возможности продажи просроченных продуктов. URL: https://tass.ru/ekonomika/12755901?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 25.12.2021).

а сегодня начинает определять способ мышления и логику восприятия процессов управления, не снимает проблему сохранения гендерной асимметрии и наследования устойчивых культурных стереотипов о соотношении «женского» и «мужского» в публичном пространстве России.

Поступила в редакцию / Received: 12.09.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 18.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Библиографический список

- Айвазова С.Г.* «Игра в гендер» на поле российской политики: возможность институциональных изменений // Россия реформирующаяся. 2007. № 6. С. 319–331.
- Волкова А.В., Лукьянова Г.В., Мартыанов Д.С.* Цифровой вигилантизм: поведенческие паттерны и ценностные ориентации // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 2. С. 37–52.
- Кулакова Т.А., Волкова А.В., Будко Д.А.* Конфликты «эпохи цифрового вигилантизма» // Конфликтология. 2021. Т. 16. № 4. С. 9–27.
- Попова О.В.* Гендерные партии в современной России: проблемы и перспективы // Политическая наука. 2015. № 1. С. 186–199.
- Abrahams R.* What's in a name? Some thoughts on the vocabulary of vigilantism and related forms of informal criminal justice // *Informal Criminal Justice* / D. Feenan (ed.). London: Ashgate, 2003. P. 25–40.
- Anderson D.M.* Vigilantes, violence and the politics of public order in Kenya // *African Affairs*. 2002. Vol. 101, no. 405. P. 531–555. <https://doi.org/10.1093/afraf/101.405.531>
- Arrobi M.Z.* Vigilantism as 'Twilight Institution': Islamic Vigilante Groups and the State in Post-Suharto Yogyakarta // *PCD Journal*. 2018. Vol. 6, no. 2. P. 213–237. <https://doi.org/10.22146/pcd.35215>
- Asif M., Weenink D.* Vigilante rituals theory: A cultural explanation of vigilante violence // *European Journal of Criminology*. 2019. November. P. 1–20. <https://doi.org/10.1177/1477370819887518>
- Bateson R.* The Politics of Vigilantism // *Comparative Political Studies*. 2021. Vol. 54, no. 6. P. 923–955. <https://doi.org/10.1177/0010414020957692>
- Brighenti A.* Visibility: A Category for the Social Sciences // *Current Sociology*. 2007. Vol. 55, no. 3. P. 323–342.
- Burrows W.* Vigilante. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich, 1976.
- Caparini M., Gogolewska A.* Governance challenges of transformative technologies // *Connections*. 2021. Vol. 20, no. 1. P. 91–100. <https://doi.org/10.11610/Connections.20.1.06>
- Chang L.Y.C., Poon R.* Internet Vigilantism: Attitudes and Experiences of University Students Toward Cyber Crowdsourcing in Hong Kong // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2017. Vol. 61, no. 16. P. 1912–1932. <https://doi.org/10.1177/0306624X16639037>
- Dennis K.* Keeping a close watch – The rise of self-surveillance and the threat of digital exposure // *Sociological Review*. 2008. Vol. 56, no. 3. P. 347–357.
- Douglas D.* Doxing: A Conceptual Analysis. *Ethics and Information Technology*. 2016. Vol. 18, no. 3. P. 199–210.
- Fuchs C.* Social Media and the Public Sphere // *TripleC: Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. 2015. Vol. 12, no. 1. P. 57–101.
- Helmke G., Levitsky S.* Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2, no. 4. P. 725–740.
- Keijzer M.A., Mäs M., Flache A.* Communication in Online Social Networks Fosters Cultural Isolation // *Complexity*. 2018. November. P. 1–18. <https://doi.org/10.1155/2018/9502872>
- Lund C.* Twilight institutions: Public authority and local politics in Africa // *Development and Change*. 2006. Vol. 37, no. 4. P. 685–705.

- Mclure H.* The wild, wild web: The mythic American west and the electronic frontier // *The Western Historical Quarterly*. 2000. No. 31. P. 457–476.
- Meagher K.* Hijacking civil society: The inside story of the Bakassi Boys vigilante group of south-eastern Nigeria // *Journal of Modern African Studies*. 2007. 45(1). P. 89–115.
- Nivette A.E.* Institutional ineffectiveness, illegitimacy, and public support for vigilantism in Latin America // *Criminology*. 2016. No. 54. P. 142–175. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12099>
- Obert J., Mattiacci E.* Keeping vigil: The emergence of vigilance committees in pre-civil war America // *Perspectives on Politics*. 2018. 16(3). P. 600–616.
- Rosenbaum H.J., Sederburg P.C.* Vigilantism: An analysis of establishment violence // *Comparative Politics*. 1974. Vol. 6, no. 4. P. 541–570.
- Schuberth M.* Challenging the weak states hypothesis: Vigilantism in South Africa and Brazil // *Journal of Peace, Conflict & Development*. 2013. 20. P. 38–51.
- Shukan I.* Defending Ukraine at the rear of the armed conflict in Donbas: wartime vigilantism in Odessa (2014–2018) // *Laboratorium: Russian Review of Social research*. 2019. 3. P. 71–104.
- Skoric M.M., Wong K.H., Chua J.P.E., Yeo P.J., Liew M.A.* Online shaming in the Asian context: Community empowerment or civic vigilantism? // *Surveillance and Society*. 2010. Vol. 8, no. 2. P. 181–199.
- Smith N.R.* Contradictions of democracy: Vigilantism and rights in post-apartheid South Africa. Oxford University Press, 2019.
- Stan L.* Vigilante justice in post-communist Europe. *Communist and Post-Communist Studies*. 2011. Vol. 44, no. 4. P. 319–327.
- Tanner S., Campana A.* “Watchful citizens” and digital vigilantism: a case study of the far right in Quebec // *Global Crime*. 2019. Vol. 21, no. 3–4. P. 1–21. <https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1609177>
- Trottier D.* Digital vigilantism as weaponisation of visibility // *Philosophy & Technology*. 2017. Vol. 30, no. 1. P. 55–72.
- Trottier D.* Denunciation and doxing: towards a conceptual model of digital vigilantism // *Global Crime*. 2019. Vol. 21, no. 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1591952>
- Wilkinson D.L., Beaty C.C., Lurry R.M.* Youth violence/crime or self-help? Marginalized urban males’ perspectives on the limited efficacy of the criminal justice system to stop youth violence // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2009. Vol. 623, no. 1. P. 25–38.
- Zizumbo-Colunga D.* Community, authorities, and support for vigilantism: Experimental evidence // *Political Behavior*. 2017. Vol. 39, no. 4. P. 989–1015.

References

- Ajvazova, S.G. (2007). The “gender game” on the field of Russian politics: The possibility of institutional changes. *Reforming Russia*, 6, 319–331. (In Russian).
- Volkova, A.V., Lukyanova, G.V., & Martyanov, D.S. (2021). Digital vigilantism: Behavioral patterns and value orientations. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 22(2), 37–52. (In Russian).
- Kulakova, T.A., Volkova, A.V., & Budko, D.A. (2021). Conflicts of the «era of digital vigilantism”. *Conflictology*, 16(4), 9–27. (In Russian).
- Popova, O.V. (2015). Role of women’s parties in modern Russia: Problems and prospects. *Political Science (RU)*, 1, 186–199. (In Russian).
- Abrahams, R. (2003). What’s in a name? Some thoughts on the vocabulary of vigilantism and related forms of informal criminal justice. In D. Feenan (Ed.), *Informal Criminal Justice* (pp. 25–40). London: Ashgate.
- Anderson, D.M. (2002). Vigilantes, violence and the politics of public order in Kenya. *African Affairs*. 101(405), 531–555. <https://doi.org/10.1093/afraf/101.405.531>
- Arrobi, M.Z. (2018). Vigilantism as ‘twilight institution’: Islamic vigilante groups and the state in post-Suharto Yogyakarta. *PCD Journal*, 6(2), 213–237. <https://doi.org/10.22146/pcd.35215>
- Asif, M., & Weenink, D. (2019). Vigilante rituals theory: A cultural explanation of vigilante violence. *European Journal of Criminology*, November, 1–20. <https://doi.org/10.1177/1477370819887518>

- Bateson, R. (2021). The politics of vigilantism. *Comparative Political Studies*, 54(6), 923–955. <https://doi.org/10.1177/0010414020957692>
- Brighenti, A. (2007). Visibility: A category for the social sciences. *Current Sociology*, 55(3), 323–342.
- Burrows, W. (1976). *Vigilante*. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich.
- Caparini, M., & Gogolewska, A. (2021). Governance challenges of transformative technologies. *Connections*, 20(1), 91–100. <https://doi.org/10.11610/Connections.20.1.06>
- Chang, LYC, & Poon, R. (2017). Internet vigilantism: Attitudes and experiences of university students toward cyber crowdsourcing in Hong Kong. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 61(16), 1912–1932. <https://doi.org/10.1177/0306624X16639037>
- Dennis, K. (2008). Keeping a close watch: The rise of self-surveillance and the threat of digital exposure. *Sociological Review*, 56(3), 347–357.
- Douglas, D. (2016). Doxing: A conceptual analysis. *Ethics and Information Technology*, 18(3), 199–210.
- Fuchs, C. (2015). Social media and the public sphere. *TripleC: Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*, 12(1), 57–101.
- Helmke, G., & Levitsky, S. (2004). Informal institutions and comparative politics: A research agenda. *Perspectives on Politics*, 2(4), 725–740.
- Keijzer, M.A., Mäs, M., & Flache, A. (2018). Communication in online social networks fosters cultural isolation. *Complexity*, November, 1–18. <https://doi.org/10.1155/2018/9502872>
- Lund, C. (2006). Twilight institutions: Public authority and local politics in Africa. *Development and Change*, 37(4), 685–705.
- McLure, H. (2000). The wild, wild web: The mythic American west and the electronic frontier. *The Western Historical Quarterly*, 31, 457–476.
- Meagher, K. (2007). Hijacking civil society: The inside story of the Bakassi Boys vigilante group of south-eastern Nigeria. *Journal of Modern African Studies*, 45(1), 89–115.
- Nivette, A.E. (2016). Institutional ineffectiveness, illegitimacy, and public support for vigilantism in Latin America. *Criminology*, 54, 142–175. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12099>
- Obert, J., & Mattiacci, E. (2018). Keeping vigil: The emergence of vigilance committees in pre-civil war America. *Perspectives on Politics*, 16(3), 600–616.
- Rosenbaum, H.J., & Sederburg, P.C. (1974). Vigilantism: An analysis of establishment violence. *Comparative Politics*, 6(4), 541–570.
- Schubert, M. (2013). Challenging the weak states hypothesis: Vigilantism in South Africa and Brazil. *Journal of Peace, Conflict & Development*, 20, 38–51.
- Shukan, I. (2019). Defending Ukraine at the rear of the armed conflict in Donbas: wartime vigilantism in Odessa (2014–2018). *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 3, 71–104.
- Skoric, M.M., Wong, K.H., Chua, J.P.E., Yeo, P.J., & Liew, M.A. (2010). Online shaming in the Asian context: Community empowerment or civic vigilantism? *Surveillance and Society*, 8(2), 181–199.
- Smith, N.R. (2019). *Contradictions of democracy: Vigilantism and rights in post-apartheid South Africa*. Oxford University Press.
- Stan, L. (2011). Vigilante justice in post-communist Europe. *Communist and Post-Communist Studies*, 44(4), 319–327.
- Tanner, S., & Campana, A. (2019). “Watchful citizens” and digital vigilantism: a case study of the far right in Quebec. *Global Crime*, 21(3–4), 1–21. <https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1609177>
- Trottier, D. (2017). Digital vigilantism as weaponisation of visibility. *Philosophy & Technology*, 30(1), 55–72.
- Trottier, D. (2019). Denunciation and doxing: towards a conceptual model of digital vigilantism. *Global Crime*. <https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1591952>; 15
- Wilkinson, D.L., Beaty, C.C., & Lurry, R.M. (2009). Youth violence crime or self-help? Marginalized urban males’ perspectives on the limited efficacy of the criminal justice system to stop youth violence. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 623(1), 25–38.
- Zizumbo-Colunga, D. (2017). Community, authorities, and support for vigilantism: Experimental evidence. *Political Behavior*, 39(4), 989–1015.

Сведения об авторах:

Волкова Анна Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры политического управления, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: AV.Volkova@rambler.ru) (ORCID: 0000-0002-3687-5728)

Лукьянова Галина Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: g.lukiyanova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-1260-2124)

Кулакова Татьяна Александровна – доктор политических наук, профессор кафедры политического управления, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: t.kulakova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-3386-8079)

About the authors:

Anna V. Volkova – Doctor of Science in Political Sciences, Professor, Department of Political Governance of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (e-mail: AV.Volkova@rambler.ru) (ORCID: 0000-0002-3687-5728)

Galina V. Lukiyanova – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Institutions and Applied Political Research of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (e-mail: g.lukiyanova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-1260-2124)

Tatiana A. Kulakova – Doctor of Science in Political Sciences, Professor, Department of Political Governance of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (e-mail: t.kulakova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-3386-8079)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-136-147

Research article / Научная статья

Gender Quotas for Political Participation and the Case of Georgia

Irina S. Amiantova , Nikoloz Bitsadze

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 amiantova_is@rudn.ru

Abstract. The current study focuses on the key elements limiting the political representation of women in the modern world. In order to eliminate discrimination, some countries introduce gender quotas for political participation. Studying the legal framework of modern Georgia shows that, despite the existing common legal basis for the equality of women and men, the reality in political life is different. The lack of effective quota mechanisms significantly weakens the realization of women's civil and political rights. Stereotypical attitudes and perceptions about the role of women in society are the main barriers to recruiting in the political and administrative deployment. Considering the gender aspect of political representation as a complex problem necessitated a systematic approach. The historical and comparative method was used to study the evolution of gender equality. A separate group of methods used in the article was made up of the political and legal analysis of empirical database national statistics. The article shows how the Georgian Parliament affects the position of women in politics by introducing mandatory quotas for national and local government elections, increasing the likelihood of women running, being elected and appointed.

Keywords: Georgia, gender quotas, political representation, stereotypes, government

For citation: Amiantova, I.S., & Bitsadze, N. (2022). Gender quotas for political participation and the case of Georgia. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 136–147. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-136-147>

Гендерное квотирование политического участия на примере Грузии

И.С. Амиантова , Н. Бицадзе

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 amiantova_is@rudn.ru

Аннотация. В фокусе внимания – исследование ключевых факторов, ограничивающих политическое представительство женщин в современном мире. Залогом защиты от дискриминации служит успешное проведение гендерного квотирования политического участия. Изучение законодательной базы современной Грузии показало, что, несмотря на наличие общей

© Amiantova I.S., Bitsadze N., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

правовой основы для равноправия женщин и мужчин, реальность в политической жизни иная. Отсутствие эффективных механизмов квотирования заметно ослабляет реализацию гражданских и политических прав женщин. Стереотипные взгляды и представления о роли женщин в обществе служат основными барьерами рекрутирования в политико-административном направлении. Рассмотрение гендерного аспекта политического представительства как комплексной проблемы обусловило необходимость применения системного подхода. При исследовании эволюции гендерного равенства использовался исторический и сравнительный метод. Отдельную группу используемых в статье методов составил политико-правовой анализ эмпирических данных национальной статистики. В статье показано, как законодательная власть Грузии, вводя обязательные квоты для национальных и местных представительных структур, влияет на положение женщин в политике, увеличивая вероятность того, что они будут баллотироваться, избираться и назначаться.

Ключевые слова: Грузия, гендерные квоты, политическое представительство, стереотипы, власть

Для цитирования: *Amiantova I.S., Bitsadze N. Gender quotas for political participation and the case of Georgia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24 № 1. С. 136–147. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-136-147>*

Introduction

Common development theory begins with the hypothesis that traditional society is characterized by sharply differentiated gender roles that affect both women and men in society. The teaching of the various demographic, sociological, anthropological, and social database reveals that gender roles change with the modernization of society [Reyes 2001].

Today, when discussing the importance of women's political representation, we can rely on a list of main arguments. In terms of fairness, women make up half of the population, so they have the right, therefore, to hold half of the representation. The experience-based argument says that women have different experiences, both biologically and socially constructed, the comprehension of which is important. According to the argument concerning interests, women and men have opposite interests, and therefore these interests should not be represented only by men. According to the symbolic argument, the activities of a female politician serve as some kind of a role model and attract women to engage in politics, regardless of which party or political force the woman represents: it is still a raw theory very much dependent on unique social characteristics. According to the critical mass argument, women develop a sense of solidarity and want to be representative of other women only after they have reached a certain level of appreciation. According to the democratic argument, equal representation of women and men increases the level of democratization of governance in both transitional and consolidated democracies. In addition, seems that 9 out of 12 countries, where women hold more than 33% of parliamentary seats, are characterized by a high level of development with more girls having access to education, low illiteracy, relatively higher economic development, etc.¹

¹ Shreeves, R., & Hahnkamper-Vandenbulcke, N. (2021). Gender mainstreaming in the European Parliament. European Parliamentary Research Service, PE 694.216, 18–22.

The current situation, when the representation of women in politics is quite small, is due to a number of factors. Women's involvement, participation and access to formal political power are linked to several structural and functional barriers that vary from country to country. According to many authors, the absence of women in the political arena is caused by such obstacles as political, socio-economic, ideological and psychological barriers [Ara 2019]. Women are under-represented in political institutions, which means that they are less involved in decision-making processes that shape public opinion. That is why economists and political scientists are increasingly interested in the causes of gender inequality in terms of women's participation in politics [Hernes 2018].

Importantly, despite the great variation between countries, the issue of gender inequality in terms of women's participation in politics is relevant all over the world, including in countries with high levels of social and economic development. For example, Sweden, which has high rates of female participation in various state institutions (currently 47.5% of members of parliament, 54.5% of ministers and 43% of members of municipal councils), has never had a female prime minister (Magdalena Andersson resigned hours after appointment) and only one-third of mayors are female. Eastern European and Central Asian countries have been able to eliminate 15% of the gender gap in women's political participation, which, according to the World Economic Forum, is the lowest rate of progress among the components of the Gender Equality Index.²

In a general context, three main reasons for this situation are most often mentioned: (1) women do not want to become politicians, (2) voter bias, and (3) party bias. Large-scale surveys have found that women whose professional and economic status promotes them as potential political candidates are less likely than men to have the ambition to hold leading political positions [Barnes 2019]. The main reason for the gender gap between ambitions seems to be that women (a) have less support than men, participate in elections, and (b) are less likely to believe that men are more qualified to hold such positions.

Such an outcome may also be influenced by the fact that women avoid competition, and the political selection process is indeed highly competitive. Scientists conducted experiments in which people were introduced to the competitive nature of politics: the studies found that as a result, women's interest in politics declined, while this information had no significant effect on men [Shames, Wise 2017].

Women's desire to build a successful political career can also be influenced by family and kinship relationships [Baturu, Gray 2018]. A recent paper shows that in Sweden, the likelihood of divorcing a partner increases significantly when female politicians reach the rank of a mayor (which is the highest position in municipal politics), while this is not the case for male politicians.

---

² Global Gender Gap Report 2020. World Economic Forum. 2019, 37–44. URL: <https://www.weforum.org/reports/gender-gap-2020-report-100-years-pay-equality> (accessed: 03.01.2022).

Political Process Regulatory Gender Quotas

There are different approaches to the issue of removing barriers to women's low political participation. For example, in Georgia, the so-called low political participation of women is ruled out by many NGOs that are planning various training programs to equip women participants with the knowledge, skills, and human connections needed for a political career.³ Gender-based party-list quotas are the most frequently used form of intervention to increase women's low political participation: the effects of this intervention are well studied. Given their design and the context in which they are used, quotas are more or less successful in empowering and representing the interests of women. As these quotas have some nuances, countries or regions planning to introduce them should design the intervention with experts on the issue and shouldn't regard quotas as a panacea.

Today, women make up about 25% of the world's parliamentarians. Given this low rate, it is imperative that states take more effective steps to achieve gender balance. Mandatory electoral quotas are considered to be one of the mechanisms for ensuring women's political representation.⁴ This political action has a crucial, long-term and sustainable positive impact on increasing the number of female candidates and women elected.⁵ Today it is used in more than 100 countries around the world.⁶ The quotas allow to end the low representation of women in leading positions and make women holding managerial positions part of daily practice in the political, economic and academic spheres. This tool can only change the decision-making practices of men and provide for the appointment of qualified women to relevant positions [Profeta 2020]. It is an effective mechanism for the rapid elimination of inequality. Contrary to this view, the "growing rate policy" believes that the development process is gradual and natural, consequently, gender equality itself will be gradually established, whereas political intervention is considered unnecessary [Profeta 2020].

There are 3 types of quotas:⁷

- Voluntary quota (same as party quota) – when parties voluntarily include a gender quota in the lists.
- Mandatory quota (same as the legislative quota) – when the constitution or law obliges parties to observe gender balance when compiling party lists.

---

³ Saikia, M., & Saikia, P. (2019). Economic Empowerment of Women through NGO: A Case Study (p. 91). Dera Natung Government College Research Journal. URL: <https://intown-solutions.com/dngc/wp-content/uploads/2019/09/8-Economic-Empowerment-of-Women-through-NGO.pdf> (accessed: 03.01.2022).

⁴ Proportion of seats held by women in national parliaments (%). The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SG.GEN.PARL.ZS>. (accessed: 27.12.2021).

⁵ Women in National Governments Around the Globe: Fact Sheet. (2021). Congressional Research Service (pp. 1–16); R45483.

⁶ Policies and Practices to Promote Women in Leadership Roles in the Private Sector. (2020). Report prepared by the OECD for the G20 EMPOWER Alliance (pp. 13–31).

⁷ Dahlerup, D., Hilal, Z., Kalandadze, N., & Kandawasvika-Nhundu, R. (2013). Atlas of Electoral Gender Quotas. International IDEA, (SE-103 34), 16–34. URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/atlas-of-electoral-gender-quotas.pdf> (accessed: 16.01.2022).

• Quota of reserved seats – in some countries, a certain number of parliamentary seats are reserved for women, and these seats cannot be disputed by men. This method is often used in Africa and Southeast Asia [Ballington 2014].

Mandatory and voluntary quotas may include any of the three stages of candidate selection: postgraduates, candidates, and elected representatives. Two factors are important for improving the representation of women in politics: (1) the electoral system; and (2) the willingness of the political parties to change the current unfavorable situation [Mlambo, Kapingura 2019]. It should be noted that there are different models of quotas. If the institutional context is not considered, quotas can only have a symbolic meaning and cannot have a real impact on women's participation. For example, quotas operate differently under different electoral systems. They easily adapt to the proportional rule (PR) when votes are converted into mandates. Most countries with high female participation have this type of electoral system: this figure is about twice that of the states that use majoritarianism [Belschner, de Paredes 2021].

Adhering to the redistribution of seats in the electoral list is extremely important for more women being elected through quotas. In both mandatory and party quotas provisions should include rules on the placement of candidates on the electoral roll (“passing seats”) so that female candidates do not end up at the bottom of the list. A quota system that does not address this issue may not eliminate the problem of women's representation at all [Hessami, Lopes da Fonseca 2020]. Another important issue is legal sanctions for non-compliance with mandatory quota requirements. Studies show the most effective way is the refusal of election commissions to register voter lists that do not meet the quota requirements established by the law.

Barriers Hindering Women to Take Part in the Political Process of Modern Georgia

10 out of 28 EU countries use mandatory quotas for the highest legislative bodies: Belgium, Spain, Slovenia, Poland, Croatia, Greece, Ireland, France, Italy and Portugal. The first 6 of these also use the Unified Proportional Electoral System (List PR). Party quotas are valid in the following 13 EU member states: UK, Sweden, Slovakia, Romania, Netherlands, Malta, Lithuania, Germany, Czech Republic, Austria, Luxembourg, Cyprus, Hungary. Since party quotas are voluntary, the focus should be made on individual parties to study its effect.⁸

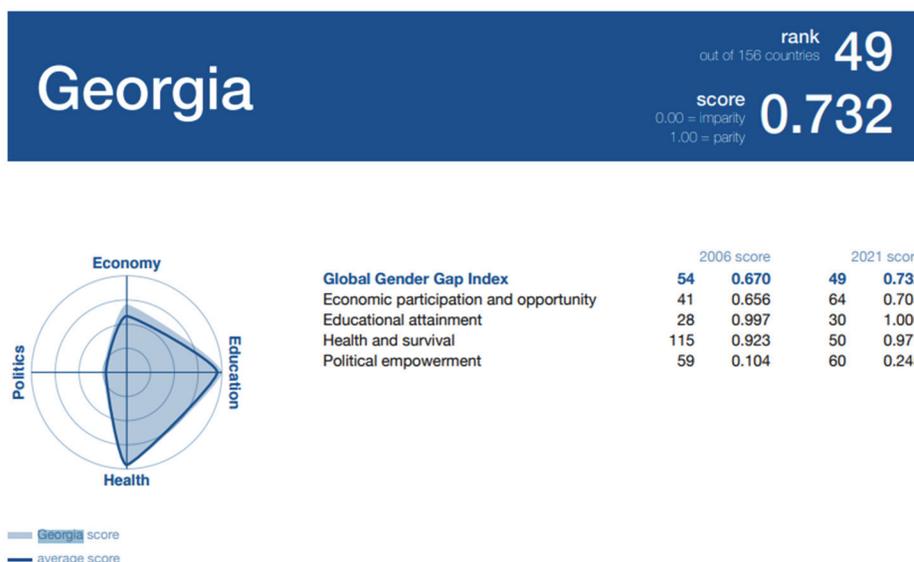
There are no quotas in 5 EU member states: Estonia, Denmark, Finland, Latvia, Bulgaria. Their data in terms of women's representation are as follows: Finland 47% (2019 elections), Denmark 39.1% (2019), Latvia 30.0% (2020), Bulgaria 26.6% (2020), Estonia 28.7% (2020). In Denmark and Finland, even without quotas, women have historically been highly represented in politics. However, the

---

⁸ European Women on Boards Gender Diversity Index. (2020). Rights, Equality and Citizenship Programme of the European Union (pp. 12–24).

situation in the new democracies (Latvia, Bulgaria and Estonia) is substantially problematic in this regard.⁹

According to the World Economic Forum Gender Equality Index, Georgia ranks 60th out of 153 countries in terms of women's participation in politics (0.245 points out of a possible maximum of 1 point). Although Georgia's rate slightly exceeds the average for Eastern Europe and Central Asia, it is positioned right in the regional middle with 0.732. Among the subcomponents of the Gender Equality Index, women have the lowest rate of participation in politics (see Figure 1). Between post-Soviet countries and neighbouring states, Georgia has the lowest percentage of women represented in the Parliament (Georgia – 14.2%, Armenia – 23.5%, Azerbaijan – 17.4%, Inter-Parliamentary Union, 2020). However, significant progress is observed compared to the 1990 figure (when the percentage of women was 6.4%; see Figure 2).

Fig. 1. Georgia in Global Gender Index
Source: Global Gender Gap Report 2021¹⁰

The last parliamentary elections in Georgia were held on October 31, 2020, and the second round of elections ended on November 21, 2020. One of the most important changes in this election was the introduction of a gender quota in party lists. The quota required that at least one in four candidates on the party list were women. This requirement did not apply to majoritarian candidates in single-member constituencies (30 out of 150 seats). From the 6882 candidates on the proportional party lists, 44.3% (3049) were women, while only 21.75% (107 out of 492 candidates) were women among the majoritarian candidates.¹¹

⁹ Report on gender equality in the EU 2021. (2021). European Union (p. 39).

¹⁰ Global Gender Gap Report 2021. (2021). World Economic Forum (pp. 197–198).

¹¹ International Election Observation Mission for Georgia – Parliamentary Elections. (2020). The OSCE Parliamentary Assembly (pp. 10–20). (In Georgian).

Fig. 2. Proportion of seats held by women in national parliaments in Georgia (2000–2020), %
Source: World Bank Data¹²

In total, 30 women were elected to parliament (20%). Although this number is higher than the previous election rate (16% without gender quota), it still falls short of the target of 25% meant by the quota. It should be noted that 29 women parliamentarians were elected through party lists, and one – by majoritarian rule. The election results indicate that almost all party lists met the gender quota requirements for leading candidates. 44.3% of the party-list candidates were women, although they accounted for only 24.2% of the party-list candidates who made it to the parliament. This suggests that women were more likely to be represented at the bottom of party lists (where the chances of being elected to the parliament are lower). This once again indicates that men are still dominant in Georgian politics.¹³ The package, approved by the Parliament of Georgia that calls for amendments to the electoral code, including mandatory gender quotas, aimed at gradually increasing the representation of women in parliament.¹⁴

The situation of women’s representation in local self-government bodies outside Tbilisi is worse than at the national level. Although small positive dynamics have been observed in recent years, according to the 2017 local elections, the average share of women in local councils was only 13.5% (it should be noted that this number is higher in Tbilisi – 20%).¹⁵

¹² Proportion of seats held by women in national parliaments (%). (2021). Inter-Parliamentary Union (IPU). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SG.GEN.PARL.ZS?locations=GE> (accessed: 03.01.2022).

¹³ FROGEE Policy Conclusions from Georgia. (2021). ISET – International School of Economics at TSU (pp. 9–13). (In Georgian).

¹⁴ The future parliament of Georgia: with or without increased representation of women? (2021). UNDP Europe and Central Asia. URL: <https://equalfuture.eurasia.undp.org>. (accessed: 03.01.2022). (In Georgian).

¹⁵ Alivizatos, N., Frendo, M., Pabel, K., & Karagiannidou, E. (2021). Georgia urgent joint opinion on revised draft amendments to the election code. European Commission for Democracy Through

The 2021 local self-governance elections were held according to different rules from the previous elections: one of the changes concerned the introduction of gender quotas in the elections for the city councils – parties were obliged to include at least one female candidate in the top three candidates in the proportional list. The law was passed by the parliament after a bill was introduced that required every second candidate on the Sakrebulo's (Local Government) proportional lists to be a woman. The rule did not apply to the 2017 local government elections, although there was an incentive to allow parties whose every third candidate on the list would be of the opposite sex to receive additional funding. Nevertheless, if we analyze the results of the 2017 elections, only 10 out of 50 members of the Tbilisi City Council were women, and among the 25 members included in the proportional list, only 4 were women.¹⁶

In addition to gender quotas, another change concerns the number of majoritarian constituencies. If until now 25 members were elected in the Tbilisi Sakrebulo by proportional representation and 25 by the majoritarian system, Tbilisi was represented by 10 majoritarian constituencies in the 2021 local self-governance elections. The number of candidates running on the proportional list did increase and the City Council was staffed in the proportion of 40/10.¹⁷

Another challenge to gender equality in Georgia is the inappropriate social environment, which does not allow women to overcome a certain barrier of financial well-being in order to participate in political activities. Over the past few years, poverty in Georgia has declined significantly in both urban and rural areas. Since 2010, poverty at the national level in Georgia has decreased from 37.3% to 19.5% in 2019. Generally speaking, it should be noted that the greatest decline in poverty was recorded in rural areas. Between 2010 and 2019, rural poverty fell by almost 20 percentage points, from 43.3% to 23.7%. Meanwhile, the poverty rate in urban areas also fell from 32.7% to 16.4%. During the period from 2018 to 2019, there was a decrease in the national poverty level, but at the same time, poverty increased slightly among rural households (see Figure 3).

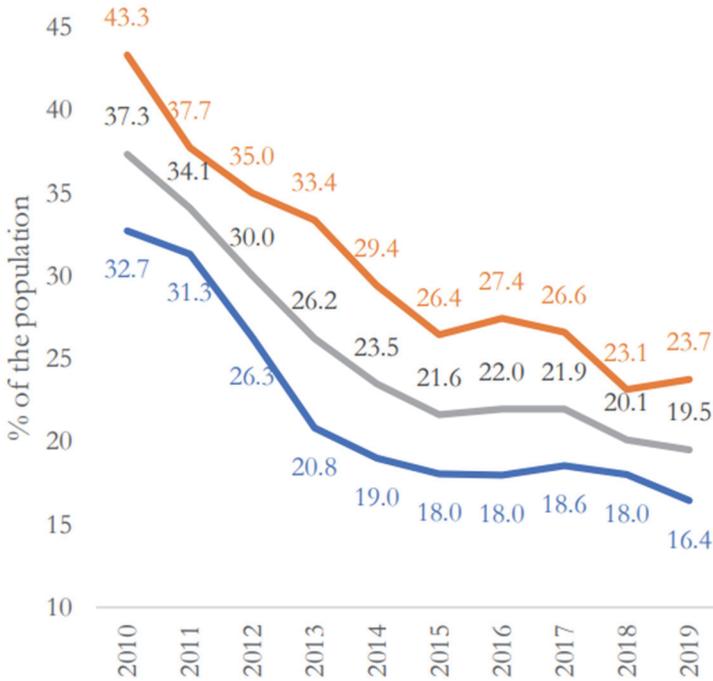
It is possible to talk about the dependence of the well-being of women on marital status, which also represents a barrier to the solvency of women in political life. Married women are most likely to suffer from poverty, and divorced women are a very vulnerable group, they are on average ten percent poorer than married women. Unequal status in family relations and the impossibility of independent economic activity jeopardize women's ability to participate in politics. Moreover, divorced women often become economically vulnerable, as they were participants in economically unequal marriages (see Figure 4).

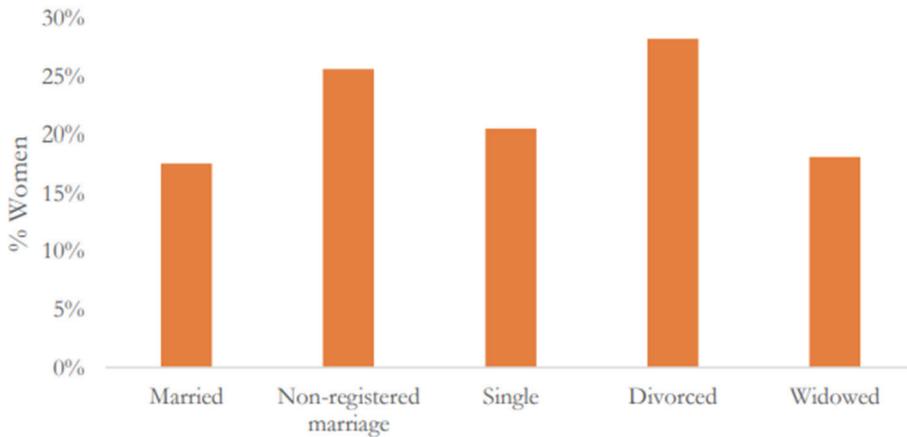
Law (Venice Commission) (pp. 6–12). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI\(2021\)011-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI(2021)011-e) (accessed: 16.01.2022)

¹⁶ Elections and Democracy. (2021). Election Magazine № 5. Supreme election commotion. URL: <https://rm.coe.int/ready-for-printing-electoral-journal-5th-edition/1680a32082> (accessed: 03.01.2022). (In Georgian).

¹⁷ Organic Law of Georgia Local Self-Government Code. Official Tbilisi City Council Website. (2021). URL: http://www.tbsakrebulo.gov.ge/uploads/reglamenti/kanoni_adgilobrivi.pdf (accessed: 03.01.2022). (In Georgian).

Fig. 3. Georgia poverty rate 2010-2019
 Source: National statistics of Georgia¹⁸

Fig. 4. Poverty incidence by marital status of women, 2020
 Source: The World Bank. Country Gender Assessment Georgia¹⁹

¹⁸ National statistics office of Georgia. Share of population under absolute poverty line. URL: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/192/living-conditions> (accessed: 03.01.2022). (In Georgian).

¹⁹ The World Bank. Country Gender Assessment Georgia. 2021. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/407151616738297662/pdf/Georgia-Country-Gender-Assessment.pdf> (accessed: 16.01.2022). Note: Poverty defined by the national absolute poverty line. Restricted to women 15 years and older.

Conclusion

The difference between the participation rates of women and men in Georgian politics can be explained by the fact that they have different interests and desire to participate in politics. The most important factors influencing the low participation of women in Georgian politics are the attitude of women towards the election campaign and the political environment, family traditions, the perception of gender roles in the society. This opinion is supported by the results of focus groups conducted with women living in different parts of Georgia [Serpe 2018]. According to the survey, most women think that politics is a “dirty” business. Women are also concerned that the campaign will negatively affect their children and families. According to the traditional distribution of family affairs, the burden of family responsibilities falls mainly on women, which prevents women from engaging in politics. In Georgia, women have a disproportionately high share of household chores compared to men, while women who work full-time bear the double burden of family and work responsibilities. According to the latest survey of the United Nations Population Fund,²⁰ domestic activities in Georgia, such as cleaning, cooking or laundry, are the duty of women for 80% of respondents. 49% of respondents said that childcare activities in the family are the prerogative of women, while 43% said that the above cases are divided between women and men in the family.

Inadequate representation of women in Georgian politics is also conditioned by the factors of the “demand” side: the society’s expectations towards the candidates are incompatible with their gender expectations. This finding is particularly relevant to Georgia, where traditional views on how women should behave differ significantly from public perceptions of how leaders should behave. This attitude has changed over time. According to a United Nations Development Program survey, by 2020, 60% of respondents supported the involvement of women in political life. This figure is 10 percent higher than the 2013 figure (50%). The driving force behind this change is a shift in public attitudes towards women’s participation in politics, especially among Georgian women. In 2020, 72% of women thought that involving women in politics would be beneficial for the country, up from 56% in 2013. The percentage distribution of respondents did not change in the case of men (45% in 2020 and 43% in 2013). At the same time, in 2020, 37% of female respondents and 62% of male respondents agreed with the statement that men are better political leaders than women when in 2013 these figures were 56% and 69%, respectively. Moreover, by 2020, 42% of women and 63% of men believed that politics is a man’s business. In 2013, 56% of women and 77% of men agreed with this opinion. This change shows that over the last 8 years,

---

²⁰ United Nations Population Fund Country programme document for Georgia. (2020). Executive Board of the United Nations Development Programme, the United Nations Population Fund and the United Nations Office for Project Services; DP/FPA/CPD/GEO/4 (p. 10).

Georgians' perceptions and attitudes towards women's social inclusion have significantly improved.²¹

Historically established gender stereotypes that contribute to the unequal distribution of unpaid domestic work in Georgian families are a central barrier to women's increased political participation. Thus, it is important to make policy changes related to the burden of unpaid domestic work: for example, improved access to quality child and elderly care services may significantly reduce the burden of unpaid domestic work on women. At the same time, encouraging men to take maternity leave may play a key role in breaking down gender stereotypes.

Received / Поступила в редакцию: 23.09.2021

Revised / Доработана после рецензирования: 20.10.2021

Accepted / Принята к публикации: 15.11.2021

References

- Ara, F. (2019). Barriers to the political participation of women: A global perspective. *Society & Change*, 13(4), 7–22.
- Ballington, J. (2014). The Implementation of Quotas: African Experiences Quota Report Series. In J. Ballington (Ed.), *International Idea*.
- Barnes, T., & Beaulieu, E. (2019). Women politicians, institutions, and perceptions of corruption. *Comparative Political Studies*, 52(1), 134–167.
- Baturo, A., & Gray, J. (2018). When do family ties matter? The duration of female suffrage and women's path to high political office. *Political Research Quarterly*, 71(3), 695–709.
- Belschner, J., & de Paredes, M. (2021). Hierarchies of representation: The re-distributive effects of gender and youth quotas. *Representation Journal of Representative Democracy*, 57(1), 1–20. <http://doi.org/10.1080/00344893.2020.1778510>
- Hernes, H. (2018). Women and the welfare state: the transition from private to public dependence. In A.S. Sassoon (Ed.), *Women and the State* (pp. 77–92). London, Routledge.
- Hessami, Z., & Lopes da Fonseca, M. (2020). *Female Political Representation and Substantive Effects on Policies: A Literature Review*. IZA – Institute of Labor Economics (IZA DP No. 13125), 4–13.
- Mlambo, C., & Kapingura, F. (2019). Factors influencing women political participation: The case of the SADC region. *Cogent Social Sciences*, 5(1), 28–41. <https://doi.org/10.1080/23311886.2019.1681048>
- Profeta, P. (2020). *Gender Equality and Public Policy: Measuring Progress in Europe*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108525886>
- Reyes, G. (2001). Four main theories of development: modernization, dependency, world-system, and globalization. *Nómadas. Revista Crítica de Ciencias Sociales y Jurídicas*, 4(2), 109–124.
- Serpe, L. (2018). Focus Group Findings on Perceptions of Women in Georgian Politics – An Assessment of Perceptions of Women as Political Candidates and Elected Officials. International Foundation for Electoral Systems. Statistics Sweden.
- Shames, S., & Wise, T. (2017). Gender, diversity, and methods in political science: A theory of selection and survival biases. *PS: Political Science & Politics*, 50(3), 811–823.

---

²¹ Men, women, and Gender relations In Georgia: Public perceptions and attitudes. (2020). UN Joint Programme for Gender Equality funded by the Government of Sweden. URL: https://www.ge.undp.org/content/georgia/en/home/library/democratic_governance/gender-survey-report.html (accessed: 03.01.2022).

Сведения об авторах:

Амиантова Ирина Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления РУДН (e-mail: amiantova_is@rudn.ru) (ORCID: 0000-0003-1543-0815)

Бицадзе Николоз – аспирант кафедры политического анализа и управления РУДН (e-mail: 1042208033@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-6567-7184)

About the authors:

Irina S. Amiantova – PhD, Associate Professor at the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: amiantova_is@rudn.ru) (ORCID: 0000-0003-1543-0815)

Bitsadze Nikoloz – postgraduate at the Department of Political Analysis and Management Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: 1042208033@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-6567-7184)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-148-165

Научная статья / Research article

Гендерное равенство в политическом пространстве стран Юга Африки: успехи и проблемы становления

Л.Я. Прокопенко

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ skole60@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной и востребованной в современных общественных науках проблеме – гендерному равенству в политике. С начала 2000-х годов расширение представительства женщин в органах власти всех уровней в ЮАР и ряде других государств Юга Африки стало одной из главных особенностей формирования политического руководства. Для этого существуют как юридические, так и институциональные условия, созданы национальные механизмы реализации гендерного равенства. Современная концепция равенства женщин и мужчин в политике в большинстве стран на практике реализуется через использование системы квот женского представительства на выборных должностях. Автор отмечает, что произошла ломка стереотипов, согласно которым женщины могут заниматься исключительно социальной сферой (образованием, здравоохранением, проблемами молодежи и детей). Африканки успешно работают на постах министра иностранных дел, обороны, безопасности и финансов. Они вносят значимый вклад в разработку внешней и внутренней политики, а также решение социально-экономических проблем. На основании проведенного анализа (применялись функциональный, сравнительный и психобиографический методологические подходы) отмечается, что основными причинами недостаточного уровня политического участия женщин в некоторых странах остаются конфликт между принципом равенства полов и традиционным укладом, система неформальных отношений в политике, низкий уровень политической грамотности и финансово-экономического статуса женщин, а также насилие. Важным фактором является недостаточный уровень внутривластной демократии. В африканском обществе постепенно меняются стереотипы гендерного сознания. Отношение к гендерному равенству в политике изменилось как на уровне руководства стран региона, так и в подходах избирателей, о чем свидетельствуют результаты выборов. Основным выводом автора состоит в том, что факт представительства женщин в органах власти – только часть (хотя и очень важная) решения проблемы гендерного равноправия, речь идет об эффективной деятельности этих женщин. Дальнейшему расширению гендерного равенства в политике в странах Юга Африки будут способствовать создание равных условий для мужчин и женщин по выдвижению на выборах, реальное действие демократических принципов в партиях, а также совершенствование политической культуры, исключая создание предпосылок для дискриминации по половому признаку.

Ключевые слова: гендерное равенство, политика, страны Юга Африки, квоты, национальные механизмы, Цели устойчивого развития, COVID-19

© Прокопенко Л.Я., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Прокопенко Л.Я. Гендерное равенство в политическом пространстве стран Юга Африки: успехи и проблемы становления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 148–165. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-148-165>

Gender Equality in the Political Landscape of Southern African Countries: Progress and Problems of Evolvement

Liubov Ya. Prokopenko

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ skole60@mail.ru

Abstract. Since the early 2000s, the expansion of women's representation at all levels of government in South Africa and several Southern African states has become one of the main features of the formation of political leadership. There are both legal and institutional preconditions for this, such as the creation of quota systems for women's representation in elective positions. The author notes the breakdown in the stereotype that women can be engaged exclusively in the social sphere (education, health care, problems of youth and children). African women successfully occupy the posts of ministers for foreign affairs, defense, security and finance. They make a significant contribution to the development of foreign and domestic policy, as well as to the solution of socio-economic problems. Based on the analysis made through functional, comparative and psycho-biographical methodological approaches, the author describes the main reasons for the insufficient level of political participation of women in some countries: the ongoing conflict between the principle of gender equality and the traditional order; the system of informal relations in politics; the low level of political literacy and the financial and economic status of women; as well as violence. Another important factor is the insufficient level of intra-party democracy. The author concludes that the representation of women in politics is only one (though very important) part of resolving the gender equality issue. The author argues that the further expansion of gender equality in Southern African politics will be facilitated by creating equal conditions for men and women to stand for election, implying real democratic principles within political parties, as well as developing a political culture that excludes the creation of preconditions for discrimination by gender.

Keywords: gender equality, politics, Southern African countries, quotas, national mechanisms, Sustainable Development Goals, COVID-19

For citation: Prokopenko, L.Ya. (2022). Gender equality in the political landscape of Southern African countries: Progress and problems of evolvement. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 148–165. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-148-165>

Введение

В сложившихся геополитических условиях (санкции Запада, попытки политической изоляции России) Африка стала важным вектором внешнеэкономического и внешнеполитического сотрудничества для РФ. Сегодня сохраняется актуальность укрепления взаимовыгодных отношений России с африканскими странами, в том числе Юга Африки. Наша страна на протяжении всей своей истории выступала за признание права наций на самоопределение. Партнерство России и ЮАР в рамках БРИКС стало не только новым этапом

в развитии отношений с ЮАР, но и открыло дополнительные возможности для сотрудничества с ее соседями по региону, очень тесно связанными с ней политически и экономически. Перспективы дальнейшего сотрудничества показал первый саммит и экономический форум «Россия – Африка» (г. Сочи, 23–24 октября 2019 г.), в подготовке и проведении которого активное участие принимал Институт Африки РАН во главе с его директором членом-корреспондентом РАН И.О. Абрамовой. В декларации саммита указывалось, что партнерство основывается «на дружественных связях между Российской Федерацией и африканскими государствами и традициях совместной борьбы за деколонизацию и становление независимости африканских государств, а также на богатом опыте многогранного и взаимовыгодного сотрудничества, отвечающего интересам наших народов»¹. Для развития двусторонних связей между РФ и странами Юга Африки необходимо расширение и углубление знаний о специфике исторического развития, экономики, культуры стран региона и современных проблем африканского общества. В этом значимая роль принадлежит российским африканистам, прежде всего ученым из Института Африки РАН – «главного мозгового центра российской африканистики» [Абрамова 2019:7], а также ученым из РУДН (в котором, кстати, учился ряд африканских женщин-политиков), Центра африканских исследований Института Всеобщей истории РАН и ИСАА при МГУ.

Мировое сообщество в лице ООН считает гендерное равенство неотъемлемой составной частью общей концепции равенства. Как отмечается в Целях устойчивого развития (ЦУР), принятых ООН 25 сентября 2015 г., «Гендерное равенство – это не только одно из основных прав человека, но и необходимая основа для достижения мира, процветания и устойчивого развития»². В полной мере это относится к странам Африки, где по-прежнему происходят конфликты разного уровня, стоят задачи борьбы с ВИЧ/СПИДом, нищетой. Одним из факторов демократического развития является участие женщин в принятии важных государственных решений, разработка мер по недопущению изоляции женщин от политической жизни. Становление гендерного равенства в политической сфере закрепляет политические права женщин избирать и быть избранными в органы государственной власти всех уровней, что, как отмечает российский ученый С.Г. Айвазова, «...является одним из самых точных индикаторов демократизации общества» [Айвазова, 2008:5]. Это также крайне актуально для электорального процесса в Африке, где женщины составляют более 50% населения.

Страны Юга Африки, за исключением монархий Лесото и Эсватини (бывший Свазиленд), по типу государственного устройства являются президентскими или парламентскими республиками. Здесь насчитывается много

¹ Декларация первого саммита Россия – Африка. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5453/print> (дата обращения: 25.10.2021).

² Цели в области устойчивого развития ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality> (дата обращения: 24.11.2021).

проблем, решение которых требует участия женщин: образование, СПИД, насилие в отношении женщин и детей, ранние браки, адаптация детей – участников бывших военных конфликтов (в Анголе и Мозамбике). С начала 1990-х гг. в странах региона произошел переход/возврат к политическому плюрализму. Политическое развитие ЮАР, Мозамбика, Намибии за последние десятилетия наглядно демонстрирует успехи в расширении участия женщин в принятии государственных решений. О понимании правящими элитами его значимости свидетельствуют создание министерств по делам женщин (в ЮАР, Замбии, Анголе, Зимбабве и Намибии), парламентских комитетов и гендерных центров. Например, в ЮАР созданы и действуют Комиссия по гендерному равенству (Commission for Gender Equality), Бюро по положению женщин (Office on the Status of Women), Парламентский мониторинговый комитет по повышению качества жизни и положению женщин (Parliamentary Ad Hoc Committee on the Quality of Life and Status of Women). В рамках реализации государственной программы гендерного равенства с середины 1990-х годов создаются различные центры и школы лидерства для женщин, в том числе при университетах. В октябре 2019 г. в университете Нельсона Манделы (г. Порт Элизабет) был создан еще один такой центр (The Centre for Women and Gender Studies).

В большинстве стран региона расширение представительства женщин в органах власти с 2000-х годов (а в ЮАР с середины 1990-х) свидетельствует о возрастании их роли в политическом процессе. В 2000 г. по числу женщин в парламенте ЮАР и Мозамбик (30%) входили в первую десятку стран мира. Эти показатели были близки к показателям развитых европейских стран, например Швеции (45%), Норвегии (39,6%), Нидерландов (38,7%). В 2009 г. ЮАР и Лесото вошли в первую десятку государств мира, успешно решающих проблему гендерного равенства, в том числе в политике. В этом списке ЮАР занимала 2-е место по количеству женщин-депутатов парламента и 5-е место по количеству занимаемых женщинами министерских постов. Происходила ломка стереотипов, согласно которым женщины могли заниматься исключительно социальной сферой. Женщины теперь успешно возглавляли МИД, работали министрами обороны, безопасности, финансов. Важной вехой на пути достижения гендерной симметрии в политике стало то, что в 2012 г. президентом Малави стала Джойс Банда – вторая женщина, возглавившая государство в современной Африке. Женщины входят в высший эшелон власти, став вторыми лицами в государстве (вице-президентами и премьер-министрами), например в ЮАР, Малави, Зимбабве, Мозамбике, Замбии и Намибии.

Признавая значимость высоких количественных показателей представительства африканок в органах власти стран Юга Африки, необходимо отметить, что сами по себе они не гарантируют эффективность их работы или уверенность в том, что в качестве членов правительства или парламентариев те будут активно отстаивать интересы женщин. В ряде стран факт представительства женщин в органах законодательной и исполнительной власти пока мало влияет на улучшение социально-экономического положения женской части населения и, следовательно, на развитие общества в целом.

Из истории вопроса

На Юге Африке, как и в других странах континента, ставших или вернувшихся на путь демократических преобразований в начале 1990-х годов, предпосылки становления гендерного равенства в политике имеют как объективный характер (политическая модернизация), так и субъективный (рост политической активности самих женщин). В ЮАР, Анголе, Зимбабве, Мозамбике и Намибии женщины получили значительный политический опыт, принимая активное участие в борьбе национально-освободительных движений за независимость, борьбе с апартеидом и в годы гражданских войн (Ангола и Мозамбик), когда они боролись, часто с оружием в руках, наравне с мужчинами. По этой причине признание их равенства с мужчинами рассматривается в этих странах как одно из проявлений справедливости [Шубин 1999]. Борьба за гендерное равенство в ЮАР имеет почти столетнюю историю.

В период существования режима апартеида (до 1989 г.) в органах власти женщин (белых и цветных) было крайне мало, в парламенте они составляли не более 3%. Те немногие, кто в разное время были членами парламента (например, В.М. Беллингер, М. Костер, М. Малхербе, Б. Соломон, Х. Сузман), имели достаточный опыт проявления мужского шовинизма по отношению к ним. Интересно, что одним из первых борцов за права женщин была адвокат Берта Соломон, родившаяся в 1892 г. в Минске (ее родители эмигрировали в Южную Африку в начале XX века). В 1938 г. ее избрали членом парламента, в котором она работала на протяжении двадцати лет (до 1958 г.). Как депутат она не только отстаивала юридические права женщин в семейном праве, но и ратовала за гендерное равенство в политике. А депутат парламента в 1953–1989 гг. Хелен Сузман была в числе немногих белых политиков, которые открыто критиковали апартеид. В рядах женщин-борцов с апартеидом (в этом списке более 170 фамилий) чернокожие (Л. Нгойи, А. Сисулу, Д. Тамана, В. Мадикизела-Мандела, Д. Ньембе, Б. Ксова, Н. Дламини-Зума), белые (Р.А. Саймонс, Х. Джозеф, Х. Берштейн, Х. Сузман) и цветные (А. Качалиа, Ф. Джинвала, Л. Сисулу). Многие из них были членами Африканского национального конгресса (АНК) (ныне правящей партии в ЮАР), были также члены Южно-Африканской коммунистической партии (ЮАКП) и Партии свободы Инката.

В процессе политической модернизации создание условий для роста представительства женщин в органах законодательной и исполнительной власти в странах региона объясняется также имиджевым фактором: руководство при решении гендерных вопросов пытается соответствовать мировым тенденциям, что положительно влияет на имидж этих стран в глазах международного сообщества, а также способствует получению помощи западных доноров.

Аспекты политической модернизации и взгляд на политический процесс сквозь призму гендерных отношений, как в странах Африки, так и на юге континента, рассматривались в ряде работ зарубежных авторов, в том числе

африканских [Meena 1992; Bond 2000; Geisler 2004; Britton 2005; Tripp 2015; Amundsen, Kayuni 2016; Gendered institution... 2021; Gillard, Okonjo-Iweala 2021].

Национальные механизмы, гендерные квоты

Основопологающим документом африканской системы защиты прав человека является Африканская хартия прав человека и народов (1981 г., Найроби (Кения)). Права женщин были дополнительно закреплены в специальном Протоколе к ней, который по инициативе Комиссии Африканского союза (АС) был принят в 2003 г. в г. Мапуту (Мозамбик). Равенство полов в большинстве стран закреплено в конституции, национальном законодательстве, приняты национальные программы развития, в которых предусмотрено расширение прав и возможностей женщин (например, программы Vision 2030 в Замбии и Намибии). Национальные механизмы реализации гендерного равенства развиты во всех странах региона, однако они отличаются по степени структурированности и по уровню координации между их структурами.

Наиболее развит национальный механизм в Южно-Африканской Республике (The National Gender Machinery (NGM)), он хорошо структурирован и охватывает все уровни государственного управления. Помимо подразделений в правительстве, парламенте (действует Парламентский мониторинговый комитет по повышению качества жизни и положению женщин, о котором уже упоминалось выше), судах и специальных комиссиях созданы подразделения в институтах гражданского общества (например, в профсоюзах), которое в стране реально существует. Успехи реализации политики гендерного равенства в ЮАР стали результатом многолетней деятельности этих структур, основанной на тесном взаимодействии и кооперировании. В национальном механизме ЮАР выделены три основные цели: достижение равных возможностей женщин и мужчин в политической, гражданской, социально-экономической и культурной сферах, приоритизация потребностей женщин, поскольку они в большей мере пострадали от системы апартеида; трансформация всех региональных, национальных и местных институтов посредством интеграции в их деятельность комплексного гендерного подхода. Все эти меры привели к изменениям, повысившим статус женщины в обществе, в результате чего «отношения между мужчинами и женщинами стали менее несправедливыми и более равными» [McDowell 1999:22].

На практике в ЮАР, Мозамбике, Намибии, Лесото, Анголе, Зимбабве гендерное равенство в политике реализуется через использование системы квот (на национальном уровне и/или в партиях) женского представительства на выборных должностях. Например, в ЮАР в правящей партии АНК установлена 50% квота представительства женщин во всех его выборных структурах. Закреплено квотирование на региональном уровне: в 1997 г. Сообщество развития Юга Африки (САДК), в которое входят страны региона, приняло специальную декларацию, поставившую цель до 2005 г. установить в странах-членах 30%-е представительство женщин на руководящих должностях.

В 2011 г. этот целевой показатель увеличили до 50%. Таким образом, в плане становления гендерного баланса в органах власти перечисленные страны развиваются соответственно мировым тенденциям. На сегодняшнем этапе их развития квотирование как один из элементов государственного регламентирования подбора политических кадров необходимо и оправдывает себя. Так, в Зимбабве после принятия в 2013 г. новой конституции, закрепившей 30%-ю квоту для женщин в органах власти, на парламентских выборах 2018 г. в законодательном органе стало 32% женщин-депутатов.

В становлении гендерного равенства в сфере политики определенную роль играют профсоюзы, в структуре которых в ряде стран функционируют отдельные комитеты по делам женщин. В ЮАР результаты официальной гендерной политики оказались достаточно эффективными в результате поддержки многих инициатив парламента профобъединением КОСАТУ (Congress of South African Trade Unions, COSATU). В Ботсване профсоюзы учителей активно участвовали в обсуждении национальной политики, направленной на расширение прав и возможностей женщин во всех сферах общественной, экономической и политической жизни страны, которую правительство приняло в 1998 г.

На развитие политической активности африканок влияет общественная деятельность первых леди, которые часто поддерживают расширение политического участия женщин. В ходе политической либерализации роль первых леди значительно возросла, что является частью более широкого процесса женской политической эмансипации. Они, по образному выражению французской исследовательницы Александры Саж, «покинули будуары и поднялись на трибуны» [Sage 1998:60]. Эффективная деятельность первых леди (например, благотворительность, борьба с ВИЧ/СПИДом, защита прав детей-инвалидов) все более значима, встречает одобрение сограждан, мирового сообщества и положительно влияет на формирование благоприятного политического имиджа супругов и стран в целом [Van Wyk, Nyere, Muresan 2018; Prokopenko 2021]. В современных реалиях отмечается тесная связь и взаимообусловленность становления и развития института «первой леди» с повышением роли женщин в африканском обществе. Влияние первых дам зеркально отражает положение женщин в обществе. Однако, говоря об их роли в политической жизни стран Юга Африки, необходимо отметить определенный дуализм: участвуя в общественной жизни, в ряде случаев они становятся доминирующими игроками, оттесняя на периферию женские движения.

От Целей развития Тысячелетия к Целям устойчивого развития ООН

За последние десятилетия многие страны Юга Африки добились значительных успехов по уровню представительства женщин в парламенте. Лидирующие позиции сохраняет ЮАР – пионер в регионе по равноправию полов в общественно-политической жизни. В 1999 г. в демократической ЮАР женщины (в основном чернокожие) занимали уже 30% депутатских мест.

По образному выражению американских исследователей Памелы Пакстон и Мелани Хьюз, «...женщины ЮАР совершили в этом плане „большой прыжок“» [Paxton, Hughes 2015:133]. Женщины-парламентарии приложили немалые усилия для принятия целого ряда законов, в том числе способствующих становлению гендерного равенства, они с самого начала своего избрания стали «„перестраивать“ парламент, создавая возможность для реализации прав женщин» [Britton 2005:7].

Женщины в странах региона имеют значительный опыт электорального участия, так как демократические выборы состоялись неоднократно, например, 9 раз в Замбии, 6 в ЮАР.

Согласно данным ежегодного исследования Всемирного экономического форума (ВЭФ) о равноправии полов, в 2014 г. Мозамбик по уровню расширения прав и возможностей женщин в политике вошла в первую двадцатку стран. В рейтинге из 142 стран мира он был на 19-м месте (для сравнения: ЮАР была на 12-м месте, Ангола – 38-м, Малави – 41-м, Лесото – 57-м, Намибия – 62-м месте)³.

В ряде стран женщины неоднократно занимали должности спикеров и заместителей спикера парламента. Впервые им стала Френе Джинвала (ЮАР) в 1994 г. Оставаясь на этом посту до 2004 г., она активно участвовала в подготовке около 500 законов, заложивших основу демократической ЮАР. А в Лесото в 1999 г. спикером парламента стала Н. Мотсамаи, причем этот политик повторно занимала этот пост в 2015–2017 гг. В 2021 г. женщины являются спикерами (или их заместителями) парламента в ЮАР, Зимбабве, Эсватини, Лесото, Малави, Мозамбике и Замбии.

Между РФ и странами региона налажено межпарламентское сотрудничество. Женщины-депутаты из стран Юга Африки участвовали в работе первого и второго Международных форумов «Развитие парламентаризма», которые под эгидой Государственной думы РФ проходили в Москве 4–5 июня 2018 г. и 30 июня – 3 июля 2019 г.

Дальнейшее становление гендерного равенства в политике связано с реализацией Целей устойчивого развития (ЦУР). Необходимо отметить, что в их разработке принимали участие представители стран Юга Африки. Активистом группы по разработке ЦУР была Граса Машел – видный мозамбикский политик и общественный деятель, председатель Фонда развития общин и Национальной комиссии ЮНЕСКО в Мозамбике, а также бывшая первая леди Мозамбика и ЮАР. Одним из сопредседателей межправительственной Открытой рабочей группы Генассамблеи ООН по ЦУР была ЮАР. А Замбия и Зимбабве принимали участие в работе по подготовке предложений по ЦУР и определению комплекса задач и индикаторов их выполнения, а также финансовых обязательств.

---

³ The Global Gender Gap Report 2014. World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/GGGR14/GGGR_CompleteReport_2014.pdf (accessed: 15.11.2021).

С момента принятия ЦУР ООН прошло шесть лет. В ряде стран региона (ЮАР, Намибии, Мозамбике, Анголе) наблюдается положительная динамика расширения политического участия женщин. Решающим фактором в обеспечении учета гендерной проблематики во всех сферах, в том числе в политике, является политическая воля руководства. Лидеры ряда стран поддерживают реализацию ЦУР в области гендерного равенства. В Ботсване Дорожная карта по ЦУР была утверждена президентом Яном Кхамой в феврале 2018 г. В ее разработке участвовал нынешний президент страны Мокветси Масиси, который в тот период занимал пост вице-президента. Нынешний президент ЮАР Сирил Рамапоса также подтвердил свою приверженность гендерному равенству в политике. Был последовательным в этом плане и президент Замбии Эдгар Лунгу, сложивший свои полномочия в августе 2021 г.

Одна из важных проблем при составлении национальной стратегии – доступность гендерных данных, которые необходимы при составлении и корректировке национальной политики. Их дефицит наблюдается, например, в Лесото и Эсватини, что осложняет разработку национальной стратегии в отношении гендерного равенства.

Ряд стран, прежде всего ЮАР, демонстрируют понимание центральной роли политических партий в продвижении политического участия и представительства женщин. Приняты решения рассмотреть и реформировать учредительные документы, включая конституции и партийные правила и процедуры, привести их в соответствие с национальной гендерной политикой, а также выполнить сторонами взятые обязательства. В процесс реализации ЦУР включаются различные национальные НПО. Однако доминирование в политическом процессе правящих партий осложняет этот процесс. Например, в Мозамбике правящая партия ФРЕЛИМО влияет на все сферы жизни общества, поэтому для карьеры политика безоговорочная лояльность партии имеет крайне важное значение. Как отмечает исследователь Синди Карберг, «Некоторые силы внутри правящей партии ФРЕЛИМО ограничивают влияние женщин и просто используют женщин, находящихся во власти для мобилизации женских голосов вместо того, чтобы учитывать истинную гендерную перспективу» [Karberg 2015:15]. Для преодоления этого и в борьбе за гендерное равенство значительная роль должна принадлежать гражданскому обществу.

Женщины и Олимп власти

Как уже отмечалось, на Юге Африки женщина была президентом только в Малави. Джойс Банда, став президентом в 2012 г. по конституции как вице-президент, ввела режим жесткой экономии, в том числе урезала собственную зарплату и зарплату вице-президента на 30%, отдала также распоряжение продать дорогостоящий президентский самолет. Проводя политику борьбы с коррупцией, в октябре 2013 г. она отправила в отставку правительство в полном составе. Реализация внутренней политики нового президента привела к возобновлению иностранной помощи, в результате чего рост ВВП в 2014 г.

вырос до 5% (в 2012 г. – 2%). Ей удалось сохранить политическую стабильность в стране и улучшить систему здравоохранения. Однако в сентябре 2013 г. ее дальнейшую карьеру разрушил коррупционный скандал под названием «Cashgate», связанный с обвинениями Банды политическими оппонентами в злоупотреблениях в ходе подготовки ее будущей президентской кампании в 2014 г. Она все же баллотировалась на тех выборах, но получила всего 20,2% голосов избирателей.

На протяжении последних десяти лет развитие политического процесса в ЮАР и Зимбабве давало основания предполагать, что в обозримом будущем в галерею женских портретов глав африканских государств появятся новые. Возможность гендерных изменений на вершине власти в этих странах оставалась вплоть до декабря 2017 г.

В ЮАР у поборников гендерного равенства в политической сфере были реальные основания рассчитывать на то, что главой государства станет женщина [Прокопенко 2018:167–182]. Они были связаны с успехом партии Демократический альянс (ДА) во главе с Хелен Зилле, получившей на парламентских выборах 2014 г. 22% голосов избирателей и составившей серьезную конкуренцию правящему АНК. И в ЮАР заговорили громче о возможности появления женщины-президента. Такая реальная возможность появилась в период подготовки к следующим выборам, назначенным на 2019 г. Основным претендентом на пост лидера правящего АНК, а значит, и будущего президента страны долгое время считалась видный его член Нкосазана Дламини-Зума, тогдашний председатель Комиссии Африканского союза (АС). Она одна из наиболее опытных женщин-политиков ЮАР, так как работала в правительствах всех президентов (Н. Манделы, Т. Мбеки, К. Мотланте и Дж. Зумы), и к тому моменту в ее послужном списке была работа на постах министра здравоохранения, министра иностранных дел и министра внутренних дел. Как отмечает южноафриканский исследователь Патрик Бонд, Н. Дламини-Зума за твердость позиции и упорство в реализации принятых решений некоторые называли «ракетой с тепловым наведением» [Bond 2000:172].

Гендерная составляющая создавшейся тогда ситуации в правящей элите ЮАР и ответ на вопрос, станет ли женщина главой этого государства после столетней борьбы за политические права женщин, однако, были неглавными. В центре политического процесса стояла проблема сохранения власти в руках АНК вообще. Падение поддержки партии Нельсона Манделы, приведшей страну к демократии в 1994 г., на всеобщих выборах в 2014 г. и особенно на выборах в местные органы власти в 2016 г. свидетельствовали об уменьшении популярности АНК. (Это, кстати, продемонстрировали и результаты муниципальных выборов, состоявшихся 1 ноября 2021 г.). В декабре 2017 г. лидером партии был избран Сирил Рамапоса, который в феврале 2018 г. и стал новым президентом ЮАР.

Предпосылки гендерных изменений на высшем уровне власти были также в Зимбабве. В декабре 2014 г. на съезде правящей партии ЗАНУ–ПФ (Африканский национальный союз Зимбабве – Патриотический фронт) 91-летний

президент Роберт Мугабе вновь был переизбран ее лидером, а его супруга Грейс Мугабе – лидером Женской лиги этой партии. После отставки вице-президента страны Джойс Муджуру, которую считали преемником Мугабе на посту президента, заговорили о намерении зимбабвийского лидера на выборах в 2018 г. передать власть первой леди. Однако ее надеждам стать во главе государства не суждено было сбыться. 15 ноября 2017 г. военные взяли ситуацию в стране под контроль, на заседании партийного руководства ЗАНУ–ПФ Мугабе был отозван с постов лидера страны и партии, а его супруга с несколькими ее высокопоставленными сторонниками были из партии исключены.

Четыре раза за последние 15 лет женщины баллотировались на пост главы государства в Замбии, но на выборах, состоявшихся в августе 2021 г., список кандидатов был сугубо мужским.

В Намибии впервые женщина (Эстер Муньянге) баллотировалась на выборах, состоявшихся в 2019 г., хотя накануне выборов 2009 г. говорили о президентских амбициях Моники Нашанди, одного из видных деятелей правящей партии Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО). На партийной конференции СВАПО она вошла в список десяти кандидатов в президенты (в Намибии, как и в ЮАР, президента страны избирает парламент), но не была зарегистрирована, так как, работая в тот момент послом страны, не успела вовремя оформить карточку избирателя. В Анголе за период независимости женщина баллотировалась на пост президента единственный раз – на первых многопартийных выборах в 1992 г.

Необходимо отметить, что в Мозамбике ни на одних выборах, начиная с 1994, кандидатов-женщин не было. В Ботсване, несмотря на то что ее часто называют «витриной африканской демократии», женщины также в президенты не баллотировались.

Препятствия на пути к гендерному равенству в политике

Африканки, попав на «орбиту» политической власти, живут и работают одновременно в системе нескольких координат – этнической, родовой, клановой, семейной, возрастной. Большое значение имеет сохраняющаяся в странах континента система неформальных отношений в политике (родственные, этнические и клановые связи). Зачастую женщины-политики вынуждены считаться с интересами своей этнической группы [Negotiating Patriarchy... 2021].

По-прежнему остается актуальным конфликт между принципом равенства полов и традициями. Иногда даже внутри одной страны отмечают исторически сложившиеся различия в подходах к гендерным проблемам. Например, в Мозамбике, где «ускорившийся процесс урбанизации открыл социальное пространство для женщин» [Tvedten 2011:24], в северных провинциях в большей степени сохранились патриархальные взгляды на роль женщины в обществе. Существующие в обществе двойные стандарты в отношении равных прав и возможностей обоих полов препятствуют продвижению женщин и возможности начать политическую карьеру.

В большинстве случаев женщины получают опыт политической борьбы в партиях. Но с начала перехода к политическому плюрализму в 1990-е годы партийная система в странах региона, как и в Африке в целом, эволюционировала значительно больше в количественном, чем в качественном, отношении. Необходимо совершенствование самого процесса партийного строительства, так как раздробленность партий (например, в ЮАР в состоявшихся 1 ноября 2021 г. муниципальных выборах участвовало 325 партий – рекордное количество за историю страны), частое отсутствие у них четкой собственной программы, создание партий на этнической основе ограничивают свободную конкуренцию и осложняют процесс становления политиков, в том числе женщин. На представительство женщин в парламенте отрицательно влияет недостаточная транспарентность (прозрачность) в процедурах выдвижения кандидатов на уровне политических партий, что свидетельствует о недостаточной внутрипартийной демократии. Депутаты парламента, избранные по партийным спискам, напрямую зависят от своих организаций, от их политической линии.

Серьезным препятствием на пути становления гендерного равенства в политике является проблема насилия. Юридически африканки защищены от насилия как международным, так и национальным правом. Однако именно насилие (в том числе физическое) или его реальная угроза часто становятся непреодолимым препятствием для политической активности африканок. Причиной все более частого превращения африканок в объект насилия в политике сегодня является то, что в процессе роста их политической активности, увеличения числа в органах власти и влияния они становятся серьезными оппонентами и подвергаются насилию наравне с мужчинами.

Проблема предотвращения насилия остро стоит в избирательном процессе. Необходимо отметить, что африканки выступают не только как объекты насилия (запугивание женщин-кандидатов, избивание их в ходе столкновений со сторонниками политических соперников), но и как его субъекты, так как приказы о разгоне несанкционированных демонстраций или арестах иногда дают женщины, которые, в частности в ЮАР, широко представлены в силовых структурах.

Фактор насилия негативно влияет на приход женщин в политику. Насилие (от запугиваний до применения физического насилия) существенно препятствует участию женщин в политической борьбе на выборах. За последние 15 лет тема насилия в политике остро заявляла о себе, например, в избирательном процессе в Зимбабве и Замбии. Необходимо отметить, что насилие наряду с социальной дискриминацией, низким уровнем политической грамотности по-прежнему является серьезным препятствием для реализации политических прав женщин даже в странах региона, добившихся в плане гендерного равенства ощутимых результатов. Африканки, сталкиваясь с различными проявлениями пренебрежения к себе в роли кандидата, угрозами, запугиваниями и даже открытого насилия до и в ходе выборов, часто вынуждены отказываться от своих политических намерений. Это отмечает ряд исследователей, в том числе африканских [Ndlovu, Mutale 2013:75–77].

В последние годы в странах Юга Африки проблеме предотвращения насилия в электоральном процессе уделяется большое внимание. В 2011 г. Сообщество развития Юга Африки приняло протокол по проблеме выборов, в котором говорилось также о мерах по искоренению насилия в отношении женщин в электоральном процессе.

Минимизация политического насилия в отношении женщин входит в задачу общего контроля над насилием, что сегодня является одним из необходимых условий развития общества. Необходимо отметить, что в 2000-е гг. политическое насилие и экономические кризисы в Зимбабве, Замбии и ЮАР уже нанесли серьезный ущерб их привлекательности в глазах иностранных инвесторов и резко снизили перспективы дальнейших инвестиций. Руководство, заботясь о стабильности и безопасности своих стран, в разной степени и с разными результатами продолжают искать пути уменьшения масштабов насилия для достижения ЦУР, поставленных ООН по устойчивому развитию на период до 2030 г. Например, в июне 2018 г. на региональном совещании министров по делам женщин стран САДК был рассмотрен проект стратегии по борьбе с гендерным насилием, рассчитанной на 2019–2030 годы.

У женщин, представляющих оппозиционные партии или выступающих на выборах в качестве независимых кандидатов (как это происходило в Замбии), шансы быть избранными значительно снижаются из-за использования властями административного ресурса.

В комплексе проблем, тормозящих продвижение африканок в политику, необходимо назвать также недостаточный уровень их политической грамотности, безработицу, нехватку дошкольных учреждений. Нельзя сбрасывать со счетов также преобладание традиционной «мужской модели» в политике, а также проявление сексизма.

Согласно данным Межпарламентского союза, в 2021 г. лидирующие позиции по числу женщин-депутатов парламента занимают ЮАР (47%), Намибия (43%) и Мозамбик (42%). Ниже эти показатели в Зимбабве (32%), Анголе (30%), Лесото и Малави (по 23%), Ботсване (11%) и Эсватини (10%)⁴. Сегодня женщины являются спикерами (или их заместителями) парламентов в ЮАР, Зимбабве, Эсватини, Малави, Мозамбике.

В начале 2021 г. в ЮАР на министерских постах было 48,3% женщин (на уровне с Нидерландами и США), в Мозамбике – 45,5%, Намибии – 39,1%, Замбии – 32,3%, Анголе – 31,8%, Эсватини – 31,6%, Лесото – 22,2%, Зимбабве – 20,8%, Малави – 17,4%, Ботсване – 15,8%⁵. В 2021 г. в органах местной власти женщины составляли в Намибии 45%, ЮАР – 41%, Лесото – 40%, Мало в Малави – 15%, Зимбабве – 14%, Замбии – 8%⁶.

⁴ Women in Politics: 2021. URL: [IPU_WomenInPolitics_2021_EN_V2.pdf](https://www.idea.int/sites/default/files/publications/womens-political-participation-africa-barometer-2021.pdf) (accessed: 20.11.2021).

⁵ Women in Politics: 2021. URL: [IPU_WomenInPolitics_2021_EN_V2.pdf](https://www.idea.int/sites/default/files/publications/womens-political-participation-africa-barometer-2021.pdf) (accessed: 20.11.2021).

⁶ Women's Political Participation. Africa Barometer 2021. Stockholm. P. 176. URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/womens-political-participation-africa-barometer-2021.pdf> (accessed: 20.11.2021).

На сегодняшний день наибольший прогресс на пути к гендерному паритету в политике среди стран Юга Африки отмечается в Намибии. В 2021 г. в рейтинге стран по равенству мужчин и женщин, который проводит Всемирный экономический форум, она вошла в число 19 стран мира (из 156-и) «с наименьшим уровнем гендерного разрыва в расширении политических прав и возможностей»⁷. В ЮАР при общих высоких показателях представительства женщин в парламенте и правительстве темпы сокращения гендерного разрыва уменьшились.

Одно из самых низких мест в регионе по уровню политического представительства женщин занимает Ботсвана. Впервые женщину (Г. Чипе) назначили министром еще в 1974 г. Однако в стране, ставшей на путь демократии в конце 1960-х, на протяжении десятилетий число женщин в политике остается незначительным. В 1998 г., по инициативе президента Фестуса Могае, была принята национальная политика, поддерживавшая расширение прав женщин. После пика представительства женщин в 1999 г. (18% в законодательной власти и 23% в местной) сегодня наблюдается регресс. На парламентских выборах, состоявшихся в октябре 2019 г., в парламент были избраны лишь 7 женщин. Несколько выше показатель представительства женщин в органах местной власти – 18%, но это значительно ниже 50% целевого показателя САДК. Озабоченность ситуацией высказывают женщины – представители различных политических партий и общественных организаций, которые намерены выдвигать свои кандидатуры на выборах в 2024 г. В стране начался процесс по пересмотру конституции, и тема необходимости обеспечения гендерного равенства активно обсуждалась на встрече женщин, состоявшейся в ноябре 2021 г. в столице страны г. Габороне. Ее участники обратились к президенту страны М. Масиси с просьбой обратить внимание на существующий гендерный дисбаланс в политике. Было заявлено, что «одной из причин, тормозящих продвижение женщин в политику, является отсутствие гендерных квот»⁸.

Факт представительства женщин в органах власти только часть (хотя и ключевая) решения проблемы гендерного равноправия, речь идет об эффективной деятельности женщин во власти. Необходимы своеобразный баланс достижений и проблем, обеспечение равенства прав и возможностей в политике для представителей обоих полов, которое должно стать стратегической задачей социальной политики государства.

Заключение

После утверждения ООН в 1995 г. Пекинской декларации и Платформы действий прошло более четверти века. За этот период в большинстве стран

⁷ Global Gender Gap Report 2021. World Economic Forum. Geneva. 2021. P. 33. URL: <https://www.weforum.org/reports/ab6795a1-960c-42b2-b3d5-587eccda6023> (accessed: 24.11.2021).

⁸ Botswana: Women demand new deal in Constitution. URL: <https://genderlinks.org.za/news/botswana-women-demand-gender-parity-in-new-constitution> (accessed: 21.11.2021).

Юга Африки условия становления гендерного равенства в политической сфере созданы де-юре и во многом реализованы де-факто. Политические элиты уже не мужской клуб, женщины представлены в нем достаточно широко. Значительный рост числа женщин в органах законодательной и исполнительной власти является реальным фактом, который имеет тенденцию к развитию. Африканки, принимающие участие в решениях на государственном уровне, достигли ощутимых результатов в устранении некоторых острых социальных проблем (СПИД, насилие в отношении женщин, проблемы детей), тормозящих развитие стран. Решать их приходится в условиях полиэтничного и многорасового (ЮАР, Зимбабве) государства. Практика показывает, что нередко вовлеченным в политику женщинам свойствен подход к решению проблем несколько отличный от мужского. Социальные проблемы им более понятны и близки, так как они – зачастую многодетные матери – на собственном опыте постоянно испытывают их влияние. Поэтому женщины-политики предпочитают принимать конкретные решения по конкретным проблемам, а не только говорить о них с высоких трибун.

Деятельность целого ряда африканок-политиков получила признание не только в их странах, но и в мире. Некоторые занимали/занимают высокие должности в международных организациях, например Н. Дламини-Зума (председатель Комиссии Африканского союза), Ф. Мламбо-Нгкука (заместитель генерального секретаря ООН и исполнительный директор структуры «ООН-женщины»), Н. Пиллэй (Верховный комиссар ООН по правам человека).

Налицо изменение взглядов на место женщины в африканском обществе, произошли реальные ментальные сдвиги в плане распределения гендерных ролей. В обществе постепенно происходит изменение стереотипов гендерного сознания. Меняются также подходы избирателей, которые все чаще заявляют о необходимости гендерного паритета в политике.

Мобилизация потенциала женщин во многом положительно влияет на политическое и социально-экономическое развитие. Опыт стран Юга Африки показывает, что проблема гендерного равенства, в том числе в политическом пространстве, является одной из базисных при решении вопроса, какое общество строится. Для достижения гендерного равенства в политике представляется важным также сам процесс дальнейшего развития политической культуры, исключающей создание предпосылок для дискриминации по половому признаку.

Многие ученые, аналитики, футуристы считают, что наш мир сохранится только при условии изменения стратегии глобального и локального поведения в сторону миролюбия, стабильности, отсутствия конфликтов разного уровня и масштабов, которые присущи ряду стран Африки. Этого нельзя достигнуть без участия женщин, в самой природе которых заложены такие качества.

На данном этапе дальнейшее развитие гендерного равенства в общественно-политической сфере во многом тормозит экономические трудности.

В последние годы даже ЮАР – форпост гендерного равноправия в общественно-политической жизни и признанная в мире модель составления государственного бюджета с учетом гендерных факторов – испытывает в этом плане серьезные проблемы. Новый глобальный вызов – пандемия COVID-19, разразившаяся в 2020 г., – дополнительно усугубила экономическую ситуацию во всех странах региона. А в ЮАР ограничения и локдауны в июле 2021 г. вызвали многотысячные беспорядки, которые привели к гибели более трехсот человек и убыткам в десятки миллионов долларов США. На уровне ООН уже признано, что пандемия наиболее жестко отражается на положении женщин, что может привести к регрессу в достижении гендерного равенства.

Перед государствами региона, как и перед Африкой в целом, стоят важные задачи сохранения мира и безопасности, борьбы с бедностью и СПИДом, дальнейших демократических преобразований. Эффективно решать их правящие элиты смогут только в условиях конструктивного диалога между своими представителями – мужчинами и женщинами. От их действий во многом зависит сама историческая судьба континента – будет он зоной конфликтов или зоной развития и мирного сосуществования государств.

Поступила в редакцию / Received: 10.09.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 13.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

Библиографический список

- Абрамова И.О.* Главный мозговой центр российской африканистики // Ученые записки Института Африки РАН. 2019. № 4 (49). С. 7–13. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2019-49-4-7-13>
- Айвазова С.Г.* Российские выборы: гендерное прочтение. М.: Консорциум женских неправительственных объединений. Институт социологии РАН, 2008.
- Прокопенко Л.Я.* Женщины и власть (на примере стран Юга Африки). М.: Институт Африки РАН, 2018.
- Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999.
- Amundsen I., Kayuni H.* Women in Politics in Malawi. Bergen: Chr. Michelsen Institute (CMI), 2016.
- Bond P.* Elite Transition from Apartheid to Neoliberalism in South Africa. Second Edition. London: Pluto Press, 2000.
- Britton H.E.* Women in the South African Parliament: From Resistance to Governance. University of Illinois Press, 2005.
- Geisler G.G.* Women and the Remaking of Politics in Southern Africa: Negotiating Autonomy, Incorporation, and Representation. Uppsala: Nordic Africa Institute, 2004.
- Gendered Institution and Women's Political Representation in Africa / D.H. Madsen (ed.).* Bloomsbury Publishing, 2021.
- Gillard J., Okonjo-Iweala N.* Women and Leadership: Real Lives, Real Lessons. London: Penguin Books, 2021.
- Karberg S.* Participação Política das Mulheres e sua influência para uma maior capacitação da Mulher em Moçambique. Friedrich Ebert Stiftung, 2015.
- McDowell L.* Gender, identity and place: understanding feminist geographies. Cambridge: Polity, 1999.

- Meena R. *Gender in Southern Africa: Conceptual and Theoretical Issues*. Harare, Zimbabwe: SAPES, 1992.
- Ndlovu S., Mutale S.B. Emerging Trends in Women's Participation in Politics in Africa // *American International Journal of Contemporary Research*. 2013. Vol. 3, no. 11. P. 75–77.
- Negotiating Patriarchy and Gender in Africa. Discourses, Practices, and Policies* / Egodi Uchendu, Ngozi Edeagu (eds.). Lanham: Lexington Books, 2021.
- Paxton P.M., Hughes M.M. *Women, Politics, and Power: A Global Perspective*. Third Edition. USA: CQ Press, 2015.
- Prokopenko L.Ya. Development of the Institution of the First Ladyship in Africa // *Journal of Globalization Studies*. 2021. Vol. 12, no. 1. P. 38–60. <https://doi.org/10.30884/jogs/2021.01.03>
- Sage A. Premières dames et first ladies: la femme du chef est-elle le chef du chef? // *L'Afrique Politique. Femmes d'Afrique*. Karthala Editions, 1998. P. 45–62.
- Tripp A.M. *Women and Power in Postconflict Africa*. Cambridge University Press, 2015.
- Tvedten I. Mozambique Country Case Study: Gender Equality and Development. 2011. URL: <https://www.cmi.no/publications/file/3925-gender-equality-and-development-in-mozambique.pdf> (accessed: 20.11.2021).
- Van Wyk J.-A., Nyere C., Muresan A. African First Ladies, Politics and the State // *Politeia*. Unisa Press. 2018. Vol. 37, no. 2. P. 1–20. <https://doi.org/10.25159/0256-8845/4520>

References

- Abramova, I.O. (2019). The main African studies think tank in Russia. *Journal of the Institute for African studies*, 4 (49), 7–13. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2019-49-4-7-13> (In Russian).
- Ayvazova, S.G. (2008). *Russian elections: Gender reading*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Amundsen, I., & Kayuni, H. (2016). *Women in politics in Malawi*. Bergen: Chr. Michelsen Institute (CMI).
- Bond, P. (2000). *Elite transition from apartheid to neoliberalism in South Africa*. Second Edition. London: Pluto Press.
- Britton, H.E. (2005). *Women in the South African parliament: From resistance to governance*. University of Illinois Press.
- Geisler, G.G. (2004). *Women and the remaking of politics in Southern Africa: Negotiating*. Uppsala: Nordic Africa Institute.
- Madsen, D.H. (Ed.). (2021). *Gendered institution and women's political representation in Africa*. Bloomsbury Publishing.
- Gillard, J., & Okonjo-Iweala, N. (2021). *Women and leadership: Real lives, real lessons*. London: Penguin Books.
- Karberg, S. (2015). *Participação política das mulhere e a sua influência para uma maior capacitação da mulher em Moçambique*. Friedrich Ebert Stiftung. Retrieved November 22, 2021, from <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/mosambik/13026.pdf> (In Portuguese).
- McDowell, L. (1999). *Gender, identity and place: Understanding feminist geographies*. Cambridge: Polity.
- Meena, R. (1992). *Gender in Southern Africa: Conceptual and theoretical issues*. Harare, Zimbabwe: SAPES.
- Ndlovu, S., & Mutale, S.B. (2013). Emerging trends in women's participation in politics in Africa. *American International Journal of Contemporary Research*, 3(11), 75–77.
- Uchendu, E., & Edeagu, N. (Eds.) (2021). *Negotiating patriarchy and gender in Africa: Discourses, practices, and policies*. Lanham: Lexington Books.
- Paxton, P.M., & Hughes, M.M. (2015). *Women, politics, and power: A global perspective*. Third Edition. USA: CQ Press.
- Prokopenko, L.Ya. (2018). *Women and power (Southern African countries)*. Moscow: Institute for African Studies of RAS. (In Russian).
- Prokopenko, L.Ya. (2021). Development of the institution of the first ladyship in Africa. *Journal of Globalization Studies*, 12(1), 38–60. <https://doi.org/10.30884/jogs/2021.01.03>

- Sage, A. (1998). Premières dames et first ladies: la femme du chef est-elle le chef du chef? *L'Afrique Politique. Femmes d'Afrique*. Karthala Editions, 45–62. (In French).
- Shubin, V.G. (1999). *African National Congress in the years of underground and armed struggle*. Moscow: Institute for African Studies of RAS. (In Russian).
- Tripp, A.M. (2015). *Women and power in postconflict Africa*. Cambridge University Press.
- Tvedten, I. (2011). Mozambique country case study: Gender equality and development. Retrieved November 20, 2021, from <https://www.cmi.no/publications/file/3925-gender-equality-and-development-in-mozambique.pdf>
- Van Wyk, J.-A., Nyere, C., & Muresan, A. (2018). African first ladies, politics and the state. *Politeia*, 37(2), 1–20. <https://doi.org/10.25159/0256-8845/4520>

Сведения об авторе:

Прокопенко Любовь Ярославовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН (e-mail: skole60@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1121-8828)

About the author:

Liubov Ya. Prokopenko – PhD in History, Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Science (e-mail: skole60@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1121-8828)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-166-174

Research article / Научная статья

Career Barriers in Ghana: Evidence from Female Civil Servants

Valeriya V. Utkina , Alina V. Efimova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

 valeria_utkina@hotmail.com

Abstract. Ghanaian civil service is a classic example of a “gender pyramid” where top positions tend to be occupied by men, while women (more than 50%) face gender discrimination. Gender stereotypes about women are a major barrier to women’s career advancement in Ghanaian civil service. Based on a series of in-depth interviews with women in the Ghanaian public authorities, we identified the main problems women face in the Ghanaian civil service, such as patriarchal practices, gender discrimination, and harassment, including sexual harassment. Our study aims to show the practitioners why it is hardly possible to call public service a “comfortable job” for women in Ghana.

Keywords: civil service, female civil servants, discrimination, Ghana, women, patriarchy, in-depth interview

For citation: Utkina, V.V., & Efimova, A.V. (2022). Career barriers in Ghana: Evidence from female civil servants. *RUDN Journal of Political Science*, 24(1), 166–174. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-166-174>

Acknowledgements: 1) The authors would like to thank the students and alumni of the HSE Master’s program “Population and Development”: Cornelia Nyadroh, Helen Selorm Wohoyie, Daniel Yamoah Gyasi, and Arnold Senyo Gbetie for invaluable assistance in the fieldwork. 2) This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

Карьерные ограничения для женщин на государственной службе в Гане

В.В. Уткина , А.В. Ефимова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

 valeria_utkina@hotmail.com

Аннотация. Государственная служба Ганы является классическим примером «гендерной пирамиды», в которой руководящие должности обычно занимают мужчины, а женщины (более 50% гражданских служащих) сталкиваются с гендерной дискриминацией. Гендерные стереотипы в отношении женщин являются серьезным препятствием на пути карьерного роста

© Utkina V.V., Efimova A.V., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

женщин на государственной службе Ганы. На основе серии глубинных интервью были выявлены основные проблемы, с которыми сталкиваются женщины на государственной службе Ганы. По результатам нашего исследования, это патриархальные практики, гендерная дискриминация и харассмент, в том числе сексуальные домогательства. Наше исследование направлено на то, чтобы помочь практикам выяснить причины, почему считать государственную службу «удобной работой» для ганских женщин не представляется возможным.

Ключевые слова: государственная служба, женщина на госслужбе, дискриминация, Гана, женщина, патриархат, глубинное интервью

Для цитирования: *Utkina V.V., Efimova A.V. Career barriers in Ghana: Evidence from female civil servants // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 166–174. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-166-174>*

Благодарности: Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Авторы выражают благодарность студентам и выпускникам магистерской образовательной программы «Население и развитие» НИУ ВШЭ: Корнелии Ньядро, Хелен Селорм Вохойе, Даниэлю Ямоа Гьяси и Арнольду Сенью Гбети за неоценимую помощь на полевом этапе работы.

Introduction

The global processes of incorporating women into the labor market, including the civil service, are paying off. Today, there is a trend towards the feminization of the civil service. And Ghana is not an exception. There are more than 50% of Ghanaian civil servants are female. Thus, despite the high numbers of females in the civil service, gender disparities and discrimination remain a critical phenomenon in Ghanaian public administration. There is a “gender pyramid” in Ghanaian public authorities when only a small proportion of women have access to the decision-making level.

One of the main reasons for women to join civil service is a flexible work schedule, which enabled them to combine work and family and job security. Despite all the specific features in the socio-economic development situation of Ghana motivation of women to work for the government is quite common: they joined public authorities because of the benefits they were told the civil service gives to its employees, such as job security, study leave, retirement benefits, allowances, good salary, or when there is no job in the private sector. However, the question arises what challenges do women face in patriarchal culture-building their career in public administration considered as a male occupation.

While the neo-liberal approach emphasizes the strengthening of the female presence in government bodies, representatives of gender approaches argue for reproduction in the power structures of the patriarchal scheme of women subjugation by men, pushing them to low-status positions that involve performing routine work.

Women in Public Service of Ghana: Historical Background and Current Status

It is important to address the context of Ghanaian society to gain a deeper understanding of how historical and cultural norms have impacted the lives of local

women in general and, particularly, those in the public service. The current situation of Ghanaian women is the result of complex and intervening historical and social processes. The country fought its way to independence. And each new round in the post-colonial process was to a significant extent gendered, and thus strongly influenced the difference in the position of women and men [Tamale 2000; Agbaje 2019]. Some scholars argue that despite the patriarchal dominance in pre-colonial Ghana, women still had enjoyed some autonomy and were an active part of productive and trade activities [Adusah-Karikari, Ohemeng 2014]. Accordingly, it was the colonial period that caused significant drawbacks in women's position in society and reinforced strong binaries connected with the perception of gender. For instance, British colonizers imported to Ghana countries the "Victorian woman" who belongs to the private domain [Agbaje 2019]. As for women in public administration, there was open discrimination during the colonial period, including obligatory resignation after getting pregnant and off-limits to administrative positions in the service despite qualifications [Adusah-Karikari, Ohemeng 2014].

The gendered consequences of the independence were two-fold: to some extent position of women in the civil service in Ghana started improving and women started enjoying full political rights, partially because of the interest of nationalist rulers at a time in positioning themselves as progressive and democratic leaders. Yet there was a significant heritage of male privilege mixed with subordinating role of women in the political structures and ideologies [Tamale 2000].

Why the Legal Framework Falls Short in Addressing the Challenges

Since the independence, the Ghanaian government has made several attempts to improve the position of women in public bureaucracy and initiate gender-mainstreaming processes, however, with varying degrees of success. They included affirmative actions to guarantee the positions in the Nkrumah government, the so-called "Africanization" policy to indigenize the civic service, as well as the Labor Decree of 1967 that guaranteed equal rights of sexes and provided women with a paid maternity leave. In addition, the National Council on Women and Development has been created in 1975. In 2001, it was replaced by the Ministry of Women and Children's Affairs – MOWAC (further renamed into the Ministry of Gender, Children and Social Protection in 2013) [Adusah-Karikari, Ohemeng 2014]. These developments coexisted with Ghana's active involvement in international discussions of women's rights. Ghana ratified major international and regional women's rights protection treaties. Thus, the Ghanaian government is obligated to incorporate the provisions of these instruments into national laws. Moreover, the state officially supported the provisions of the laws that have arisen from the UN Conferences on women's rights.

Despite the number of initiatives mentioned above and ratification of the international treaties, Ghanaian women continue to experience discrimination. Scholars argue that the key reason for that has to do with the fact that laws solely are not sufficient to transform existing discriminatory practices against women and the change requires more local and narrow work with the communities. When

dealing with gender issues one often tends to make them something that women themselves are responsible for, lacking the understanding that most of these issues are, in fact, instigated by men and it is men who have more access to law enforcement mechanisms [Dowuona-Hammond et al. 2020]. International laws are not fully incorporated into the national legislation, and, as a result, national laws are often not enough to repeal discriminatory practices. Another important challenge is that laws are often poorly implemented because of the bias against some social groups (e.g., low-income women and men), lacking resources, constant delays in the court process, patriarchal environment, and deeply held beliefs that sustain systematic gender inequalities. In addition, the awareness of existing laws on women's rights is low because of inefficient legal education institutions.¹

Consequently, the position of Ghanaian women in the public service remains far from great. Scholars emphasize that it is not enough to simply focus on the proportion of women in the bureaucracy and to solve the existing problems the legislators should pay more attention to the more fundamental indigenous factors that still work against female success in climbing the bureaucratic ladder, including traditions and socio-cultural norms. Indeed, if we look at the statistics, the problem becomes quite vivid. As estimated by the International Labour Organization, the employment services of male and female in 2019 was 44.3% and 54.3% respectively. Furthermore, the wages/salaried worker and family workers contribution was estimated at 32.9% and 5.3% for males, while that of females was estimated at 17.3% and 13.1%. The above estimates indicate that irrespective of the fact that women are more represented in services, they earn less from their salary and provide more for family upkeep in Ghana. Ghana is currently ranked 117/156 in the Global gender gap index with a 0.67 coefficient right between Sri Lanka (116) and Guinea (118).² Even though the number of female ministers and women in representative public bodies in the country has been slowly increasing over the years, there is still space for improvement [Bawa, Sanyare 2013]. As a case in point, only eight ministerial positions out of 30 were occupied by women in 2021.³

Challenges Faced by Female Public Servants in Ghana

Many studies that examine the participation of women in public institutions, as well as their political representation, take Ghana as a case study [Acheampong, Dinye 2015]. Aidoo and Achira, for example, outline four factors that impede the careers of women in the formal sector organizations in Ghana: (1) organizational

---

¹ The Women's Manifesto for Ghana 2004. URL: <https://abantu-rowa.com/womens-manifesto/> (accessed: 16.02.2019).

² Global Gender Gap Report by The World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2017> (accessed: 16.02.2019).

³ Annang, E. (2021). Akufo-Addo to appoint 8 women as Ministers. Pulse.com. URL: <https://www.pulse.com.gh/news/local/akufo-addo-to-appoint-8-women-as-ministers/5k75t33> (accessed: 09.06.2021).

barrier towards the career progression of women by making them work harder than men to get promoted in an organization; (2) the role of government that ensures no affirmative action to improve the number of women in upper echelons); (3) the influence of the society where many believe that men are better managers than women; and (4) contributions made by the women themselves (especially those in the top positions being reluctant in ensuring and supporting other women in lower levels to reach the top) [Aidoo, Achira 2016]. Other factors that significantly influence the career trajectories of women in Ghana's government are work-life-(in)balance family, gender stereotypes, and harassment in the workplace.

The existing legislation aimed at preventing objective discrimination of women quite falls short in addressing the subjective discrimination voiced by female public servants. When asked directly, Ghanaian females indicate that they feel limited in promotion, education, and business travel opportunities when compared to their male colleagues and call other women to believe in each other and unite when needed. Interestingly, Ghanaian public servants are well aware of the government's commitment to increasing the number of women in decision-making bodies. Yet according to them, most of these measures still only exist on paper and hardly help in real life. Because of the existence of these barriers, the authors were not able to find a passive-active link of representative bureaucracy in the case of Ghana [Adusah-Karikari, Ohemeng 2014]. According to the Netright cited in Manuh and Anyidoho, partisanship is a major setback to women's advancement in Ghana. Moreover, the low representation of women in top management and leadership positions in Ghana was attributed to the poor operationalization and enforcement of gender policies [Manuh, Anyidoho 2015]. Adusah-Karikari and Akukos argued that all efforts to promote women's empowerment in Ghana, especially within the public sector seem less progressive and below expectation [Adusah-Karikari, Akukos 2010].

Methodology

On the background of difficult access to the research field and limited empirical knowledge about the problem, we chose a qualitative approach to the following study and used qualitative data to examine the experiences of female civil servants in Ghanaian public authorities. Our study was based on a set of ten in-depth interviews (see Table) with Ghanaian women respectfully who have worked in the civil service (minimum 2 years without a break) in different parts of the country. The description of those surveyed can be found in Appendix. We will treat these interviews as case studies. The interview guide represents a short biographical part focusing on the periods of school and further education, career choice, and path, some questions were related to marital status and reproductive intentions/children. The results were guided by the unstructured framing analysis, where the major research goal is to examine how women themselves explain and narrate job experiences.

Data of respondents of the in-depth interviews

No.	Respondent	Age	Place of work	Work experience
1.	Respondent 1	45	Information Services Department, Accra	2008 – Present
2.	Respondent 2	43	Ministry of Trade and Industry, Volta Region	2008 – Present
3.	Respondent 3	30	Ministry of Communications, Accra	2019 – Present
4.	Respondent 4	28	Information Technology Directorate, Ministry of Communications, Accra	2017 – Present
5.	Respondent 5	26	Kweabibirem Municipal Assembly – Department of Agriculture	2018 – Present
6.	Respondent 6	35	Birim North District Assembly – Department of Agriculture	2011 – Present
7.	Respondent 7	33	Birim North District Assembly – Development Planning Unit	2014 – Present
8.	Respondent 8	28	Nsawam Adoagyiri Municipal Assembly	2018 – Present
9.	Respondent 9	31	Ghana Health Service, Koforidua	2019 – Present
10.	Respondent 10	38	Ministry of local government	2017 – Present

Source: provided by authors.

The Results of the Study

Patriarchy

Our study shows that Ghanaian women working in public bodies have personal experience of patriarchy practices during all the period of working in the civil service. Landing a job in government agencies is associated with the influence of gender stereotypes and patriarchy, which reigns in Ghanaian society dramatically. For instance, it is the superior man, for example, the father, who has a significant influence on the choice of the civil service as a future profession for young women:

“My father is a huge influence in my life even when it comes to which service to choose to work with. He gave me the advantages of joining the public service because he himself was with the public service” (Respondent 2).

However, it is important to note that, in principle, there is an opinion that working in state horns is a so-called “female” profession, therefore, such a choice can be influenced by the superior woman – mother or an aunt – who already have a career in public administration and explain all the advantages *“like retirement benefits, ability to gain study leave and job security”*.

The cultural code of male excellence is embedded not only in the perceptions about the world but also in the personal career views of women in Ghana. Although some women reflex on this situation, they more often describe it as a natural phenomenon that cannot be changed. Therefore, they are forced to adapt to these conditions and adjust their behavior to them. Mostly, they try not to make any mistakes, otherwise *“when it is a female [mistake], after that, anytime there is a*

work and they give it to that particular female she is reminded of her past mistake, which should not be so».

Gender Discrimination

Several critical factors – institutional, systemic, structural, and societal – reinforce the (re)production of discrimination and glass ceilings in particular in the bureaucracy and politics in Ghana. But we need to realize that many women, talking about their work, often did not catch what they were talking about discriminatory practices, they just mention above all that being a woman is harder and *“gives you more headache to do more to succeed because if you give 100% to what the men do you would not be appreciated they expect 120% from you to be given the same appreciation they would give to the men” and conclude that “being a woman means harder work and more responsibilities” (Respondent 3).*

Many of our respondents openly stated that they were difficult to promote because they were women. And this was not due to the heavy workload with domestic work or the presence of children (as a difficulty for them), but above all as a stereotypical view of superior male colleagues:

“I know am responsible and very determined but my gender as a female would work against me because even at my district I am denied of promotion due to the fact of being female” (Respondent 1).

Generally, Ghana’s Civil Service is perceived as male-dominated and the male-dominated values in it as entrenched and very much alive. One interviewee complained that certain important activities in the ministries are relegated to after-work hours. The consequence is that women, in particular those married with children, on whom the burden of housekeeping typically falls, are unable to attend, having instead to return home to deal with domestic matters.

Harassment

Violation of personal boundaries is widespread in the Ghanaian authorities. Women are forced to work harder and better to have equal career prospects. Nevertheless, even when they achieve certain success in their career, they are faced with harassment, including sexual harassment. A significant number of Ghanaians know the predominance of sexual harassment in the workplace, particularly state-owned authorities. According to surveys, information on sexual harassment is mostly provided by the mass media; from news reports and expert media programs. Friends and relatives who experienced or witnessed harassment issues also serve as sources of information on the subject. Our respondents openly shared their experiences:

“...in my opinion based on what I have heard, yes it’s common because most of them complain of sexual harassment” (Respondent 5).

Experts reviewers of Ghana’s conventions on sexual harassment suggest that the laws are not practical and do not provide “sustainable protection for victims”. Thus, sexual harassment is prevalent and often confused with courting or playful

flirting. In the face of all these⁴ provisions and organizational policies, evidence has shown that many women refuse to take advantage of this provision for fear of being blacklisted for future references from the organization or being labeled as the black sheep.⁵ Andoh revealed that about 74% of female and 42% of male employees had been harassed at work in the past and about 95% of the cases go unreported.⁶

“I have witnessed harassment. On a few occasions I have seen service personnel leave the Director’s office to the washroom combing their hair and in tears.<...> The question is, has any woman the strength or bravery to report such harassment?” (Respondent 1).

So, most do not report for fear of losing their jobs and the situation remains unchanged. The perception that the female civil servants are objects of desire and the various prescribed gender roles could be blamed for sexual harassment. Unnecessary competition from men, and sexist comments at the workplace when a woman assumes a higher status also amount to sex discrimination. All these do not promote healthy culture at the workplace in Ghanaian public administration.

Conclusion and Discussion

The main challenges women face in pursuing a career in the public sector in Ghana are gender-related. In addition to structural factors based in part on gender stereotypes, the most pressing challenge for women’s career development for Ghanaian female civil servants relates to double burden – efforts to combine family and professional responsibilities. However, some women self-exclude themselves from the career race in order to be able to fulfill family responsibilities.

According to the results of our research, it is hardly possible to relegate public service as a “comfortable job” for a woman in Ghana. At the same time, more women join work in public agencies and, importantly, desire promotions. However, not all of them succeed, mostly because of discriminatory practices such as the glass ceiling and well-spread harassment. It appears that the challenges confronted by women across different agencies are quite similar; the landscape has not altered much since it was suggested in The Women’s Manifesto for Ghana⁷ in 2004, which calls for equal female participation in Ghanaian public administration.

This study is limited by not considering the impact of the coronavirus pandemic on the status of women in Ghana’s government, which will be assessed at a later

---

⁴ Bortei-Doku Aryeetey, E. (2004). Coming to terms with sexual harassment in Ghana. Technical Publication. No. 64.

⁵ Kamal Lettor, I.B. et al. (2020). Knowledge and perceptions on COVID-19 among senior high school students in Ghana: a cross-sectional study. medRxiv. URL: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.11.18.20234088v1.article-metrics> (accessed: 16.02.2019).

⁶ Amissah, P. et al. (2001). IEQ2/Ghana Final report: The implementation of Ghana’s school language policy. America Institute for Research.

⁷ The Women’s Manifesto for Ghana (2004). URL: <https://abantu-rowa.com/womens-manifesto/> (accessed: 16.02.2019).

date. Nevertheless, it is already possible to safely say that during the pandemic, the career prospects of women around the world have dramatically decreased, and Ghana was no exception.

Received / Поступила в редакцию: 22.09.2021

Revised / Доработана после рецензирования: 19.10.2021

Accepted / Принята к публикации: 15.11.2021

References

- Acheampong, E.O., & Dinye, R.D. (2015). Women and local governance in developing countries: A case study of Ejisu, Ghana. *International Journal of Public Administration*, 38(3), 200–215.
- Adusah-Karikari, A., & Akuokos, T. (2010). Gender mainstreaming in Ghana's public sector: Myth or reality, *The International Journal of Diversity in Organisations, Communities and Nations*, 10(4), 95–111.
- Adusah-Karikari, A., & Ohemeng, F.L.K. (2014). Representative bureaucracy in the public service? A critical analysis of the challenges confronting women in the civil service of Ghana. *International Journal of Public Administration*, 37(9), 568–580.
- Agbaje, F.I. (2019). Colonialism and Gender in Africa. In O. Yacob-Haliso & T. Falola (Eds.), *The Palgrave Handbook of African Women's Studies*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-77030-7_3-1
- Aidoo, E., & Achira, D.C. (2016). Factors that influence the glass ceiling. Evidence from the Formal Sector Organization. *British Journal of Economics, Management and Trade*, 12(1), 1–13, Article no. BJEMT.22729
- Bawa, S., & Sanyare, F. (2013). Women's participation and representation in politics: Perspectives from Ghana. *International Journal of Public Administration*, 36(4), 282–291.
- Dowuona-Hammond, C., Atuguba, R.A., & Tuokuu, F.X.D. (2020). *Women's Survival in Ghana: What Has Law Got to Do With It?* SAGE Open. <https://doi.org/10.1177/2158244020941472>
- Manuh, T., & Anyidoho, N.A. (2015). 'To Beijing and back': reflections on the influence of the Beijing Conference on popular notions of women's empowerment in Ghana, *IDS Bulletin*, 46(4), 19–27.
- Tagoe, M., & Abakah, E. (2015). Issues of Women's Political Participation and Decision-Making in Local Governance: Perspectives from the Central Region of Ghana. *International Journal of Public Administration*, 38(5), 371–380.
- Tamale, S. (2000). 'Point of Order, Mr. Speaker': African Women Claiming Their Space in Parliament. *Gender and Development*, 8(3), 8–15.
- Utkina, V. (2018). Gender and Governance, Russia. In *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy and Governance* (pp. 1–7). Cham: Springer.

About the authors:

Valeriya V. Utkina – Senior Lecturer, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (e-mail: valeria_utkina@hotmail.com) (ORCID: 0000-0003-0012-1999)

Alina V. Efimova – master student of the Program “Comparative Social Research”, National Research University Higher School of Economics (e-mail: alina63efimova@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-5527-4883)

Сведения об авторах:

Уткина Валерия Владимировна – старший преподаватель факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: valeria_utkina@hotmail.com) (ORCID: 0000-0003-0012-1999)

Ефимова Алина Вадимовна – студентка магистерской программы «Сравнительные социальные исследования» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: alina63efimova@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-5527-4883)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
